

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

СЛАВИСТИКА

**(Андреевские чтения; Славяне в контексте мировой
культуры; Славянское языкознание):**

сборник статей по материалам

**LIII Международной научной филологической
конференции имени Л. А. Вербицкой**

25—31 марта 2025 г.

Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
Издательско-полиграфическая ассоциация
высших учебных заведений
2025

УДК 80+811.16
ББК 80
С47

Рецензенты:

Н. Б. Ершова, к. ф. н., доцент (РГПУ им. А. И. Герцена)
Кристина Новакова, магистр (СПбГУ)

Славистика (Андреевские чтения; Славяне в контексте мировой культуры; Славянское языкознание): Сборник статей по материалам LIII Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой. 25–31 марта 2025 г. Санкт-Петербург / под редакцией доц. О. В. Гусевой, проф. М. Ю. Котовой. — СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. — 132 с.

Статьи сборника основаны на докладах, прозвучавших на заседаниях секций направления «Славистика» («Андреевские чтения», «Славяне в контексте мировой культуры», «Славянское языкознание»), проходивших в рамках LIII Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой 25–31 марта 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для филологов-славистов, а также всех, кто интересуется исследованиями в области русского и славянского литературоведения и языкознания.

© Коллектив авторов, 2025
© Издательско-полиграфическая
ассоциация высших учебных
заведений, 2025

ISBN 978-5-91155-429-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это уже второй сборник «Славистика», предлагаемый вниманию читателей, интересующихся вопросами современного славяноведения. Первый сборник вышел в 2024 г. Настоящий сборник статей «Славистика» составлен по материалам докладов, прозвучавших на ЛП Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой, которая состоялась 25–31 марта 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. Славистические доклады были представлены в рамках секций направления «Славистика»: «Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные взаимосвязи» (руководитель секции — доцент Ольга Валерьевна Гусева), «Славяне в контексте мировой культуры: компаративистика, имагология, переводоведение» (руководитель — профессор Марина Юрьевна Котова) и «Славянское языкознание» (руководитель — доцент Андрей Владимирович Бабанов).

В первой части сборника опубликованы статьи, посвященные различным вопросам славянской филологии. Открывают сборник статьи по славянскому литературоведению: доцента Марины Николаевны Дробышевой (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина), доцента Александры Витальевны Тоичкиной (СПбГУ), доцента Ольги Валерьевны Розинской (МГУ им. М. В. Ломоносова) и др., в которых обсуждается широкий круг проблем, связанных с историей и современным состоянием зарубежных славянских литератур и славяно-русских литературных взаимосвязей. Различные аспекты славянского сопоставительного языкознания и переводоведения раскрывают статьи профессора Ольги Борисовны Абакумовой в соавторстве со старшим преподавателем Анной Л. Колесниковой (Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева), доцента Виктории Владиславовны Мушинской (СПбГУ) и др.

Во вторую часть сборника вошли материалы заседания «Круглого стола памяти Ирины Макаровны Порочкиной: к 100-летию юбилею». Авторами статей, посвященных выдающейся советской

и российской богемистке, преподавателю и переводчику И. М. Порочкиной, стали ее друзья, коллеги и ученики. Среди них Татьяна Николаевна Иванова-Шелингер (РГПУ им. А. И. Герцена), Наталия Владимировна Шварц (Российское общество Ф. М. Достоевского), Ольга Викторовна Раина (СПбГУ) и др.

От редакторов

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА МАРИНА ДРЖИЧА — ПРЕДТЕЧА БУДУЩЕЙ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

М. Н. Дробышева

*Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия*

drob.55@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена первым драматургическим опытам в жанре пасторали таких авторов Далматинско-Дубровницкого Возрождения, как Мавро Ветранович и Марин Држич. В статье рассматривается понятие мифа в контексте южнославянской драматургии. Особое внимание уделяется мифологической драме Марина Држича «Тирена», в которой обнаруживаются зачатки публицистики. Основы публицистики закладываются в диалоге сцен данной пасторали, что наблюдалось в период раннего гуманизма. В прологе автор обращается к насущным злободневным проблемам в жизни дубровницкого общества. В пьесе не просто показана картина жизни, страсти и любви, а выстраивается своеобразная социальная матрица, в которой анализируются категории, лежащие в основе последующей публицистики.

Ключевые слова: драма, мифология, пастораль, фольклорные жанры, героиня, предисловие, публицистика, пролог, эстетика, традиция, любовь, пасторальный идеал

Пасторальная драма в XVI в. становится самым востребованным жанром европейской театральной культуры и литературы. Устное народное творчество в Дубровнике было в достаточной степени мифологичным, и поэтому не возникало заметных противоречий между фольклором и усвоенной через итальянскую культуру античной мифологией. Мир нимф, дриад и сильфид был весьма близок к миру далматинских вил, и происхождение одних не столь уж отличалось от происхождения других. Античная мифология в значительной степени формировалась по законам той же фольклорной традиции. Прежде чем говорить о мифе, стоит присмотреться

к истории становления этого понятия. Размывание изначального значения слова «мифология» не является чем-то уникальным. Проблема в другом: зародившись в недрах филологии, породнившись с историей, этнографией, религиоведением, наука о мифах так и не приобрела должной самостоятельности. Как полагает А. А. Бесков, следует разграничивать значение термина «мифология» тремя хронологическими пластами, отражающими его историческое развитие: эпоха первобытной (архаической) мифологии, когда миф был единственным способом выражения абстрактных понятий, и эпохи «вторичной» и «третичной» мифологии, когда миф стал востребованной формой бытования некоторых идей [Бесков 2015: 116–120].

Создателем пасторальной драмы был Мавро Ветранович. Особое место в творчестве Ветрановича занимает мифологическая драма «Орфей» [Kolendić 1908: 3–6]. Ветранович, создавая свое сочинение «Орфей», обращается к жанру поминальных стихов, причитаний, отличающихся особой эмоциональной подвижностью в импровизации. В их основе лежат фольклорные жанры (предание, легенда, быль), а также реальные исторические события, что связывает их с публицистикой. «Путешествие в глубь веков олицетворяет движение к сакральному центру страны. Через яркие страницы истории — этапы становления государства происходит своего рода духовное воссоединение с далекими предками» [Щелокова 2012: 92].

Ряд историков, в частности Петар Скок, придерживаются мнения, что далматинско-дубровницкая литература, включающая в себя и пасторали, возникла из итальянского литературного опыта и подверглась славянизации на восточном берегу Адриатики. Личность Анджело Полициано, как и его мифологическая драма «Сказание об Орфее», были хорошо известны дубровницким поэтам [Skok 1950: 46]. Есть свидетельства, что А. Полициано неоднократно бывал в Дубровнике. Полициано был избран ректором Дубровницкой академии, где преподавал словесность будущим поэтам Карлу Пуичичу, Илие Цриевичу, который затем учился в Римской академии у Помпонио Лето, основателя жанра ученой комедии (*la comedia erudita*).

На примере трех пасторальных драм М. Држича, таких как «Тирена», «Венера и Адонис» («История, как Венера-богиня влюбилась в прекрасного Адониса, в комедии представленная»), «Грижула» («Плакир») и «Джуха Крпета», рассмотрим, как видоизменялась дубровницкая пастораль, в чем проявилось новаторство драматурга

и как формировался специфический «пасторальный идеал». Важно отметить, что категория идеала актуализируется, и это стимулирует возрождение публицистического дискурса.

В XVI в. в Сиене драматические представления соединяли в себе черты пасторальной идиллии и грубого фарса. Их героями были аркадийно-элегические пастухи и грубые вилланы. Подобную жанровую разновидность сиенские актеры разрабатывали, объединившись в «сообщество неотесанных» (*congrega de Rozzi*, 1531). Их драмы являли собой любопытную типологическую параллель творчеству Анджело Беолько (Рудзанте) (1502–1542). Эти пасторали и стали своеобразной «отправной точкой» для дальнейших художественных поисков М. Држича. Не случайно поэт своей героине дает имя нимфы Тирена. Полагаем, что оно связано с топонимом *Tirsenia* (*Etruria*) — ныне Тоскана — область в Италии, где находится Сиена¹.

В своем посвящении: «Светлому и благородному дворянину Маро Макулье Пуцичу Марин Држич» (*Svitlomu i uzvišenomu vlastelinu Maru Makulji Puciću Marin Držić*) автор использовал стиль хвалебной песни, вводя характерные метафоры, эпитеты и сравнения. Так, Држич пишет о дубровницком дворянине: «*svitla krvi hrabreni vlasteline časti grada Dubrovnika*» (благородной крови, мужественный дворянин, доброе имя, честь Дубровника), подчеркивая, что именно тогда автору было важно о нем так написать. М. Држич вспоминает и его великого отца, аристократа Джива Макульича, называя его «блестящее наше достояние, которое можно сравнить с солнечным лучом на небе и на земле» (...*koga je svitla vridnos među nami kako sunčani zrak na nebi i na zemlji*) [Držić 2011].

В этом предисловии, адресованном дубровницкому властелину, скрыт и определенный подтекст, что автор создал эту комедийную пастораль не для развлечения и увеселения бездельников, а для тех, кто с добротой отнесется к его сочинению, сумеет насладиться им и отнестись к нему с пониманием, намекая тем самым и на своих недоброжелателей. Посвящая свое пасторальное сочинение прекрасной дубраве Дубровник, М. Држич мог подразумевать другое место, так как Тирена не только имя нимфы, но и старое название города Тосканы, бывшей Этрурии. Кроме этого, в имени Тирена мог быть сокрыт тайный смысл: Тосканской Флоренцией правил в тот период Козимо I Медичи, к которому обращался в своих

¹ Свое происхождение Тирена берет от мужского имени Тирен. Тирен (или Тирсен) — сын лидийского царя Атиса. Лидийцы переселились в Этрурию.

письмах М. Држич, чтобы тот помог устранить правительство «ludijeh nakaza» (сумасшедших уродов). Таким образом, даже в этом небольшом предисловии обнаруживаются зачатки публицистики как социально злободневного повествования. «Под социальной мифологией можно понимать реестр социальных иллюзий, сознательно распространяемых в обществе для достижения определенных целей. Миф в целом не устраним из человеческой жизни, и его многочисленные социальные модификации выходят на первый план в нестабильные этапы мировой истории» [Трубицина 2023: 158].

М. Држич — человек независимый в своих суждениях и взглядах, но при этом он был вынужден идти на компромиссы. Социальная обстановка его произведений во многом определяется феодальным наследием прошлого, так как общество было еще социально незрелым, вместе с тем в пьесах слышатся ренессансные нотки гуманистического мировоззрения.

Марин Држич начинает действие пасторали не типичным прологом ученой комедии в духе традиционно итальянской пасторальной драмы, не диалогом дворян, переодетых пастухами, или, как у Пьетро Аретино, диалогом Дворянина и Иностранца. Именно пастухам, представителям крестьянского, народного начала, М. Држич вверяет важнейшую миссию — поведать зрителям Дубровника спонтанно, интуитивно о том, чем был знаменит город и его жители. Так у М. Држича закладывалось понятие миссии — важная категория публицистики.

Пролог написан М. Држичем в форме диалога, напоминающего репортаж, созданный в эпоху Ренессанса, в котором автор рассуждает на жизненно важные темы, волнующие дубровчан. Он пытается донести свои мысли до сограждан, но не всегда это ему удавалось сделать открыто, в прямой откровенной публицистической форме. М. Држич использовал полемичную форму, он говорит со зрителями как просветитель, озабоченный судьбами республики, насущными нравственными проблемами. «Именно переплетение документального и художественного начала во многом определило генезис и эволюцию новой национальной мифологии... документальное и художественное зачастую как бы соревнуются между собой и переkreщиваются в самых причудливых вариациях» [Пашкуров, Бакиров 2016: 141].

Дубровнические гуманисты занимались литературной деятельностью, имеющей ярко выраженный дидактический характер. Ху-

дожественное слово позволило им иносказательно выражать свои идеи. Этим же приемом воспользовался и М. Држич. В прологе «Тирены» есть черты очерка, созданного Држичем не только как поэтом, но и как публицистом. Его открытость апеллирует к мнению жителей Далматинско-Дубровницкого региона. Он проявляет себя как поэт и как публицист: художественное слово наполняется ярким публицистическим смыслом, автор обращается к злободневным проблемам, волнующим дубровчан.

В прологе драматург также упоминает колодец, который посещали вилы (*koga su tej vile od bistra hladenca*), в нем зрители узнавали Большой колодец (фонтан), построенный Онофрио де ла Кава в 1436—1438 гг., откуда, по преданию, всегда появлялись вилы, чтобы общаться с дубровчанами и вдохновлять их.

Как мы видим, в прологе М. Држич по-своему интерпретирует учение Платона о поэтическом вдохновении. Именно вилы, подобно древнегреческим музам, научили Джоре Држича и Шишку Менчетича, которых почитал М. Држич, сочинять свои произведения. Драматург говорит и об отшельнике Мавро Ветрановиче, которого он сравнивает с Орфеем, стихами которого восхищались и рыбы в море, и звери в горах (автор явно намекает на поэтическую драму Ветрановича «Орфей»). Этими поэтическими строками он прославляет литературный дар дубровчан.

Драматург не забывает отметить успехи дубровчан в мореплавании: «корабли плывут у них в любую непогоду». М. Држич обращает внимание и на благосостояние Дубровника, праведную счастливую жизнь его жителей и восторгается его женщинами. При этом, отдавая дань итальянской традиции, он указывает на их аристократическое происхождение, сравнивает их прекрасные лица с утренней звездой Денницей.

Известно, что красота дубровчанок была легендарной; позже Карло Гольдони прославил их в мелодраме «Сердечное бедствие» (1752) (хорв. «*Magnet srdaža*», ит. «*La calamita de couri*»). Држич выделял женщин высшего сословия, и в этой оценке эстетика Држича соответствовала существующим убеждениям, что женщина-аристократка обладает особой красотой. Эстетическая оценка — мощная составляющая публицистики. В письмах Држича рассматривается руководящая роль правительства города, профессионализм мореплавателей, дипломатов, купечества. В драмах дается оценка с позиции морали женской красоты архитектурного облика городской

среды, поэтического начала литературного творчества. Таким образом актуализируется момент эстетики. Автор прямо положительно оценивает эффективность руководства: эстетическая передовая мысль отдает дань власти.

Вила Тирена предстает перед нами в облике охотницы с луком и стрелами, как богиня Диана, особенно явственным это сходство становится в сцене, где она пытается поймать медведя, разбудившего ее. Подобное изображение вилы в образе нимфы, наяды, героини античной драмы оказывает несомненное влияние на М. Држича ренессансной пасторальной традиции.

Существует множество толкований исторической эволюции этого образа, хотя следует указать, что среди них отсутствует одно, на наш взгляд, решающее обстоятельство. Вилы у Држича напоминают греческих амазонок, хотя они не столь решительно отвергают внимание к себе со стороны мужчин. Можно предположить, что в многообразных проявлениях этих героинь заметна их связь с общинно-родовым строем эпохи матриархата. Эта роль женщинами была утрачена, но вилы — существа, которые о ней постоянно напоминают и борются за предоставление слабому полу равных прав с мужчинами. М. Држич актуализирует гендерный аспект, поскольку в обществе уже назревает стремление, обращаясь к гендерным проблемам, представить мир в гармонии мужского и женского начал.

Из текста «Тирены» мы узнаем, что пречистая вила происходит от студеных вод (*prîčiste tej vile od voda studenih*). Тирена могла быть вилой источников (бродаркиња) или озер (језеркиња), ее родной средой было водное пространство. Вода всегда была как символом жизни вообще, так и символом «иной» жизни, «иного» пространства. Этот персонаж славянской мифологии вдохновил Марину Држича к созданию пленительного образа Тирены. Из болгарских источников XIII в. известно, что вилы — женские духи, очаровательные девушки с крыльями и распущенными волосами.

Завязка пьесы — встреча Любмира с Тиреной, которая происходит у колодца, где находится ее дом. Здесь Любмир объясняется Тирене в любви, которая столь велика, что он даже готов покончить с собой, если возлюбленная не ответит на его чувство. Вила еще не может до конца разобраться в природе своей любви, но его страстные признания, несомненно, покоряют ее. В этом наблюдается отличие от традиционной пасторали, в которой фантастиче-

ское существо не может ответить взаимностью на любовь пастуха. У Држича вила начинает влюбляться в Любмира, и в конце пьесы чувство ее крепнет.

Мифологическое существо вила очеловечивается. Тирена глубоко переживает случившееся, ибо любовь к Любмиру для нее становится главным смыслом существования. Частный случай проецируется на общество — и обретает типический характер. Монолог вилы обращен к человеку. Мы видим, что Тиреной овладело новое, необъяснимое чувство — любовь. Тирена отправляется на поиски Любмира. Из ее страстных речей видно, как изменилось ее отношение к любви. В первом же акте она говорила ему иначе.

«Концепт любви теряет абстрактность, быстро наполняется жизненным содержанием. Оставаясь по-прежнему возвышенным, чувство (и соответственно концепт) любви сочетает мечту об идеальном с, казалось бы, практическими рассуждениями о браке, о его особенностях и о налагаемых им обязанностях, о жертвенности и насилии. Таким образом любовь перерастает быть только частным делом, она приобретает право на внимание общества» [Греков 2011: 138–149].

Оригинальность пасторали «Тирена» заключена в передаче языка дубровницкого общества, в самобытном толковании мира народной славянской культуры.

М. Држич показывает на примере своих персонажей двойственность человеческой природы. Он пытается приблизить идеальный мир к реальности и при этом передать красоту не только дубровницкой природы, но и обычного человека.

В Дубровнике пером и пылким словом поэта, литератора и публициста Марина Држича формируется атмосфера, в которой преобладали гуманистические идеалы. Воссоздается мироощущение дубровчан, проецируется обостренность борьбы, наблюдается кризис духовности, который порождал реальные столкновения физических сил, нашедшие отражение в XVI в. в крестьянских бунтах в Европе. Мощное противостояние продемонстрировал Мартин Лютер в своих письмах. Томас Мор предпринял попытку объединить публицистическое начало и художественную литературу.

Марин Држич в своей первой пасторали «Тирена» воссоздал мироощущение дубровчан, своих современников, наполненное оптимистическими настроениями, верой в идеал человека эпохи Ренессанса, в котором гармонично сочетались духовное и материальное.

Именно в «Тирене» сформировался особый пасторальный идеал, олицетворяющий три соприкасающихся мира — мифологический, фантастический и реальный. Это соприкосновение трех миров было передано писателем не только через композицию пьесы, ее сюжет и жанр, но и с помощью языка народа, простых крестьян, а также языка литераторов Далмации и Дубровника.

Литература

Бесков А. А. Мифология мифологии // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 116–120.

Греков В. Н. Проблема веры в публицистике славянофилов // Отечественная филология. 2011. № 4. С. 138–149.

Пашикуров А. Н., Бакиров Р. А. Диалог документального и художественного в зеркале литературных направлений русской словесности XVIII века // Филология и культура / Philology and Culture. 2016. № 3 (45). С. 141–146.

Трубицина Н. А. Социальная мифология в книге И. А. Бунина «Окаянные дни» // Российский государственный гуманитарный университет. Журнал Новые филологические вести. Дайджест № 4. 2023. С. 158–166.

Щелокова Л. И. Мифология истории в публицистике Л. М. Леонова (1941–1945) // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. 2012. № 1. С. 92–96.

Držić M. Izabrana Djela. Zagreb: Matica Hrvatska, 2011.

Kolendić P. Uvod. Vetranovicev “Orfeo” // Nastavni vjestnik. Zagreb, 1908. № XVII. S. 3–6.

Skok P. Slovenstvo i romanstvo na jadranskim otocima. Zagreb: JAZU, 1950.

THE MYTHOLOGICAL DRAMA BY MARIN DRZIC — THE FORERUNNER OF THE FUTURE SOCIALLY SIGNIFICANT JOURNALISM

Marina N. Drobysheva

Abstract. The article is devoted to the first dramatic experiments in the genre of pastoral by such authors of the Dalmatian-Dubrovnik Renaissance as Mavro

Vetranovich and Marin Drzic. The article examines the concept of myth in the context of South Slavic drama. Special attention is paid to the mythological drama by Marin Drzic "Tirena", which reveals the beginnings of journalism. The foundations of journalism are laid in the dialogue of the scenes of this pastoral, which was observed in the period of early humanism. In the prologue, the author addresses pressing topical issues in the life of Dubrovnik society. The play doesn't just show a picture of life, passion and love, but a kind of social matrix is being built, in which the categories underlying subsequent journalism are analyzed.

Keywords: drama, mythology, pastoral, folklore genres, heroine, preface, journalism, prologue, aesthetics, tradition, love, pastoral ideal

РУССОИСТСКИЕ ИДЕИ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА П. А. КУЛИША

А. В. Тоичкина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

a.toichkina@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию педагогической системы украинского писателя П. А. Кулиша. Его взгляды на педагогику сложились под влиянием сочинений Руссо. Идеи Руссо оригинальным образом сочетались у Кулиша с его религиозными верованиями и увлечением национальным вопросом. В результате он разработал своего рода педагогическую программу, направленную на формирование национального самосознания народа.

Ключевые слова: Кулиш, Руссо, педагогические идеи, «Грамматика», община

Известный украинский писатель, историк, публицист, этнограф, переводчик, издатель П. А. Кулиш (1819–1896) в течение ряда десятилетий разрабатывал свою педагогическую программу. Педагогические идеи были так или иначе воплощены им во всех основных его сочинениях. В 1840-е гг. он был увлечен идеями Руссо, читал его труды и пытался применять их на практике. Об этом свидетельствуют как его произведения этого времени, в частности, роман в стихах «Евгений Онегин нашего времени» (написана была только первая часть), так и его переписка. В частности, в письмах он упоминает о чтении на французском языке таких сочинений Руссо, как «Эмиль, или О воспитании», и о попытках практически реализовать систему Руссо. Так, находясь в Туле в ссылке по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве, Кулиш в письме от 31 мая 1848 г. рассказывает о своей семейной жизни (он женился на А. М. Белозерской в 1847 г.) сестре жены Надежде Забиле: «У нас все благополучно, только Наденька

страшно капризничает. Я намерен был воспитать ее по методу Жан-Жака Руссо, предложенной в книге его: “*Emile, ou De l’éducation*”, и воображал, что все будет идти как по маслу; но теперь чувствую справедливость слов Шекспира: “Я скорее научу десятерых, как поступать, нежели буду одним из десятерых наученных”. Правда и то, что Саша сильно вредит моей методе, исполняя над Наденькою все, что видела у Любочки и у других матерей, которые — сказать вам на ушко — столько же имеют понятия, я не говорю о нравственном, нет, просто о физическом воспитании, сколько я о... о чем бы вам сказать? Право, ничего не придумая, что бы я так плохо и превратно понимал, как эти достопочтенные, впрочем, дамы — воспитание! Я с большим трудом добился от Саши одного: чтобы она ничего не делала для дитяти потому только, что оно плачет, — а потому, что это нужно. Дитя таким образом приучается требовать только необходимой ему помощи и не порабощает себе окружающих криком. Что можно ему дать или сделать, то дается или делается по первому понятному его знаку; но чего нельзя, того никакими слезами оно у меня не добьется. У меня, — но я не всегда дома, а без меня Жан-Жак бросается к черту и выводится на сцену теория воспитания мартыновская, николаевская и как угодно ее назовите: все равно она будет значить отсутствие всякой системы. Впрочем, Наденька все-таки премилая девочка и вместе со мною целует ваши ручки» [Куліш 2005: 221].

В сочинениях французского философа Кулиша привлекали идеи воспитания детей в соответствии с их природными склонностями, без принуждения, но и без баловства. Труд и непосредственное общение с природой являются у писателя источником нравственного становления человека. Концепция «естественного человека» у Кулиша (как и у Руссо) оказалась достаточно противоречиво соединена с его христианским вероисповеданием. Кроме того, Руссо оказался близок украинскому мыслителю своими идеями необходимости патриотического воспитания (в частности, изучение детьми родного языка с малолетства). Сохранился список книг, которые читали Кулиш с женой («книги, прочитанные нами вдвоем») с ноября 1847 по май 1848 г. В этом списке «*La Confessionne*» de J. J. Rousseau (1-я половина), «*Emile*» par J. J. Rousseau [Куліш 2005: 525–526]. Судя по записи и замечаниям в письмах, супруги читали эти произведения на французском языке. И, скорее всего, круг чтения сочинений Руссо «Исповедью» и «Эмилем» не исчерпывался.

В 1854 г. Кулиш, работая над «Опытом биографии Гоголя», жил в имении Аксаковых и много общался с членами семьи. Вера Сергеевна Аксакова обратила внимание на противоречивое сочетание в Кулише «спиритуалистского гогольянства и материалистического сентиментального руссоизма» [Петров 1929: 90]. Она определила руссоизм Кулиша как ту черту, которая отделяет Кулиша от их славянофильского кружка: «В нем много учительских приемов и какой-то старинный методизм в выражениях, в приемах, и даже в мыслях, а между тем, слышна под этим страстная натура, которая, впрочем, как кажется, побеждается довольно сильным характером, но странные у него понятия, особенно о некоторых предметах. Мне кажется, это как будто следы впечатлений Жан-Жака Руссо, о котором он и теперь говорит с таким восхищением. Странно, как же он мог понять так истинно, так глубоко Гоголя, чисто духовного человека, и с таким благоговением предаться ему» [Петров 1929: 88]. В дневниковой записи от 21 декабря 1854 г. Аксакова снова писала: «Станный этот человек Кулиш, что за путаница у него в голове разнородных понятий, а в душе разнородных стремлений. Мне кажется, это плод смешения страстного малороссийского характера с влиянием польской жизни и, главное, Ж.-Ж. Руссо, про которого он сам сказал, что это был его лучший друг в заточении. Он даже огорчился, что мы напали на безнравственность Руссо и пробовал его защищать. И сам он, вероятно, считает такого рода отношения, какие выведены в Ульяне Терентьевне, самыми чистыми и идеальными. Вот зло такого взгляда, которого, конечно, первым распространителем был Руссо, этот соблазнитель душ, и который до нашего времени действует пагубно под именем Ж. Занд» [Петров 1929: 91]. В. Петров со своей стороны дает такой комментарий к оценке Аксаковой руссоизма Кулиша. Очевидно, что негативное отношение Аксаковой к Руссо связано с той ролью, которую играли идеи французского философа в 1840-е гг. в русском обществе. И дело не в идеализации сельской жизни и естественного человека, а в идеях социалистов-утопистов, которые явились наследниками Руссо в европейской мысли. Жорж Санд — представитель революционного радикализма, писательница, проповедовавшая разрушение и обновление общества и в своих произведениях соединявшая «платонизм и сладострастие» [Петров 1929: 94], рассматривалась в кругу славянофилов как воплощение аморальности руссоизма. Но для самого Кулиша идеи Руссо были важны в плане как его

педагогической системы, так и выраставшей из нее целой социологической программы. Он думал над путями становления украинского народа как нации.

Во второй половине 1850-х гг. для народной начальной школы Кулиш создает украинский букварь и книгу для чтения «ГраMATка» (1857). С целью повышения народного уровня образования он издавал дешевые книги серии «Сельская библиотека» — популярные «метелики» («мотыльки»). Писатель явился основателем альманаха «Хата», одним из основных редакторов первого украинского журнала «Основа». Для своих изданий он тщательно подбирал материал: собирал украинский фольклор, работал над сочинениями по истории Украины. В центре его внимания был украинский язык. Реформа украинского языка, создание фонетического правописания явились важным вкладом Кулиша в становление украинской педагогики [Гриневич 2019: 174—175].

«ГраMATка», составленная Кулишем, вышла в Петербурге в 1857 г. на украинском языке. Первый такого рода учебник в истории украинской литературы — «Букварь» львовский — был составлен и издан во Львове И. Федоровым в 1574 г. По содержанию это был учебник для начального образования, в котором помещались алфавит, примеры для чтения по слогам, некоторые сведения «по орфографии» того времени. Вторая часть — своего рода книга для чтения, в которой были представлены основные молитвы, тексты из Часослова, «Кондак утрени сыропусной недели», молитвы Владимира Мономаха, «Поучения Владимира Мономаха», отрывки из «Книги притч Соломоновых» и «Послания ап. Павла» [Исаевич 2003: 394]. Пособие Кулиша построено по тому же принципу. Но оно объединяет в себе материал по разным дисциплинам, что было характерно для подобного рода изданий в XIX в. Так, пособие включало в себя украинский букварь (алфавит, чтение по слогам), тексты по истории Украины и Священной истории, морально-поучительные рассуждения, краткий катехизис, переложения псалмов, задания по математике, цитаты с толкованием из Евангелия, молитвы. В предисловии Кулиш писал: «Тут же для первого чтения подобраны наставительные песнословия про наших предков и Божественные псалмы; тут напечатаны легенды про давние времена, что делалось до прихода Христа на землю, — про Его святую Церковь и про войну с татарами и ляхами за веру православную и волю человеческую. Тут же, для повседневной необходимости, приложена и наука арифметика,

которая учит всякому счету деньгам, хлебу и всякому делу. А чтоб эта книжка еще больше принесла людям пользы, <в ней> напечатаны самые нужные для человека молитвы» [Кулиш 1857: 3]. Сам автор очевидным образом адресовал свою книгу не только детям, но и взрослым. В его авторских отступлениях, адресованных взрослым, сквозят заветы Руссо: воспитывая детей, взрослые сами должны учиться; детей нельзя заставлять, так как «наука премудрости не любит никакого принуждения. Свободною волею, по собственному желанию, человек из грамотного становится умным, а силой никого умным не сделаешь» [Кулиш 1857: 45].

Букварь Кулиша дал толчок для развития украинской учебной литературы. Так, в 1861 г. выходит «Букварь южнорусский» Т. Г. Шевченко, «Букварь» А. А. Гатцука и «Домашняя наука» К. В. Шейковского («Первые начала», Киев 1860, «Высшие начала», Киев, 1861).

В конце 1850-х гг. Кулиш изложил свою педагогическую программу в художественно-публицистическом сочинении «Письма с хутора». «Письма» публиковались в журнале «Основа» на протяжении 1861 г. В этом произведении Кулиш сформулировал основные тезисы своей «хуторской философии», которые непосредственно связаны с его педагогической программой. Свое народническое хуторянство он сам рассматривал как «проповедь правдивого сердца». Цикл публицистически-повествовательных произведений под общим названием «Письма с хутора» состоит из пяти писем. Их объединяет образ повествователя — хуторянина, Павла Белебена [Тоичкина 2022: 46]. В «Письмах» Кулиш рассматривает проблему воспитания в контексте своей «хуторской философии». Противопоставление города и села, народного миропонимания и «науки цивилизации» рассматриваются автором в контексте гуманитарной проблематики: развития языка, национальной литературы, этической жизни народа. Вопрос о воспитании занимает ключевое место в становлении украинского общества, в частности, в жизни сельской «громады» (общины). И дело не только в воспитании детей, которому тоже уделяется внимание в «Письмах». Вставная повесть «Про злодея из села Гакивныци» посвящена истории «кающегося грешника», крестьянина, который воровал коней и даже однажды пытался обворовать церковь. Старцы громады придумали герою повести, Дмитро Гарбузу, наказание за кражу: паламарничать в церкви, «принимать странников как гостей», и чтобы люди на селе звали его злодеем. Так все и пошло, и герой исправился, вернулся к жизни по совести.

Повесть заканчивается полемическим вопросом повествователя, что бы в городе с таким человеком сделали.

Педагогическая программа Кулиша соединяет все аспекты его деятельности как писателя, мыслителя, просветителя, гуманиста, историка. Сочинения Руссо повлияли на него как в плане развития национальных школ, так и в теоретических разработках общественно-политических институтов. Кулиш видел будущее Украины в составе Русского мира. В плане социально-политическом он выдвинул идею «громады» (общины) как образца общественного уклада украинского села. И в основу организации этой «громады» должна была быть положена его программа национального воспитания. Идеи Руссо оказались значимы для художественного творчества украинского писателя. Кроме того, они явились для него ориентиром в его социальной и педагогической деятельности.

Литература

Гриневич В. Й. Педагогічні погляди Пантелеймона Куліша // Родинні та духовні скарби Білозерських — Кулішів. Історико-генеалогічні читання. Київ, 2019. С. 173—178.

Ісаєвич Я. Д. «Буквар» Львівський // Енциклопедія Історії України. Т. 1. Київ: Наукова Думка, 2003. С. 394.

Куліш П. Повне зібрання творів. Листи. Том I: 1841—1850. Київ: Критика, 2005.

Кулиш П. Граматка. СПб., 1857.

Петров В. П. Пантелеймон Куліш у п'ядесяті роки. Життя. Ідеологія. Творчість. Т. 1. Київ, 1929.

Тоичкина А. В. Философские источники «Писем с хутора» П. А. Кулиша // XXII Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 12 сентября 2022 года. СПб., 2022. С. 45—61.

ROUSSEAU'S IDEAS AND THE PEDAGOGICAL PROGRAM OF P. A. KULISH

Alexandra V. Toichkina

Abstract. The article is devoted to the study of the pedagogical system of the Ukrainian writer P. A. Kulish. His views on pedagogy were influenced by the writings of Rousseau. Rousseau's ideas were originally combined in Kulish's mind with his religious beliefs and passion for the national question. As a result, he developed a kind of pedagogical program aimed at forming the national consciousness of the people.

Keywords: Kulish, Rousseau, pedagogical ideas, "Gramatka", community

ОСКАР КОЛЬБЕРГ И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

О. В. Гусева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

o.guseva@spbu.ru

Аннотация. Статья рассказывает об издательской деятельности польского ученого О. Кольберга — автора монументального труда «Народ», посвященного фольклору и этнографии польских регионов. Из огромного рукописного наследия Кольберга в настоящий момент издано 86 томов — это ценнейший источник материалов, относящихся к народной культуре не только поляков, но также чехов, словаков, южных и восточных славян. Также в статье анализируется переписка О. Кольберга с его российскими коллегами В. И. Ламанским и А. Ф. Гильфердингом, в которой польский ученый излагал свою концепцию регионального издания этнографических и фольклорных материалов.

Ключевые слова: О. Кольберг, этнография, фольклористика, издания фольклора

Наследие польского этнографа и фольклориста Оскара Кольберга (1814—1890) продолжает привлекать к себе внимание фольклористов, этнографов, музыковедов и филологов в России, Польше и в других славянских странах. Его монументальные этнографические труды, появившиеся в середине XIX в., сохраняют свою актуальность до наших дней. В Польше 2014 г. был объявлен годом Оскара Кольберга по случаю 200-летия со дня его рождения, к этому событию были приурочены конференции и научные издания [Гусев 1994]. В настоящее время лучше изучена та сторона деятельности Кольберга, которая связана с музыкальной этнографией и музыковедческой деятельностью ученого [Утенкова-Шалапак 2013]. Гораздо слабее исследована та часть его наследия, которая представляет особый интерес для филологов с точки зрения изучения языка польского фольклора.

Кольберг получил прекрасное образование: в 1823–1830 гг. он учился в Варшавском лицее, директором которого был знаменитый польский лингвист С. Б. Линде, автор шеститомного «Словаря польского языка» (1807–1814). Кроме того, Кольберг брал уроки игры на фортепиано, сочинял мазурки и краковяки и первоначально связывал свое будущее с карьерой композитора. Но со временем он начал уделять больше времени записям народных песен. В компании молодых любителей фольклора он совершал путешествия в мазовецкие деревни недалеко от Варшавы и собирал песни, к 1840 г. у него было уже несколько сот записей. В 1840-е гг. он издавал собранные песни в целях популяризации польского фольклора среди музыкантов-любителей. В эти годы у Кольберга было много занятий: он работал бухгалтером на железной дороге, сотрудничал с варшавскими журналами, в том числе с авторитетным изданием «Библиотека Варшавска» (*Biblioteka Warszawska*), писал статьи для «Всеобщей энциклопедии» С. Оргельбранда и одновременно продолжал свои полевые исследования.

В 1857 г. вышел том «Песни польского народа» [Kolberg 1857], в который вошли 910 записей песен и мелодий народных танцев. Этот сборник положил начало монументальному труду «Народ. Его традиции, способ жизни, язык, легенды, пословицы, обряды, игры, песни, музыка и танцы» (*Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce*). Общая концепция этого труда, над составлением которого Кольберг работал всю жизнь, окончательно оформилась к 1865 г. и легла в основу последующих томов. Кольберг принял решение создавать региональные монографии, описывая в одном томе один польский регион, но делать это всесторонне, собирая в одном томе все богатство фольклора данного региона вместе с этнографическими описаниями обрядов, игр, танцев. Кольберг включает в издание нотные записи танцев и песен, сказки, загадки, суеверия, пословицы и поговорки, словом, все, что характеризует данный регион с точки зрения фольклора и этнографии. В начале каждого тома автор предлагает подробный географическо-этнографический очерк конкретного региона, дает этническую характеристику его жителей и местной народной культуры. В конце тома описываются особенности диалекта данной местности, как правило, автор предлагает словарь диалектизмов, просторечных слов и реалий, которые могут быть неизвестны жителям других регионов Польши. Завершается

том перечислением населенных пунктов, в которых велись записи, списком имен и фамилий информантов. В некоторые тома вошли иллюстрации обрядов и народных костюмов. Таким образом, Кольберг разработал собственную концепцию региональной этнографии, которая основывалась на признании неразрывных связей народной жизни и национальной культуры.

Первым томом, построенным в соответствии с новой концепцией составителя, стал изданный в 1865 г. том «Сандомирский уезд» (Sandomierskie) [Kolberg 1865], посвященный фольклору и этнографии окрестностей города Сандомир, расположенного в 180 км к юго-востоку от Варшавы. Это была часть Царства Польского, входившего в состав Российской империи.

Кольберг не был первым польским фольклористом, публикации текстов польского фольклора появляются еще в эпоху романтизма, в числе первых собирателей польского фольклора были К. В. Вуйчицкий (1807–1879), А. Ю. Глиньский (1817–1866) и К. Балиньский (1817–1864). Одним из важнейших популяризаторов польского фольклора стал К. В. Вуйчицкий. В 1830 г. он издал трехтомное собрание «Народных пословиц и поговорок» (Przysłowia Narodowe), включающее не только сами паремии, но и их этимологию. В 1836 г. вышел двухтомный труд «Песни народа белохробатов, мазуров и русских над Бугом» (Pieśni ludu Białochrobatów, Mazurów i Rusi z nad Bugu). Однако важнейшим из трудов Вуйчицкого стали «Сказания, древние предания и повести польского народа и Руси» (Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi, 1837), вышедшие в двух томах и снискавшие большой успех среди читателей эпохи. Еще при жизни автора они были переведены на немецкий, чешский и русский языки. Вуйчицкий подвергал тексты серьезной литературной обработке, приспособлявая таким образом сказки и предания к вкусам просвещенных читателей своего времени. Но Вуйчицкий также выступал как исследователь: к каждому тексту он давал примечания, содержащие информацию о сюжете, истории фольклорных мотивов, встречающихся в повествовании, об их аналогах в европейском или мировом фольклоре. Труд Вуйчицкого до сих пор сохраняет свое значение в польской фольклористике, а со многими народными сказками польские дети до сих пор знакомятся в пересказе Вуйчицкого. Помимо сказок и преданий Вуйчицкий издавал песни, легенды, а также зарисовки на тему польской истории. Его деятельность на ниве фольклористики вдохновила многих

молодых собирателей фольклора. В 1842 г. Вуйчицкий издал сборник «Повествования народа, записанные по преданиям» (*Powieści ludu spisane z podań*), собранный поэтом К. Балиньским. А. Ю. Глиньскому принадлежит знаменитый четырехтомный труд «Польский сказочник» (*Bajarz polski*, 1853), включающий литературно обработанные сказочные сюжеты и способствовавший популяризации польского фольклора. Но в сборниках Вуйчицкого, Балиньского и Глиньского еще была сильна литературная правка, собиратели полагали, что аутентичная запись сказителя окажется не слишком привлекательной для потенциальных читателей. Создателем польской фольклористики стал Оскар Кольберг, для него народная песня, народная сказка стали документом народной культуры, а не литературным произведением [Kotlarska 2018: 186].

После публикации первых научных трудов Кольберга завязалась переписка между польским этнографом и его российскими коллегами А. Ф. Гильфердингом и В. И. Ламанским, а также с Императорским Русским географическим обществом (РГО). Корреспонденция польского этнографа, сохранившаяся в его личном архиве, в архиве РГО, была опубликована в т. 64–66 полного собрания сочинений Кольберга [Kolberg 1965–1969]. Также она вошла в сборник «Восточноевропейские слависты в их взаимодействии с российскими академическими кругами. Письма и документы (1865–1947)» (составитель Л. Д. Бондарь), который готовится к изданию в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук [Восточноевропейские слависты 2025].

Издания народных песен Кольберга привлекли к себе внимание А. Ф. Гильфердинга, который с 1861 г. состоял на службе в Государственной канцелярии и работал над проектами реформ в Царстве Польском. К этому времени Гильфердинг уже проявил себя как талантливый славист, исследователь истории южных и балтийских славян. Именно Гильфердинг рекомендовал Кольберга к избранию членом РГО, и 8 мая 1865 г. РГО в официальном письме сообщило Кольбергу, что он избран членом Общества [Kolberg 1965: 122]. С избранием Кольберга поздравил В. И. Ламанский, являвшийся в тот момент председателем Этнографического отделения РГО. В ответном письме на имя Ф. Р. Остен-Сакена, исполнявшего обязанности секретаря Общества, Кольберг поблагодарил РГО «за лестный для него выбор» [Kolberg 1965: 122–123]. По запросу РГО Кольберг отправил краткую биографическую справку о себе:

«Общество пожелало получить сведения о моей семье. Так, если Вашей светлости будет угодно, прошу сообщить ему, что мой отец был профессором геодезии бывшего Варшавского университета и умер в 1831 г. Я родился недалеко от Радома и более десяти лет был служащим (бухгалтером) на варшавско-венской железной дороге, и уже несколько лет занимаюсь литературной деятельностью и этнографией» [цит. по: Восточноевропейские слависты 2025: Письмо 7.3].

Практически одновременно Кольберг написал письмо Гильфердингу, в котором выразил уверенность, что своим избранием в члены РГО он обязан именно ему [Kolberg 1965: 131–132]. Кольберг отправил Гильфердингу книгу «Сандомирский уезд». Также польский этнограф поделился с российским коллегой своими планами относительно продолжения этого труда, он предполагал подобным тщательным образом обработать и другие польские уезды Российской империи. Понимая, что желание составить этнографическое описание всех польских земель слишком масштабно и требует слишком больших затрат, ученый решил остановиться на четырех или пяти уездах, различающихся по этнографическому характеру и языку. Это составило бы четыре или пять томов, которые Кольберг планировал издать в течение двух-трех лет. Он писал в РГО:

«В следующих томах запланировал бы описание уездов: 1) Влоцлавского (Куяв) или также Калишского, 2) Плоцкого или Остроленского с Ломжицким, 3) окрестности Варшавы, как по правой, так и по левой стороне Вислы, 4) Люблинского или также Седлецкого. Насколько в Сандомирском уезде уже достаточно проявляется известный краковский тип, настолько в Куявах видим определенное приближение к великопольскому типу, под Остроленкой и Ломжей живут курпы — оригинальная ветвь мазуров, окрестности Варшавы представляет тип чисто мазовецкий, окрестности Люблина — тип люблинский. Поскольку в основу этнографических описаний не всегда могут быть положены административные границы, потому и мои описания, в зависимости от полноты материалов, для точности представления не раз будут выходить за пределы уезда, а иногда даже включать два или более таких уездов» [цит. по: Восточноевропейские слависты 2025: Письмо 7.4].

Польский этнограф попросил помощи Гильфердинга в получении финансирования на издание этих работ на территории Царства Польского и под наблюдением самого Кольберга. Ученый мотивировал свою просьбу тем, что с помощью его работ можно будет точнее узнать жизнь и нравы польских крестьян, а из сборников «русская

и другие славянские литературы могли бы легко перенять то, что по- считали бы для себя самым подходящим» [цит. по: Восточноевропей- ские слависты 2025: Письмо 7.3]. Обращался он и непосредственно в РГО с просьбой выделить ему пособие: *«Это пособие пошло бы на запрошенные цели и позволило бы мне сейчас же, в течение первого года осуществить издание двух томов работы, которые были бы показате- лем моих усилий и, продемонстрировав ту пользу, которую я могу при- нести, дали бы одновременно представление о размере помощи на второй год»* [цит. по: Восточноевропейские слависты 2025: Письмо 7.4].

Несмотря на то, что Гильфердинг в 1867 г. возглавил этнографи- ческое отделение Императорского Русского географического обще- ства, он не смог оказать дальнейшую протекцию Кольбергу. В пись- ме от 11 октября 1865 г. РГО уведомило Кольберга, что его просьба о финансовой помощи в издании его этнографических трудов пере- дана наместнику Царства Польского. В этот период пост наместника занимал генерал от инфантерии (с 28.10.1866 генерал-фельдмаршал) граф Ф. Ф. Берг. Но согласно Конституции 1815 г. из компетенции наместника были исключены вопросы финансов. У Русского гео- графического общества также не оказалось средств для оказания помощи польскому этнографу. Несмотря на довольно оживленную переписку, помощи от Российской империи Кольберг так и не полу- чил, свои труды он был вынужден издавать преимущественно на соб- ственные средства. Возобновление переписки польского этнографа с его российскими корреспондентами было связано с его избранием членом Императорского общества любителей естествознания, ан- тропологии и этнографии при Московском университете в 1889 г., по случаю 50-летия научной деятельности. Но в 1890 г. ученый ушел из жизни. Огромное количество материалов осталось в рукописях. Но вся деятельность Кольберга может служить примером того, как уче- ный, лишенный финансирования, продолжает осуществлять свою деятельность и добивается небывалых успехов.

Из первоначального плана Кольберга издать четыре-пять томов, посвященных польским уездам на территории Российской импе- рии, вырос монументальный труд — «Полное собрание сочинений» (Dzieła wszystkie), насчитывающий в настоящее время более 90 то- мов. За свою жизнь Кольберг успел опубликовать 33 тома, охва- тывающие все исторические регионы Польши. Все тома Кольберг издавал за собственный счет, лишь в конце жизни он начал полу- чать материальную помощь от Краковского научного общества,

а затем от Краковской академии наук. Но если от государственных организаций помощи не было, то всю необходимую помощь ученый получал от местных жителей. В своей автобиографии Кольберг подчеркивал, что его затраты на этнографические экспедиции были невелики, поскольку ему охотно помогали друзья, знакомые, знакомые знакомых, у него всегда были рекомендательные письма для местных помещиков. Ученый вспоминал, что «его всегда гостеприимно встречали, у него всегда были кони, готовые к дальнейшему путешествию» [цит. по: Kotlarska 2018: 187], а его расходы зачастую ограничивались небольшим денежным вознаграждением для его информантов и оплатой выпивки, чтобы развязать им язык. Со многими помещиками, в семьях которых проживал Кольберг во время своих путешествий, у него установились дружеские отношения, уже после отъезда ученого ему продолжали присылать материалы.

Собрание О. Кольберга еще при жизни автора стало предметом критики из-за разнородности источников, которые автор вводил в отдельные тома. Помимо ценнейших собственных рукописей О. Кольберг охотно включал материалы, полученные от других лиц. Также не всегда последовательно этнограф указывал данные своих информантов — это требование станет обязательным только в следующие десятилетия.

Сам Кольберг понимал, что для описания фольклора и этнографии Польши невозможно придерживаться современных ему политических границ или даже административных границ современных ему поватов и воеводств, поскольку жители Царства Польского и Галиции, проживающие по обеим сторонам государственной границы Российской и Австрийской империи, в действительности ничем друг от друга не отличаются, это же касается поляков, проживающих в Куявах на границе Царства Польского и Пруссии. Поэтому исследователь каждый последующий том посвящал историческим польским землям.

Почти все опубликованные им тома носят общее заглавие «*Lud, jego zwyczaj, pieśni etc.*» и включают подзаголовок с историческим названием земли, фольклору и этнографии которой посвящен том. Уже в первоначальный замысел автора входило издать материалы, относящиеся ко всем частям разделенной Польши. Поэтому после тома о Сандомирских землях вышли два тома «Куявия», затем появились тома, посвященные краковским, познаньским, люблинским, келецким, радомским, мазовецким и другим польским землям, находящимся в разных частях разделенной Польши. Уже после смерти этнографа

были изданы собранные им материалы по польскому Поморью (т. 39), Прусским Мазурам (т. 40), Силезии (т. 43). В отдельном томе освещается литовский фольклор (т. 53) — исследователь занимался не только исторически польскими землями, его интересовали фольклор и этнография этносов, проживающих на граничащих с Польшей землях. О фольклоре восточнославянских земель рассказывает целый ряд томов. Отдельный том посвящен Белорусскому Полесью (т. 52), два тома — Карпатской Руси (т. 54, 55) и русинскому фольклору, еще два тома — Червонной Руси (т. 56, 57), исторической области, расположенной на западе современной Украины. Четыре тома отведены Покутью — культурно самобытному региону на западе Украины, между реками Прут и Черемош. В эти тома входят материалы по русинской и гуцульской этнографии и фольклористике. Эта часть наследия Кольберга существенно расширила источниковедческую базу исследований народной культуры восточных славян. Отдельным томом были изданы «Материалы по этнографии восточных славян» и «Материалы по этнографии западных и южных славян». Таким образом, Кольберга можно назвать фольклористом и этнографом всего славянского мира.

Важнейшим шагом вперед в развитии фольклористики стало стремление Кольберга максимально точно передать звучание речи информантов, которые часто говорили на том или ином диалекте. Исследователи музыкальных записей Кольберга обращали внимание на разработанную им систему записи музыкального текста [Утенкова-Шалапак 2013]. Для записи сказок, пословиц и поговорок, загадок и других фольклорных текстов ученый, стремясь к аутентичности, разработал собственную систему фонетической записи, которая достаточно точно передает фонетические особенности польских диалектов. Правда, при редактировании томов он не всегда последовательно сохранял эти записи, подвергал их хоть и небольшой, но литературной обработке, ориентируясь на читателя, еще не готового к восприятию диалектных особенностей. Кольберг, с одной стороны, старался не редактировать полученный материал, а с другой — если ему казалось, что информант злоупотребляет «городскими» словечками, подхваченными во время службы при господском дворе, он удалял из текста такие инородные, как он считал, вкрапления. Кроме того, исследователь должен был считаться с требованиями цензуры: и политической, и общественно-бытовой. В архивах Кольберга сохранились не включенные в изданные им тома тексты патриотических песен, что свидетельствует и о самоцензуре.

Как уже отмечалось выше, при жизни Кольберг издал 33 тома своего труда. Издание продолжилось после смерти этнографа, помимо собранных им материалов, были изданы его рецензии, научные статьи, музыкальные сочинения, словарь, библиографические источники и корреспонденция Кольберга. Всего издано 86 томов, издание «Полного собрания сочинений Кольберга» не закончено, изучение наследия ученого продолжает Институт им. Оскара Кольберга в Познани [Instytut im. Oskara Kolberga]. С 70-х гг. XX в. Институт издает архивные материалы, с 2014 г. рукописные материалы Кольберга также доступны в Великопольской цифровой библиотеке [Wielkopolska Biblioteka Cyfrowa].

Наследие О. Кольберга до сих пор представляет бесценный материал для изучения польской этнографии, фольклористики, музыкальной культуры. К нему обращаются специалисты в области истории музыки, польского языка, диалектологии, литературоведы, культурологи.

Литература

Восточноевропейские слависты в их взаимодействии с российскими академическими кругами. Письма и документы (1865–1947) / составитель Л. Д. Бондарь. СПб.: Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, 2025. (готовится к изданию).

Гусев В. Наследие Оскара Кольберга в оценке современной науки // Славяноведение. 1994. № 1. С. 76–79.

Утенкова-Шалапак И. Оскар Кольберг и его фольклорное собрание // Вопросы этномузыкознания. М.: Российская академия музыки им. Гнесиных. 2013. № 1 (2). С. 94–111.

Instytut im. Oskara Kolberga. UTL: <http://www.oskarkolberg.pl/> (дата обращения: 05.05.2025).

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 64–66. Korespondencja Oskara Kolberga. Warszawa, 1965–1969.

Kolberg O. Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. T. 2. Sandomierskie. Warszawa, 1865.

Kolberg O. Pieśni ludu polskiego. Warszawa, 1857.

Kotlarska I. „Opowiadanie zwizualizować pismem”: O pracy Oskara Kolberga nad tekstami ludowymi // Pamiętnik Literacki CIX. 2018. Z. 1. S. 185–198.

Wielkopolska Biblioteka Cyfrowa URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/427268?language=pl> (дата обращения: 05.05.2025).

OSKAR KOLBERG AND HIS CONCEPT OF PUBLISHING WORKS OF ORAL FOLK ART

Olga V. Guseva

Abstract. The article is devoted to the publishing activities of the Polish scientist O. N. Kolberg, the author of the monumental work “The People”, dedicated to folklore and ethnography of the Polish regions. Currently, 86 volumes have been published from Kolberg’s vast manuscript legacy. It is a valuable source of materials related to the folk culture of not only Poles, but also Czechs, Slovaks, southern and eastern Slavs. The article also analyzes the correspondence of O. Kolberg with his Russian colleagues V. I. Lamansky and A. F. Hilferding, in which the Polish scientist outlined his concept of regional publication of ethnographic and folklore materials.

Keywords: O. Kolberg, ethnography, folklore studies, folklore publications

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ. БОРИС ЕВРЕИНОВ

О. В. Розинская

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия*

o.rozinskaya@mail.ru

*Жизнь моя, как темный коридор,
Справа, слева запертые двери...
(Б. Евреинов «Книга стихов»)*

Аннотация. Статья посвящена изучению творческой жизни представителя первой волны эмиграции Бориса Алексеевича Евреинова. Его пребывание за рубежом было связано с Польшей и Чехословакией. Борис Евреинов — поэт, журналист, историк и общественный деятель. Автора данной статьи интересует прежде всего творческая часть его яркой и насыщенной событиями жизни. До недавнего времени Евреинов оставался неизвестен читателю. О забытом поэте вспомнили лишь в конце XX в. Так, в 1997 г. в Москве был издан поэтический сборник Б. Евреинова «Книга стихов».

Ключевые слова: межвоенное двадцатилетие, поэзия русской эмиграции первой волны, Борис Евреинов, поэты русской эмиграции

События революции и Гражданской войны разметали по всему миру образованных, талантливых, ярких людей в расцвете творческих сил. Оказавшись вдали от России, они стремились сохранить свою духовную культуру, научный и интеллектуальный потенциал. К сожалению, большинство этих людей давно забыто. Однако в последние десятилетия некоторые имена представителей русской культурной эмиграции первой волны возвращаются из небытия к читателю, к ним начинает проявляться интерес со стороны культурологов, историков и литературоведов.

К таким забытым и «возвращенным» именам принадлежит Борис Алексеевич Евреинов (1888–1933), поэт, журналист, историк и общественный деятель. Б. Евреинов родился в дворянской семье в Курской губернии, окончил в Санкт-Петербурге классическую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Ему предлагали остаться на кафедре, заняться наукой и педагогической работой. Но он выбрал совершенно другой путь. В 1913 г. он был назначен на должность мирового судьи Курской губернии. Эту должность Евреинов занимал вплоть до революции. В 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства Суджанского уезда, стал членом кадетской партии. Затем было вступление в Добровольческую армию, тяжелое ранение и эвакуация в Турцию. В 1920 г. Борис Евреинов оказался в Польше. Он был назначен управляющим делами Русского политического комитета и председателем культурно-просветительной комиссии в Варшаве, стал ближайшим помощником Бориса Савинкова, был одним из руководителей политической организации «Центр действий». Весной 1923 г. Борис Евреинов переехал в Прагу. Здесь он начал преподавательскую карьеру, стал приват-доцентом русского юридического факультета в Пражском университете, членом Русской учебной коллегии. Являлся одним из основателей Русского исторического общества в Праге, членом совета русского заграничного исторического архива. А также работал диктором чешского радио, пел в церковном хоре. Основал русское музыкальное общество, даже выступал с сольными концертами. Был женат, имел троих детей. Умер рано, в 45 лет.

Свои многочисленные обязанности Евреинов совмещал с творчеством, с поэзией. К сожалению, как поэт остался почти неизвестен читателю. О забытом поэте вспомнили лишь в конце XX в. Так, в 1997 г. в Москве был издан поэтический сборник Бориса Евреинова «Книга стихов» [Евреинов 1997], куда вошло большинство его ранее неопубликованных, а также изданных стихотворений.

Его поэтическое наследство не столь значительно и велико. Всего, как указывал известный литературный критик межвоенного двадцатилетия А. Л. Бем, Евреинов написал около ста стихотворений [Бем 1996]. Планы по изданию отдельных сборников стихов не осуществились. В эмигрантской печати появилось лишь двадцать его стихотворных произведений. Евреинов был одним из авторов поэтического сборника «Шестеро» (В. Байкин, В. Бранд, О. Воинов, Р. Гутуев, А. Топольский, Б. Евреинов) [Шестеро 1923].

В сборнике представлено семь его стихотворений. Некоторые его произведения были напечатаны в «Антологии русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937) [Антология 1937]. Издателем антологии был Варшавский союз русских писателей и журналистов.

Борис Евреинов являлся одним из участников поэтического объединения «Таверна поэтов»¹, в состав которого входили поэты разных направлений и эстетических позиций. Следует отметить, что творческая индивидуальность этого поэта, как и многих других, оформилась вне стихии родного языка, вдали от Родины. Стремясь не растратить свой творческий потенциал, молодые поэты объединялись в творческие группы, создавали совместные поэтические сборники. Руководителем и идейным вдохновителем «Таверны поэтов» становится Альфред Бем², уделивший творчеству Евреинова особое внимание.

Как и другие молодые поэты, Б. Евреинов питал особый интерес к русской литературе Серебряного века, ориентируясь на традиции символизма и акмеизма. Его любимыми поэтами были А. Блок, Н. Гумилев, А. Ахматова и некоторые другие. Так, символизм с его особым катастрофическим мироощущением был, безусловно, близок поэту, имеющему трагический жизненный опыт. Для него мир — это нереальная реальность, ускользающая данность. Поэзия становится средством выражения глубоко личных переживаний, тоски по прошлому, неверия в будущее, настроения безысходности, бессмысленности существования. Лирический герой живет с ощущением фатальной дисгармонии современной действительности. Мир, расколотый надвое, обезумел и ненавистен герою, он полон горестных раздумий о своей неудавшейся жизни.

Образ Родины в его поэзии предстает как грустное воспоминание о прошлом, из которого исчезли «калач и самовар» и не слышно «часов с кукушкой»³.

Ностальгическим чувством проникнуто отношение поэта к родной природе, которая видится ему сквозь призму радостных воспоминаний юности. При помощи живописных образов в стихах Евреинова показана многообразная красота русского пейзажа. Русской земле, «ласковому полю»⁴, «белым заплатам» цветущей гречки он

¹ «Таверна поэтов» — литературное объединение русской эмигрантской поэтической молодежи в Варшаве 1921–1925 гг.

² Альфред Бем — историк литературы, литературный критик, общественный деятель русского зарубежья.

³ «Христос Воскрес...» [Евреинов 1997: 89].

⁴ «Вот эту землю, ласковое поле...» [Евреинов 1997: 94].

признается в любви. В памяти возникает идиллическая картина из навсегда исчезнувшей жизни:

Озарены далекие опушки,
И диких уток слышен спешный лет.
В пруду кричат влюбленные кукушки.
На пасеке качают свежий мед⁵.

Русская природа настраивает героя на лирический лад, дает ощущение спокойствия и комфорта.

Вслед за своим великим предшественником поэт записывает:

А вечером пойду на тягу,
Вернусь, возьму перо, бумагу,
И потекут стихи легко⁶.

В поэзии тех лет появляется много сложных поэтических метафор в символистском ключе. Так, в одном из стихотворений создается образ «предрассветного мира», который «не поднял темных штор», а «покорная Земля» странствует в «небесном половодье...»⁷. В другом — воспоминание о прошлом — «молчит, жадно стиснув руки мне до боли»⁸. А тучи на небе подобны «крыльям Демона»⁹.

В его поэзии создается образ таинственного, сумеречного мира, который наполнен неожиданными порой образами и открыто говорит о сумеречном же состоянии души лирического героя:

Повисла бледная Медведица
На поясе у ног Творца,
Она с луной на поле встретится
На млечном поле без конца¹⁰.

Поэта не покидает ощущение неопределенности собственной судьбы, неверия в будущее, ожидания надвигающейся катастрофы:

Жизнь моя, как темный коридор,
Справа, слева запертые двери... <...>
Кто поможет темному неверью?
Кто укажет путь крылатых стай?
Я не знаю... Я стою пред дверью
В чуждый мне и бесконечный край¹¹.

⁵ «Озарены далекие опушки...» // [Евреинов 1997: 26].

⁶ «Меня пленил весенний дрозд...» [Евреинов 1997: 25].

⁷ «Предрассветное» [Евреинов 1997: 96].

⁸ «К изголовью, милая, присядь...» [Евреинов 1997: 91].

⁹ «Тучи — Демона крылья...» [За свободу 1924: 3].

¹⁰ Ночью [Евреинов 1997: 32].

¹¹ «Жизнь моя как темный коридор...» [Евреинов 1997: 58].

Лирический герой стихотворений Б. Евреинова — нищий странник, обреченный без цели брести по свету. Метафорическая, мировая бездомность человека получает в его поэзии особое философское звучание. Возникает соединение лирического, исповедального начала с философским подтекстом. Появляется ощущение некоей недосказанности. Чувства, переполняющие героя, не могут быть выражены в полной мере, остаются в его «свернутой» душе:

И ветер раскаленными крылами
Охватывает свернутую душу,
Но я умолк и грешными словами
Святых очарований не нарушу...¹²

«Поэзия отца, — писал сын Б. Евреинова Алексей, — выражает его мысли, его сомнения, раздумья и переживания. Таких, как он, выброшенных за борт истории, десятки, сотни тысяч. И он говорит за все поколение оказавшихся на чужбине людей, ищущих и не находящих себя в условиях вынужденной эмиграции» [Евреинов 2004: 15].

Однако творчество Бориса Евреинова не ограничивалось лишь поэзией. В его духовном наследии есть и проза, рассказы. Некоторые из них появлялись в межвоенный период в эмигрантской печати¹³. Прозе Евреинова была посвящена статья А. Бема «Б. А. Евреинов — писатель» [Молва 1934: 3].

Как отмечал критик, писатель был прекрасным рассказчиком и тонким наблюдателем жизни дворянской усадьбы, писал о разгромленных дворянских гнездах. Многие сюжеты его рассказов были взяты из периода Гражданской войны. Он «прощался с этим прошлым со свойственным ему благородством и благодарной памятью. Не было в нем ни озлобления, ни жажды мести. Он знал, что страница истории перевернута и наступает новая жизнь...» [Бем 1996: 162].

Много сил Борис Евреинов отдавал журналистской работе, сотрудничал с эмигрантскими газетами и журналами Польши, Чехословакии, Германии, Франции. Его статьи привлекали внимание читателей своей актуальностью и яркостью изложения. Писал о своем поколении, политической эмиграции, о деятельности русских революционеров. Много размышлял о причинах происшедших событий, о вине за случившееся, лежащей на поколениях как «отцов», так и «детей», о споре между ними [Евреинов 1926: 5].

¹² «Вот эту землю, ласковое поле...» [Евреинов 1997: 94].

¹³ Рассказы «Рассвет» (1924), «Ключья» (1925), «Фатум» (1927), «Просторы широкие» (1927).

«Борис Алексеевич Евреинов, — отмечал А. Бем, — принадлежал к тем русским людям, которых Бог не обделил талантами. Он был необычайно многообразен в проявлениях своей духовной жизни, но в этом многообразии было свое единство, своя цельность» [Бем 1934: 3].

Евреинов входил в редакционный комитет по подготовке пражского сборника, посвященного 70-летию юбилею П. Милюкова, составил библиографию его печатных трудов. Являлся автором ряда публикаций о деятельности М. Бакунина. Одна из них называлась «Последний этап славянской деятельности Бакунина» [Евреинов 1933: 98–109].

Работа в Пражских архивах оказалась для Евреинова весьма плодотворной. Он открыл много важных исторических материалов, используемых в дальнейшем другими исследователями.

Б. А. Евреинов был одним из основателей Русского исторического общества в Праге. Серьезно занимался изучением русской истории XIX в., писал о крестьянских реформах, занимался изучением истории периода правления Александра I; неизвестными ранее эпизодами дипломатических связей России первой трети XIX в.

Возвращение многих имен представителей творческой интеллигенции русского зарубежья становится частью нашей культурной жизни, дает более точное представление о художественном развитии русской литературы XX в.

Литература

Антология русской поэзии в Польше: Союз русских писателей и журналистов в Польше. Варшава, 1937. 32 с.

Бем А. Л. Евреинов — писатель // Молва. 21 января 1934.

Бем А. Л. Письма о литературе. Прага, 1996. 359 с.

Евреинов А. Б. Чешская рапсодия. Дни минувшие в событиях, портретах, размышлениях. Бийск, 2004.

Евреинов Б. Книга стихов. М., 1997. 127 с.

Евреинов Б. Отцы и дети // Родное слово. 21 ноября 1926.

Евреинов Б. Последний этап славянской деятельности Бакунина // Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. 5. Прага, 1933.

За свободу. 31 марта 1924 г. .

Молва. 1934. 21 января.

Шестеро: малый альманах поэзии и прозы. Варшава, 1923. 79 с.

POETIC EMIGRATION DURING THE TWENTY-YEAR INTERWAR PERIOD. BORIS EVREINOV

Olga V. Rozinskaya

Abstract. The article is devoted to the study of the creative activity of Boris Alekseevich Evreinov, a representative of the first wave of emigration. His stay abroad was connected with Poland and Czechoslovakia. Boris Evreinov is a poet, journalist, historian and public figure. The author of this article is primarily interested in the creative part of his vibrant and eventful life. Until recently, Evreinov remained unknown to the reader. The forgotten poet was remembered only at the end of the XX century. So, in 1997 B. Evreinov's poetry collection, "The Book of Poems", was published in Moscow.

Keywords: the twenty-year interwar period, русская литературная эмиграция, poetry of the Russian emigration of the first wave, Boris Evreinov, poets of Russian emigration

ЛИРИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ (СЛОВАЦКИЙ ХУДОЖНИК ЙОЗЕФ ШТУРДИК, 1920–1992)

И. М. Аникин

*дьякон Церкви Серафима Саровского
на Серафимовском кладбище,
Санкт-Петербург, Россия*

anikina.tatiana@mail.ru

Аннотация. Словацкий художник Йозеф Штурдик, народный художник Чехословакии (1980), «жил в искусстве». Он был тонким ценителем поэзии, сам писал стихи, блестяще играл на скрипке. Получил прекрасное образование — учился в Братиславе, Вене, Париже. Он писал картины, создавал акварели и графику, был блестящим иллюстратором. Его работы исполнены поэзии в широком смысле слова, об этом свидетельствуют даже названия картин: «Сонет», «Элегия», «Ноктюрн», «Соната». Композиция, образная система его художественных, поэтических и музыкальных работ очень схожи, что доказывает анализ его произведений.

Ключевые слова: Йозеф Штурдик, изобразительное искусство Словакии, композиция, художественный образ

Словацкий художник Йозеф Штурдик (Jozef Šturdík, 1920–1992) был тонким ценителем поэзии и сам писал стихи, в 1971 г. в Братиславе, в издательстве «Смена» вышел небольшой сборник его стихотворений «Полукруг». Он прекрасно играл на скрипке, одно время хотел посвятить свою жизнь музыке. Можно утверждать, что он «жил в искусстве».

Жизнь в искусстве — лозунг интеллигенции XX в. Недаром Константин Сергеевич Станиславский назвал свою книгу «Моя жизнь в искусстве». Ушедший век во многом определялся символизмом, а символизм диктовал стиль жизни. Андрей Белый говорил о том, что искусство воспринималось как теургия, а художник — как преобразователь реальности, демиург, творец, созидаящий миры. Думается, что такое отношение к миру и роли мастера-творца: ху-

дожника, писателя, музыканта, композитора, породили феномен «жизни в искусстве». Жизнь в искусстве, в преобразованном мире высших ценностей, жили многие подлинные интеллигенты XX в. Наслаждаясь искусством, изучая его, они в то же время его творили. Д. Е. Максимов, В. А. Мануйлов, А. В. Чичерин были, например, самобытными поэтами.

Следует заметить, что Штурдик был мастером высочайшего класса. Его картины выставлялись в Александрии, Вене, Софии, у нас в Эрмитаже. Штурдик родился 13 марта 1920 г. в Крижованах близ Трнавы. Природа родного края много для него значила. «Дорога через поля, еще орошенная росой, на горизонте красивая линия Малых Карпат где-то в районе Смолениц, а рядом нетронутый силуэт средневековой Трнавы с башней ратуши и башнями десятков костелов» [Šturdík 1981: 2]. Эту картину он видел каждый день, идя в школу. Он окончил гимназию в Трнаве и в 1940 г. начал учиться рисунку и живописи в Братиславе. Вскоре он уезжает в Вену, в Академию изобразительных искусств. Культурная жизнь Вены оказывает огромное влияние на молодого художника. В венских библиотеках, на выставках, концертах, художественных аукционах он проводит все свое свободное время. Он знакомится с молодыми художниками, поэтами, музыкантами. Весной 1945 г. Штурдик возвращается в Словакию, а в 1946 г. уезжает в Париж. Он посещает Школу изящных искусств, изучает произведения великих мастеров в галереях Франции. Вернувшись домой, художник совершенствуется в жанре пейзажа. В это время он много путешествует по Словакии.

Будучи в Вене, параллельно с живописью он совершенствовался в игре на скрипке. Музыка зазвучала в его полотнах, когда он окончательно вернулся в Словакию. «Как раз в этот момент в его картинах проявляется музыкальная основа <...> каждая линия, каждое прикосновение кисти подчинено поэтическому диктату музыкально переработанного смыслового впечатления» [Rusínová 1981: 1]. Ряд своих произведений мастер так и назвал «Весенняя соната», «Ноктюрн». Интересно заметить, что не только общее настроение (соната, по утверждению Игоря Резника, свойственна конфликтность и динамика развития; ноктюрн — музыкальная пьеса лирического, мечтательного характера), но композиция живописных произведений во многом следует за композицией произведений музыкальных, вынесенных в заглавие [Резников 2022]. Прежде всего, соната — один из основных жанров камерной инструментальной

музыки. Камерность — отличительная черта творчества художника. Штурдик не писал монументальных полотен. Даже относительно большие по размеру его произведения камерны по своей сути. В сонате всегда присутствуют две музыкальные темы, которые противопоставляются друг другу и объединяются в репризе. Так и в работе Штурдика «Весенняя соната» центральное место занимает конфликт — столкновение двух образов: тревожного темного неба с солнцем в красной туче и цветущей ветки, усыпанной нежными белыми цветами в левой части картины. В то же время обе конфликтующие темы: тревожная тема заката и умиротворяющая тема весеннего цветущего дерева, конца чего-то и начала объединяются в понятие весны, тревожащей душу и рождающей надежду одновременно. То же можно сказать и о работах мастера «Ноктюрн» (1983), «Ноктюрн» (1980) и «Ноктюрн в синем» (1977). Жанр ноктюрна возник еще в средние века, тогда ноктюрном называли часть религиозной католической службы, исполнявшейся между полночью и рассветом (как православная заутреня). Наряду с атмосферой лирических размышлений ощущение благоговейности также сохранилось в полотнах художника.

В относительно большом полотне (60 × 136 см) «Ноктюрн» (1980) опять-таки повторяются композиционные особенности музыкальной формы ноктюрн, особенно ее романтической вариации — предпочтение ночи, когда душа открывает свои истинные черты, когда можно мечтать и думать обо всем, созерцая тихую природу, не отягощенную суетой дня. Даже название «Ноктюрн в синем» подчеркивает эту ночную созерцательность. Состояние грустной мечтательности соединяется с понятием синего цвета, который обычно символизирует печаль, тоску, меланхолию. Например, часто употребляемое английское выражение: «I am feeling blue» — означает, что человек испытывает хандру, кстати, название музыкального стиля блюз «blues» произошло от выражения «blue devils» — меланхолия.

Поэзия, поэтическое осмысление зрительных образов присутствовали в работах Штурдика всегда. Одна из лучших персональных выставок художника так и называлась «Стихи на палитре» (1973). Сборники практически всех известных словацких поэтов украшают лирические рисунки Штурдика.

Одна из его работ носит название «Сонет» (1983), где, с одной стороны, достаточно строго в рамках мировой живописной тради-

ции изображена лесная дорога. С другой стороны, она наполнена прихотливой игрой света, перемежающимися оттенками зеленого, белыми и желтыми бликами, зеленой луной, появившейся днем на небосклоне и сливающейся с аквамарином неба и зеленью деревьев. Работа достаточно прихотлива. Как не вспомнить Никола Буало, который назвал сонет прихотью Аполлона.

Акварель «Элегия» (1970) тесно связана с литературным и музыкальным творчеством. Элегия — стихотворение с характером грусти, печали, жанр, содержащий эмоциональный результат философского раздумья над сложными проблемами жизни. В музыке элегия обычно связана с мотивами утраты, скорби и одиночества. Все эти мотивы налицо в акварели Штурдика. Сама техника акварели — отсутствие специфической рельефности мазка, прозрачные акварельные краски, тон бумаги, как правило белый, активно отражающий свет, использование ослабленных контуров и растушевки кистью, — все способствует созданию поэтичного образа простой, незамысловатой славянской природы. Легко вызывает состояние грусти, печали, скорби и одиночества, часто сопровождающее философские размышления о жизни.

Музыка, живопись и поэзия неразрывно связаны в творчестве словацкого поэта. «Не раз мои визуальные впечатления переплетались с литературными или поэтическими гимнами или же музыкальными переживаниями, и те, и другие воплощались в живописи, получающей музыкальное звучание» [Šturdík 1981: 3].

Живопись, поэзия и музыка составляют единую образно-смысловую систему творчества мастера. Обратимся к стихотворению художника, созданному сразу после посещения места дуэли Пушкина на Черной речке. Стихотворение написано свободным стихом, верлибром, насыщено интертекстуальными связями и живописными изобразительными образами.

Над Черной речкою — дуэль
Правда столкнулась с ложью
На место встречи
Слетается воронье

На белизну снегов
Крови упал рубин
Ветер затих
Онемела листва

Лишь топот копыт
По набережной Мойки
Звоном прогремел
Не свети луна
Свет — пламень свечи поминальной
Злобы пожаром вспыхнет она

Над Черной речкой
Слеталось воронье

Нынче лес безмятежно шумит
Да соловей распевает
Пытаясь песней украсить
Языческий обелиск
Сиянье перьев белых
Красавицы сердца биенье
Пусть горечь печали
Развееся над Невой

(пер. Т. Аникиной)

Стихотворение тесно связано с живописью. Не говоря уже о наглядных визуальных образах: белизны снега, рубина крови, сияющих белых перьев, вероятно, связанных с обликом красавицы Натальи Гончаровой, это в первую очередь образы луны и воронов. Птицы: вороны, галки, дикие голуби, жаворонки — присутствуют почти на всех полотнах художника. Они плотно вошли в его образную систему. Это и «Рассвет» (комбинированная техника, 1971), и «Дорога» (комбинированная техника, 1971), и «Драма» (комбинированная техника, 1971) и многие другие.

Другой, не менее важный образ для художника, присутствующий в стихотворении, — луна. Изменчивая, таинственная луна — этот образ мы найдем во многих картинах. («Луна», комбинированная техника, 1971; «Драма», комбинированная техника, 1971; «Дорога», комбинированная техника, 1971; «Ноктюрн в голубом», комбинированная техника, 1971).

Поэзию и живопись Штурдика можно глубоко понять только в совокупности. Поэзия называет образы, живопись их иллюстрирует и исследует, давая при этом их различные варианты, о чем и писала в свое время словацкая исследовательница Зора Русинова. «Он может уносить в поэтические выси, может и провоцировать,

но всегда обнажает закономерности художественного восприятия мира, моменты своего внутреннего соединения с этим миром» [Rusinová 1981: 1].

В 1985 г. в Москве и Ленинграде состоялась выставка работ Штурдика, которая вызвала большой интерес у ценителей искусства.

Творчество Штурдика выходит далеко за рамки чисто словацкой национальной школы. Его творчество близко и русским, и чехам, и многим другим народам.

Литература

Резников И. Кое-что о сонатной форме. Экспозиция. 2022. URL: <https://author.today/post/324490> (дата обращения: 20.05.2025).

Rusinová Z. Dvanáť obrazov Jozefa Šturdíka. Bratislava: Tatran, 1981.

Šturdík J. Dvanáť obrazov Jozefa Šturdíka. Bratislava: Tatran, 1981.

LYRICAL PAINTING (SLOVAK ARTIST JOSEF STURDIK, 1920–1992)

Ivan M. Anikin

Abstract. Slovak artist Josef Sturdick, national artist of Czechoslovakia (1980), “lived in art”. He was a keen connoisseur of poetry, wrote poetry himself, and played the violin brilliantly. He received an excellent education — studied in Bratislava, Vienna, Paris. He created paintings, watercolors and graphics, and was a brilliant illustrator. His works are full of poetry in the broadest sense of the word, as evidenced even by the names of paintings: “Sonnet”, “Elegy”, “Nocturne”, “Sonata”. The composition, the imaginative system of his artistic, poetic and musical works are very similar, as evidenced by the analysis of his works.

Keywords: Josef Sturdik, fine art of Slovakia, composition, artistic image

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СЛАВИСТЫ — ПЕРЕВОДЧИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СВЯТОСЛАВ ПАВЛОВИЧ СВЯЦКИЙ

А. В. Бабанов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

a.babanov@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности выпускника кафедры славянской филологии Ленинградского университета (СПбГУ) С. П. Свяцкого — полониста, ставшего профессионалом художественного перевода. Он работал с различными видами и жанрами польской художественной литературы, с текстами разных исторических периодов. Он переводил польскую поэзию всех жанров и всех эпох, с XVI до XXI в. Среди наиболее известных его переводов поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш», неоконченная поэма Ю. Словацкого «Бенёвский», драматические произведения Ю. Словацкого, С. Выспяньского и С. Мрожека. Отдельное направление деятельности С. Свяцкого — перевод произведений польской детской литературы.

Ключевые слова: история славистики в СССР, литературные контакты, польская литература, художественный перевод

Недостаточное внимание к языкам ближайших соседей в предвоенные годы привело к ощутимому дефициту специалистов, способных работать с этими языками. Готовить специалистов, способных обеспечить контакты с народами зарубежных славянских стран, призваны были создававшиеся на заключительном этапе Великой Отечественной войны (в 1943—1944 гг.) славянские отделения (кафедры как научные подразделения существовали и раньше, но не было набора студентов, изначально ориентирующихся на проблематику зарубежных славянских языков). В 1943 г. набор на такое отделение был проведен в МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1944 г. — в ЛГУ (ныне СПбГУ).

За время существования славянских отделений их окончили сотни специалистов, успешно работавших и продолжающих работать

в самых разных сферах, в том числе и в качестве профессионалов-переводчиков, специализирующихся на разных славянских языках, разных типах и тематиках перевода. Художественный перевод во всем этом спектре, безусловно, не доминирует, это логичное следствие того, что художественный перевод в общем объеме переводимой информации составляет около 1 %. Но значение этого вида перевода для межкультурной коммуникации определяется отнюдь не цифрами, а среди видов переводческой деятельности художественный перевод справедливо считается одним из вершинных, предъявляющих максимальные требования к квалификации переводчика. Поэтому обзор достижений выпускников кафедры славянской филологии в сфере художественного перевода может служить важным показателем, характеризующим уровень подготовки специалистов.

На протяжении нескольких десятилетий функционирования славянского отделения СПбГУ в сфере художественного перевода отметились десятки выпускников. Исчерпывающего обзора опубликованных художественных переводов, выполненных выпускниками кафедры славянской филологии, к сожалению, не делалось, но по неполным оценочным данным соответствующий список переводчиков мог бы включить не менее 50 имен. Для некоторых из них художественный перевод стал основной сферой профессиональной деятельности.

Больше всего профессионалов художественного перевода оказалось среди выпускников первого десятилетия работы славянского отделения. Это богемисты И. В. Иванов (И. Инов), О. М. Малевич, В. Д. Савицкий; болгаристы Л. И. Тарасова, О. Н. Шестинский. Одним из наиболее известных профессионалов художественного перевода среди выпускников кафедры славянской филологии СПбГУ, и при этом чуть ли не единственным полонистом, ставшим профессионалом художественного перевода, является С. П. Свяцкий. Факты его родословной, личной биографии, а в значительной мере и творческой биографии представлены в книге Гжегожа Вишневецкого [Вишневский 2015: 7–15]. В этой публикации есть некоторые неточности, которые затрудняют ее использование в качестве библиографического источника (например, не всегда приводимые в очерке названия переведенных произведений не позволяют найти перевод, поскольку название произведения в переводе может отличаться от того, которое первым приходит в голову при прочтении названия оригинала), но в данном случае эти неточности можно

оставить без внимания, а сфокусироваться на некоторых обобщениях, которые возникают при попытке обзора того, что удалось сделать Свяцкому для приобщения российского читателя к творчеству польских авторов.

Сам Свяцкий началом своей творческой биографии считал книгу «Поэзия западных и южных славян», которая вышла в свет в том же году, когда он окончил польское отделение (1955), но работа над которой началась как минимум двумя годами раньше, то есть в то время, когда он был еще студентом. Книга была коллективным проектом кафедры славянской филологии, в ее подготовке в качестве переводчиков участвовали многие будущие профессионалы-слависты (переводчики и ученые), а также преподаватели славянской кафедры. Среди вошедших в книгу переводов Свяцкого — произведения М. Рея, Я. Кохановского, И. Красицкого, Т. К. Венгерского, С. Трембецкого, Я. Ясинского, А. Мицкевича, Ю. Словацкого, С. Гошинского, Э. Василевского, Р. Бервинского, К. Уейского, Л. Кондратовича, М. Конопницкой. Почти одновременно с этими переводами поэзии появились первые публикации прозы и драматургии в его переводах: комедия Александра Фредро «Великий человек на малые дела» (1956, совместно с В. Б. Оболевичем) и повесть-сказка В. Жукровского «Похищение в Тютюрлистане» (1956). Начало 1960-х гг. ознаменовалось участием в нескольких крупных проектах, связанных с изданием на русском языке польских классиков — Яна Кохановского (том «Избранные произведения» в серии Издательства АН СССР «Литературные памятники», 1960), Ю. Словацкого (драма в стихах «Балладина» в двухтомнике «Избранных произведений», 1960), С. Выспанского (драма в стихах «Ноябрьская ночь» в томе «Библиотеки драматурга», посвященном данному автору, — издательство «Искусство», 1963). На этом фоне малозначительным выглядит участие в сборнике «Польский юмор», для которого Свяцкий переводил произведения небольшого объема, как стихотворные, так и прозаические, авторов, из которых некоторые уже тогда были классиками (например, Ю. Тувим), но многие и тогда были мало кому известны, и ныне почти забыты. Все эти публикации показали готовность и способность молодого переводчика работать с любыми видами и жанрами художественной литературы, а также с текстами разных исторических периодов, но в них же можно обнаружить и некоторые приоритеты, получившие подтверждение в дальнейшем творческом пути.

Во-первых, очевидным приоритетом для Свяцкого была поэзия. Это было не раз отмечено, например, на страницах журнала «Польша», еще в 1970-е гг. [Алексеев 1977, Кручковская 1978]. Он переводил поэзию всех жанров и всех эпох. Уже в упомянутой антологии 1955 г. в его переводах представлены произведения поэтов XVI, XVIII и XIX вв., в последующие десятилетия добавились пропущенный XVII в., а также XX и XXI. Однако поэзия великих романтиков была ему, видимо, наиболее интересна — как в начале творческого пути, так и в последние десятилетия. И не случайно после 200-летнего юбилея Адама Мицкевича, отмеченного выходом нового перевода поэмы «Пан Тадеуш», Свяцкого стали часто представлять именно как переводчика «Пана Тадеуша».

С другой стороны, отвечая в 1977 г. на вопрос журналиста о литературных предпочтениях, Свяцкий сказал, что он получает большое удовольствие, «переводя так называемых трудных поэтов: Эрнеста Брылля, Юлиана Пшибося... Тадеуша Ружевича и многих других» [Алексеев 1977]. И действительно, он перевел немало произведений поэтов XX в., но результаты этого труда долго оставались вне книжных изданий поэзии. На протяжении 60-х и 70-х гг. в московских и ленинградских издательствах выходило немало сборников польской поэзии (антологий и авторских томиков), но в большинстве этих изданий переводов Свяцкого или нет вообще, или они единичны. Например, в двухтомной антологии «Польская поэзия» («Художественная литература», 1963), охватывающей период от XVI в. до середины XX в. (около ста поэтов, более четырехсот произведений), Свяцкий представлен всего одним переводом (поэта второй половины XIX в. Адама Асныка), в сборнике трех поэтов XX в. (Ю. Тувим, В. Броневский, К. И. Галчинский, в общей сложности около трехсот произведений, «Художественная литература», 1975) — ни одного стихотворения в переводе Свяцкого, хотя к тому времени у него уже были опубликованные переводы произведений каждого из этой тройки, и в начале XXI в. некоторые из этих переводов вошли в тома «Коллекции польской литературы» издательства «Вахазар», посвященные упомянутым авторам. В аналогичном сборнике пяти поэтов (Л. Стафф, К. Иллакович, Ю. Пшибось, Т. Ружевич, В. Шимборская, в общей сложности более четырехсот произведений, «Художественная литература», 1975) — одно стихотворение в переводе Свяцкого (В. Шимборская, «Музей»), хотя еще за несколько лет до выхода этой книги

у Свяцкого уже были опубликованные переводы стихов четверых из этой пятерки. Еще один перевод вошел в сборник стихотворений позднего польского романтика Ц. К. Норвида (1972). Более чем по одному переводу было в эти годы только в уже упомянутом сборнике «Польский юмор» (стихотворений — пять, плюс один юмористический рассказ и одна юмористическая сценка), а также в двух книгах, вышедших в Ленинграде: в антологии «Польская поэзия XVII века» (1977, 19 стихотворений) и в научной монографии (!) Н. Б. Бобрика «Польский поэт-просветитель Томаш Кастан Венгерский. 1755—1787» (1981). Монография издана с приложением — подборкой стихов Т. К. Венгерского в русских переводах, всего в приложении 16 стихотворений, из них 12 — в переводе Свяцкого. Картину переводческих достижений Свяцкого 60—70-х гг. в области поэзии, безусловно, определяют переводы крупных произведений польских романтиков — неоконченной поэмы Ю. Словацкого «Бенёвский» (вышла отдельным изданием в 1973 г.) и поэмы С. Гошинского «Каневский замок» (вышла в сборнике «Польская романтическая поэма XIX века» в 1982 г., но перевод был закончен не позднее 1976 г. [Алексеев 1977]). Так что если судить по книжным публикациям 60—80-х гг., то Свяцкий — это прежде всего переводчик польской поэзии старой, XVI—XIX вв. Конечно, и в этой поэзии можно найти авторов «трудных», и можно найти немало версификационных и иных формальных трудностей, с которыми переводчик виртуозно справлялся, сохраняя стилистику и лексическое богатство переводимого текста. Но упомянутых в интервью переводов поэзии Брылля, Пшибося, Ружевица (добавим — и многих других авторов XX в.) в эти годы в книжных публикациях нет.

Со Свяцким как переводчиком современной польской поэзии с января 1968 г. имели возможность познакомиться читатели журнала «Польша», издававшегося на русском языке в Варшаве и распространявшегося в СССР по подписке, но главным образом через киоски «Союзпечати». Появление первой подборки переводов Свяцкого в этом журнале стало знаковым событием и для самого издания, поскольку она кардинально изменила образ современной (с учетом поправки на время публикации) польской поэзии на страницах этого журнала. За предыдущие четыре года (в 1964—1967 гг.) на страницах журнала печатались стихи только четырех поэтов XX в.: Броневского, Галчинского, Тувима, Шимборской, но в переводах многих советских поэтов, известных не только своими переводами:

Н. Н. Асеева, А. А. Ахматовой, Л. Н. Мартынова, С. Я. Маршака, Б. Л. Пастернака, Д. С. Самойлова, М. А. Светлова, И. Л. Сельвинского, Б. А. Слуцкого, К. И. Чуковского. Публикация подборки переводов Свяцкого список представленных в журнале польских поэтов XX в. сразу же удвоила: кроме стихов Галчинского, Тувима и Шимборской, о творчестве которых журнал уже давал некоторое представление, в подборке были переводы стихов Т. Ружевича, Т. Новака, Я. Б. Ожуга, Т. Кубяка, Т. Сливяка, Я. Зыха. После этой публикации последовала пауза, продолжавшаяся два года, но затем на протяжении всех 70-х гг. переводы Свяцкого появляются в журнале «Польша» регулярно. Иногда это были единичные стихотворные тексты, посвященные какой-то актуальной теме (например, годовщине освобождения Варшавы от немецкой оккупации), иногда — тексты песен из репертуара популярных исполнителей (Анна Герман, ансамбль «Червоне Гитары»), но прежде всего — «сольные» подборки конкретных авторов (К. К. Бачинский, Э. Шиманский, Т. Ружевич, Ц. К. Норвид, Л. Стафф) и «антологические» подборки — на какую-то тему или составленные в каком-то ином ключе. Все эти подборки небольшие (как правило, не более десятка стихотворений, а иногда и всего 2–3) — все-таки объем журнала, для которого художественная литература была лишь одной из многих тем, не мог не накладывать ограничения — но в сумме уже к 1976 г., если верить интервьюеру, в журнале «Польша» появилось около ста переводов Свяцкого [Алексеев 1977], а во второй половине 70-х гг. это число продолжало возрастать.

Переводы Свяцкого из современной польской поэзии публиковались и в советских журналах, но здесь для получения объективной картины требуются библиографические изыскания. Даже если бы речь шла только о «толстых» журналах, то их в Советском Союзе был не один десяток. «Толстые» журналы в последнем номере за год обычно помещают обзор содержания (разного качества в смысле удобства библиографического поиска), но переводные художественные произведения могут печататься и в еженедельниках («Огонек», «Смена», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Неделя» и т. п.), которые обзоров за год не практикуют. Переводы могут появиться в журналах широкого тематического профиля, ориентирующихся на определенный социальный тип адресата («Работница», «Крестьянка», «Сельская молодежь», «Техника — молодежи» и т. п.). Чтобы подтвердить, что такого рода издания

действительно могут стать источником интересных находок, приведем пример перевода стихотворения Я. Б. Ожуга «Деревья моего Севера», который был опубликован в журнале «Техника — молодежи» в 1964 г. (№ 8, с. 4). Спустя десять лет этот перевод был повторно опубликован в журнале «Нева» (1974, № 7, с. 148). Искать аналогичные случаи в том же журнале — занятие очень трудоемкое, поскольку в обзоре содержания журнала за год указываются лишь номера, в которых была представлена рубрика «Стихотворение номера» (обычно во всех двенадцати), а произведения, попавшие в эту рубрику, не называются. Приведенный пример, однако, важен, поскольку подтверждает, что уже в первой половине 60-х гг. Свяцкий успешно переводил стихи своих польских современников и публиковал их, видимо, там, где находил заинтересованного издателя.

Ситуация существенно изменилась на рубеже 80–90-х гг., когда А. В. Базилевским было создано частное издательство «Вахазар», для которого публикация переводов польской художественной литературы на русский язык стала одной из программных целей. В книги, изданные Базилевским, попало немало переводов Свяцкого из целого ряда авторов, а в комментариях многих изданий появились сведения о прежних книжных, а иногда и журнальных изданиях того или иного перевода, о наличии других переводов того же произведения. К сожалению, со смертью Базилевского в 2019 г. деятельность издательства практически прекратилась, но изданное им дает хорошую базу для библиографии многих переводчиков, в том числе и Свяцкого. Начатый поиск на сегодня дал такой результат: в библиографию переводов Свяцкого можно с уверенностью записать 74 автора-поэта (более половины из них — поэты XX в.). Еще 5 имен поэтов XX в. названы как переводившиеся Свяцким (например, в книге Вишневого [Вишневский 2015: 13–14]), но публикаций результатов работы над текстами этих авторов найти пока не удалось.

Важной сферой в переводческой деятельности Свяцкого была драматургия. Отчасти эта сфера пересекалась с поэзией, поскольку многие переведенные Свяцким пьесы (особенно на начальном этапе его творческого пути) написаны стихами. Но библиография переводов драматургических текстов включает не только «Балладину» Словацкого и «Ноябрьскую ночь» Высянского, здесь мы найдем около десятка авторов — от первой половины XIX до второй половины XX в., в том числе пьесы польских модернистов — вплоть до

драматургии Славомира Мрожека, считающегося одним из ярких представителей театра абсурда.

В интервью, данном журналу «Польша» в 1978 г., один из наиболее авторитетных прозаиков того времени Войцех Жукровский, отвечая на один из вопросов, так отозвался о Свяцком: «После Рыльского это, по-моему, самый замечательный переводчик, а работает “тихонько”, в стороне, терпеливо совершенствует свои переводы. Высокий, сутулый, в опадающих с носа очках, типичный русский интеллигент из чеховской пьесы. Очень, очень его ценю. Ну, и люблю тоже. Причем бескорыстно, потому что Свяцкий с головой ушел в переводы поэзии, а не прозы» [Кручковская 1978]. Бескорыстие оценки, данной Свяцкому польским писателем, не вызывает сомнений, но недооценивать прозу в творческом наследии переводчика тоже не стоит. Проза, видимо, все-таки не относилась к приоритетам Свяцкого — список авторов здесь намного скромнее, чем список переводимых поэтов, при этом в нем практически нет «звезд первой величины», а те из них, кто в этот список попал (Я. Ивашкевич, Т. Новак), представлены, как правило, не самыми важными своими произведениями. Тот же Жукровский представлен пятью позициями, из которых четыре — небольшие рассказы и очерки, а одна — уже упомянутая ранее повесть-сказка для детей «Похищение в Тютюрлистане» (одна из первых переводческих работ Свяцкого). Тем не менее проза в переводе Свяцкого — это около 20 авторов, несколько десятков произведений, в том числе около 20 — повести и романы.

Отдельно надо сказать о прозе для детей. Это примерно половина выполненных Свяцким переводов прозы и, судя по количеству переизданий некоторых произведений, наиболее востребованные переводы. Так, например, повесть-сказка Л. Е. Керна «Фердинан Великолепный», впервые опубликованная в переводе Свяцкого в 1969 г., на сегодня представлена уже девятью отдельными изданиями и четырьмя в составе сборников. Всего же Свяцким переведены четыре крупных прозаических произведения этого автора, адресованные детям, — и как будто бы полностью проигнорированы иные его ипостаси — поэта-сатирика, пишущего для взрослых, детского поэта. Казалось бы, ипостаси Свяцкому не чуждые. Почему же они не затронуты его переводами? Или просто эти переводы ушли в периодику и пока не обнаружены? Тогда к обозначенным выше областям библиографического поиска надо добавить как

минимум журнал «Крокодил», а также «Веселые картинки», «Мурзилка», «Искорка», «Костер»...

Переводчик художественной литературы — это человек, обеспечивающий контакт между культурами, и признание его заслуг может иметь место и в стране, литературу которой он переводит, и в стране, культуру которой он своим творчеством обогащает. В случае Свяцкого знаки признания с польской стороны многочисленны и весомы, что обусловлено значимостью переведенных им крупных произведений, представляющих собой знаковые позиции национального культурного наследия Польши (разумеется, при высоком качестве их перевода). На отношение к переводчику как будто бы не повлияла произошедшая в Польше при его жизни смена общественного строя и идеологических ориентиров. Так, в 1970 г., то есть во времена Польской Народной Республики, он был награжден знаком «За заслуги перед польской культурой» и удостоен премии Ассоциации авторов ZAiKS. Позже, уже во времена нынешней Республики Польша, знаками признания его труда стали премия им. Анджея Дравича (2002), звание «Посол польского языка за рубежом» (2011 г., звание учреждено Советом польского языка при Польской академии наук, а Свяцкий стал первым зарубежным европейским деятелем культуры, удостоенным этого звания), высшая награда Министерства культуры и национального наследия Польши — золотая медаль за заслуги перед культурой «Gloria Artis» (2016). Такая стабильность признания, не зависящая от «политической погоды», может считаться признаком объективности оценки заслуг переводчика. В то же время некоторый диссонанс с этим фоном создает отмеченная выше незначительная представленность (в книжных изданиях) переводов Свяцкого из польской поэзии второй половины XX в., а также многих произведений великих романтиков (особенно Мицкевича и Словацкого). Представляется, что имеет смысл предпринять исследование этих игнорируемых издателями переводов в сопоставлении с теми переводами, которые регулярно переиздаются. Возможно, такое исследование подтвердит правоту издателей (в конце концов, даже самые выдающиеся переводчики не застрахованы от творческих неудач), а если окажется, что для их недооценки нет объективных причин, то уместно было бы предпринять некоторые шаги для более активного включения этой части творческого наследия Свяцкого в круг текстов, знакомящих русского читателя с польской литературой.

Литература

Алексеев А. Святослав Свяцкий: Меня притягивает ритм польской жизни // Польша. 1977. № 1. С. 18.

Вишневский Г. Польские тропы в Петербурге: Свяцкий, Слонимский, Британишский, Кочергин / пер. Н. Вертячих. М.: Худож. лит., 2015. 83 с.

Кручковская Т. Писатель передней линии. // Польша. 1978. № 11. С. 20–32.

SLAVISTS FROM LENINGRAD — TRANSLATORS OF FICTION AND POETRY: SWIATOSLAW P. SWIACKI

Andrey V. Babanov

Abstract. The article provides a review of the translation works by Swiatoslaw P. Swiacki, a graduate of the Department of Slavic Philology at Leningrad (Saint Petersburg) State University, a polonist, who became a professional in literary translation. His heritage includes various types and genres of Polish literature from wide scope of literary epochs from the XVI to the XXI century. Among his most famous translations are the poem by A. Mickiewicz “Pan Tadeusz”, the uncompleted poem by J. Slowacki “Bieniowski”, plays by J. Slowacki, S. Wyspianski, S. Mrozek. A separate area of S. Swiacki's activity is the translation of works of Polish children's literature.

Keywords: history of Slavistics in the USSR, literary contacts, Polish literature, literary translation

ПОСЛОВИЧНЫЙ КОНЦЕПТ «ПРАВДА/МАКОТО» И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В РУССКИХ И ЯПОНСКИХ ПАРЕМИЯХ

А. Л. Колесникова

*Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева, г. Орел, Россия*

anna-perevod@yandex.ru

О. Б. Абакумова

*Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева, г. Орел, Россия*

Abakumova-ob@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ семантики русских и японских пословиц, репрезентирующих концепт ПРАВДА в русском и японском паремическом дискурсе, а также выявление метафор, кодирующих соответствующее содержание пословиц обеих лингвокультур. Пословицы насыщены культурной коннотацией и потому «назначены» быть знаками языка и культуры, хранить в своей семантике культурные смыслы.

Ключевые слова: пословицы, пословичный концепт, код культуры, правда/макото, русский язык, японский язык

В современных лингвистических исследованиях важное место занимает лингвокультурологический подход. Особое развитие лингвокультурологический подход получил в работах В. Н. Телия и ее школы (В. В. Красных, М. Л. Ковшова, И. В. Зыкова, Д. Б. Гудков и др.), а также в работах В. А. Масловой и В. И. Карасика, в которых объектом исследования является фразеологический состав языка. Согласно В. Н. Телия, «лингвокультурология исследует живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия 1996: 218]. С развитием лингвокультурологии по-новому дефи-

нируются или уточняются уже закрепившиеся в лингвистической науке термины, а также появляются новые, которыми оперирует лингвокультурология: концепт, концептуализация, концептосфера, код культуры, языковая картина мира, культурная коннотация и др. Например, **язык** с лингвокультурологических позиций можно рассматривать как «основной, вершинный способ семиотизации тех смыслов, которые отбираются на всех этапах развития культуры как ценностно значимые» [цит. по Ковшова 2023: 750]. Языковой код можно трактовать как «вербальную часть кода культуры» [Ковшова 2023: 750].

В. Н. Телия под **кодом культуры** понимает «таксономический субстрат ее текстов»: «совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума — о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментефактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [Телия 1999: 20–21]. По ее мнению, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, поговорках, метафорах, фразеологизмах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности.

В. В. Красных сравнивает **код культуры** с “сеткой”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает мир, в котором он живет, а также осмысляет себя самого в этом мире» [Красных 2002: 232]. Лингвокультурные коды можно разделить по тематическим группам, которые соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. «Они универсальны по своей природе, но детерминированы субъективным (традиционным этническим) фактором, поэтому кодирование культурного пространства всегда носит национальный характер и является специфическим для каждого этноса» [Красных 2002: 232]. В более поздних работах В. В. Красных под кодом культуры понимает «совокупность имен и их сочетаний, которые обладают, помимо собственно денотативного значения, культурноносными смыслами» [Красных 2016: 379].

В. В. Красных выделяет базовые тематические коды культуры: антропный, биоморфный, временной, пространственный, артефактивный/предметный, духовный. Позже этот список дополняется следующими тематическими кодами: природно-стихийным, нумерологическим, колористическим, акциональным. Как пишет

В. В. Красных, данный перечень не является конечным, но представляет собой список базовых кодов культуры, которые предположительно являются более древними, более крупными и наиболее значимыми. «Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [Красных 2002: 232].

Лингвокультурологическое направление во фразеологии концентрируется на «выявлении самих способов воплощения культуры в содержании фразеологизмов» [Ковшова 2016: 7]. При широком подходе к определению объема фразеологии в ее состав включаются также и пословицы. Пословицы — знаки, насыщенные культурной коннотацией: «Такие знаки насыщены культурной коннотацией и потому “назначены” быть знаками языка и культуры, хранить в своей семантике культурные смыслы» [Ковшова 2023: 751].

Одним из центральных понятий лингвокультурологии является концепт. В когнитивной лингвистике под «концептом» понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1996: 90]. Ученые понимают концепты как «комплексные, дискретные единицы сознания», «сложные ментальные комплексы», «кванты знания», при помощи которых осуществляется человеческое мышление: «Концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности» [Болдырев 2014: 39].

Для исследования концепта необходимо рассмотреть его структуру. Согласно В. И. Карасику, концепт представляет собой «многомерное образование и состоит из трех компонентов — понятийного, образного и ценностного» [Карасик 2002: 98]. Под образной стороной концепта В. И. Карасик понимает «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания». Понятийную сторону концепта ученый определяет как «языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию, сопоставительные характеристики данного концепта по

отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно». Под ценностной стороной концепта ученый понимает «важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива» [Карасик 2002: 107].

Если материалом для концептуального анализа являются пословицы, можно говорить о пословичном концепте. Согласно определению, предложенному О. Б. Абакумовой, под пословичным концептом понимается «совокупность семантических ролей, квалитативов разного рода, выполняемых именем концепта в семантической структуре пословичных предложений-высказываний, представляющих паремический дискурс объекта» [Абакумова 2021: 8]. «Расширенный аппарат падежной грамматики, в первую очередь семантический падеж “квалитатив”, дающий характеристику объекту через семантику предиката и второго актанта и/или сирконстанта, дает возможность описать универсальные и национально специфические свойства сопоставляемых явлений в двух языковых культурах» [Абакумова 2011: 493].

В результате анализа русских пословиц по материалам словаря «Народная мудрость» [Мокиенко, Никитина 2011] было выявлено более 200 русских пословиц о правде, что дало возможность описать онтологические, аксиологические, модальные, гносеологические признаки концепта *правда*, а также выявить коды культуры.

Лексема «*правда*»/макото в японском языке может быть записана следующими тремя иероглифами, каждый из которых означает «правдивость», «подлинность», однако имеет отличительные нюансы: 真 — «правда», «подлинность», «истинность», 実 — «правда», «действительность», он же «плод», «суть», «содержание», и 誠 — «правдивость», «искренность», «истинность». Корень «кото» в составе слова «макото», записанный иероглифом 言 *кото* «слова» и иероглифом 事 *кото* «дела», отражает взаимосвязь «истинных слов» и «истинных дел» в японском концепте «макото»: «Взаимосвязь “истинные слова — истинные дела” можно рассматривать как один из движущих факторов морального долженствования» [Герасимова 2020: 126].

В нашем исследовании мы попытались проанализировать семантические роли «квалитативы», выполняемые концептом «правда» в русском и японском паремическом дискурсе, а также выявить основные лингвокультурные коды, представленные в собранных нами для анализа русских и японских пословицах.

Как в русских, так и в японских пословицах проявляется одно из главных качеств правды — ее ценность. Анализ семантики и структуры пословиц сопоставляемых языков позволил таким образом выявить *квалитатив высшей ценности*: *Правда дороже золота, Правда дороже хлеба, Правда да вера светлей солнца*. Русские пословицы кодируют этот культурный смысл через артефактные, природно-стихийные и гастрономические метафоры и лингвокультурные коды.

С точки зрения значения пословиц в японской лингвокультуре зафиксирована мысль «*Правда вознаграждается / Честность — награда*» 正直の頭に神宿る *сё:дзики-но ко:бэ-ни ками ядору* (букв. в честной голове живет бог) [Судзуки, Хирота 1956: 466]. Толкование: «Если ты честный/искренний, то однажды получишь божественное покровительство». Можно обозначить этот культурный смысл как *квалитатив вознаграждения / божественного покровительства*. В данной пословице проявляется духовно-религиозный код культуры в комбинации с антропным, соматическим. Ср. рус. пословицы: *Честному бог помогает* или *Кто правду хранит, того бог наградит*, в которых также проявляется духовно-религиозный код культуры.

Еще одна японская паремия кодирует *квалитатив ценности*: 誠は宝の集まり所 *макото ва такара-но ацумаридокоро* «правда — это место сбора сокровищ». В данной пословице правдивость и искренность сравниваются с самым дорогим, самым ценным, сконцентрированным в одном месте, в одной сущности. В японской пословице используется артефактивный код в сочетании с пространственным и количественным.

В русской лингвокультуре концепт «хлеб» представляет собой такую же ценность, как и золото, а именно «то, что очень дорого, ценно». Хлеб — это самая важная еда для русских, связанная зачастую не только с приемом пищи, но и с такими понятиями, как «семья», «дружелюбие», «уважение к почетным гостям» и др. «Хлеб» как самостоятельный концепт представляет большой интерес для изучения русской национальной культуры. В японской лингвокультуре схожую ценность представляет рис. Однако в японском языке встречается похожая пословица с несколько иным содержанием: 米の飯より思し召し *комэ-но мэси ёри обосимэси* — букв. «Рис, которым угощают, радует, но еще больше радует любезность/доброта угощающего человека», то есть «доброе отношение/намерение (со стороны других) дороже риса». Ср. рус. *Правда дороже хлеба*. В обеих куль-

турах духовные ценности стоят выше ценностей гастрономических. Но в японской культуре высоко ценят и материальные ценности, нажитые честным трудом: 正直の儲けは身につく *сё:дзики-но мо:кэ ва ми-ни цуку* «честно нажитое впустую не растрачивают». Артефактивный (предметный) код культуры используется здесь в сочетании с антропным, соматическим 身 *ми* — тело, *перен.* сам (человек).

И в русских, и в японских пословицах выявляется **квалитатив единственности правды**: 理に二つはない *ри-ни футацу ва най* — Двух правд не бывает. Ср. рус. *Правда всегда одна, Двух правд не бывает*. Здесь проявляется нумерологический код лингвокультуры. Ср. также рус. *Лжи много, а правда одна; Всё минется, одна правда останется*.

Квалитатив (прескриптив) нравственного поведения в русских пословицах выражен эксплицитно через императивную конструкцию, в то время как в японских пословицах схожие идеи выражены имплицитно. Рус. *Правду молвишь, правду и чини* (прескриптив нравственного поведения). Яп. 誠は道の親 *макото ва мити-но оя* букв. «правда — родитель пути», то есть правда направляет на верный путь, выступает ориентиром для любых действий и поступков человека. В японской лингвокультуре этот смысл кодируется через антропный (семейный) код культуры. В русской лингвокультуре используется акциональный код.

Правда, искренность человека проявляется в его поступках, в отношении к окружающим 内に誠あれば外に形る *ути-ни макото арэба сото-ни авару* (досл.: Если внутри правда, то она проявится и наружу) — **квалитатив гармонии внешнего и внутреннего / искренности, очевидности**. Метафорическое представление правды здесь осуществляется через пространственную оппозицию «внутри — снаружи», пространственный код культуры в комбинации с антропным и акциональным.

В обеих культурах правда может иметь негативные коннотации.

Например, правда может быть некрасива, неприятна: 信言は美ならず、美言は信ならず *сингэн ва би нарадзу, бигэн ва син нарадзу* — Правдивые речи не красивы, красивые речи не правдивы (**квалитатив внешней непривлекательности**). Ср. рус.: *Правда глаза колет / рогатиной торчит / уши дерет (квалитатив нежелательности, опасности); Умная ложь лучше глупой правды; Сладкая ложь лучше горькой правды* — акциональный, соматический, артефактивный, гастрономический коды лингвокультуры.

Говорение правды иногда считают проявлением простоты и даже глупости:

正直は阿呆の異名 *сё:дзики ва ахо:-но имё*: — Правдолюб — другое именование глупца (**квалитатив простоты, наивности**). Ср. рус. *Глупый да малый всегда говорят правду, Прямой, что дурной (то есть глупый)*.

Правда и ложь могут быть связаны между собой и иметь общее основание:

嘘から出た実 *усо-кара дэта макото* — букв. *Правда, появившаяся/вышедшая из лжи* (случайно или в шутку высказанная неправда в конечном счете оказывается правдой / приводит к правде) (**квалитатив общего основания**). Ср. рус. *И ложь невзначай правду скажет; Ложь доводит до правды; И ложь правдою статься может*.

Фитоморфная (ботаническая) метафора, сравнение правды и лжи с семенами растений и их ростками выявляется в следующих японских паремиях: 根も無い嘘から芽が生える *нэ мо най усо-кара мэ-га хаэру* — букв. *Из беспочвенной / не имеющей корней лжи прорастают ростки (правды)*. Смысл данной пословицы: то, что вначале было неправдой / сказали в шутку, со временем стало правдой (**квалитатив изменчивости/взаимосвязанности правды и неправды**). Ср. рус.: *В каждой лжи есть доля правды; И ложь правдою статься может*.

Национальная специфика японской культуры также проявилась в следующем: 衣のしたから鎧が見える *коромо-но сита-кара ёрой га мизэру* — букв. *Из под одежды торчат доспехи*. Метафорически/аллегорически представлена ложь как одежда и правда как военные доспехи, которые все равно показываются наружу, даже когда их хотят скрыть. Данную пословицу используют в ситуации, когда человек пытается скрыть истинные намерения: в лицо улыбается, но на самом деле плохо думает. Используется костюмный, военный код культуры. Ср. рус. *Правда рогатиной торчит — квалитатив силы, могущества и нежелательности, опасности*.

Сопоставительный анализ паремий двух неблизкородственных языков показал как общее, так и специфическое в понимании и интерпретации концепта «правда/макото» в русских и японских паремиях, которые дают нам как культурно-детерминированное, так и общечеловеческое представление об этом сложном для восприятия феномене.

Литература

Абакумова О. Б. К вопросу о создании словаря пословичных концептов (на материале пословичных концептов «Правда» и «Truth») // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (33). М.: Магнитогорск-Новосибирск, Изд-во РАН, 2011. С. 493–498.

Абакумова О. Б. Концептуальные метафоры в пословицах о правде и лжи // Славянская фразеология и паремиология. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 7–12.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.

Герасимова М. П. Макото — исходный принцип этических и эстетических убеждений японцев // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3. С. 126–138.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.

Ковшова М. Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. № 3. С. 745–756.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Издательство МГУ, 1996. 245 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА МедиаГрупп», 2011. 416 с.

Судзуки Т., Хирота Э. Кодзи котовадза дзитэн (Словарь японских пословиц и поговорок). То:кё: : То:кё:до: сюппан, 1956. 987 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

PROVERBIAL CONCEPT TRUTH/MAKOTO AND LINGUO-CULTURAL CODES IN RUSSIAN AND JAPANESE PROVERBS

Anna L. Kolesnikova

Olga B. Abakumova

Abstract. The paper analyses semantics of Russian and Japanese proverbs, representing the concept of Truth in Russian and Japanese paremic discourse and singles out metaphors, that code the necessary contents in the two linguo-cultures. The proverbs possess cultural connotations and thus are aimed to preserve cultural senses in their semantics.

Keywords: proverbs, proverbial concept, cultural code, truth/makoto, Russian language, Japanese language

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ЛЕС» (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАРЕМИЙ)

В. В. Мущинская

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

v.mushinskaya@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этнокультурные особенности концепта «лес» на материале восточнославянских паремий. В результате анализа были установлены общие и этноспецифические черты концепта «лес» в паремиях восточнославянских языков, определены их понятийные, образные и ценностные составляющие.

Ключевые слова: концепт, паремия, восточнославянские языки

Лес исторически предшествует человечеству: по подсчетам В. И. Вернадского, он сформировался 70–100 млн лет назад. В этих лесах эволюционным путем появился человек около 15–20 млн лет тому назад. Таким образом, по мнению В. В. Вернадского и ряда других ученых, именно лес стал колыбелью человечества. Здесь человек обрел черты существа, обладающего сознанием, нашел материал для получения и поддержания огня, пищу, первое орудие труда и оружие [Вернадский 1991: 503–512].

«Лес» всегда играл важную роль в жизни славянских народов, в том числе и русского, что обусловлено природно-географическими условиями проживания славян. Однако, несмотря на все преимущества леса в хозяйственной жизни восточных славян (лес как место охоты, лес в качестве строительного материала, лес как источник пропитания и т. п.), в лесу таилась определенная опасность, лес вызывал страх.

Историк В. О. Ключевский так писал о восприятии леса древним человеком: «Недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса. Безотчетная робость овладевала им, когда он вступал под его сумрачную сень.

Сонная, “дремучая” тишина леса пугала его; в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чувалось что-то зловещее; ежеминутное ожидание неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображение. И древнерусский человек населил лес всевозможными страхами» [Ключевский 1956: 210].

Следует отметить, что негативное восприятие леса предопределялось различными факторами: он был преградой при передвижении и трудно поддавался расчистке под пашню; его населяли дикие звери, которые представляли угрозу как для самого человека, так и для домашнего скота; там также водились разбойники. Хотя лес был воплощением чужого, он кормил человека, обеспечивал его нужными для существования материальными благами. Соответственно, чужое пространство осваивалось и стало своим, родным.

Так, М. Маковский считает, что лексема лес часто соотносится со значением ‘пустошь, пустой’ [Маковский 1996: 140], то есть пространство, в котором нет человека, «дремучая глухость лесной пустыни» [Колесов 1986: 210]. Оппозиция дом — лес выступает «конкретным вариантом противопоставления близкое — далекое и реализацией оппозиции свой — чужой» [Колесов 1986: 210]. Как отмечает В. В. Колесов, в самом древнем облике чужое воплощено, несомненно, в лесу, который подступает к самому дому. Лес — нечто живое, тот же род, только враждебный [Колесов 1986: 210].

Признаки леса, которые со временем выделялись и обозначались, также всегда были пугающими и настораживающими. Обновляясь в каждом поколении людей, признаки леса вербализовались соответствующей эмотивной лексикой: *дебри, чаща, пуща, глухомань, чепыжник* [Колесов 1986: 210].

Чуждость леса человеку подтверждает и установленная М. Маковским связь значений «дерево» и «внешний, далекий... который находится на периферии и который касается хаоса, ада» [Маковский 1996: 140], а лес — как самая ближняя грань чужого мира [Колесов 1986: 212].

Представление о лесе как о месте, где возможны чудеса, восходит к временам язычества. Свое отражение в нем получил культ деревьев [Колесов 1986: 21] — древнее представление о дереве как вместилище душ или духов (добрых и злых), объясняющее связь значений «дерево» и «потусторонний мир» [Маковский 1996: 134], а также проживание в нем как доброжелательных, так и враждебных человеку мифических существ: «лес — это темное царство

лешего, одноглазого, злого духа-проказника», Бабы-Яги [Зеленин 1991: 414]. Кроме этого, М. Маковский указывает на возможность соотнесения значений «дерево» и «чудо, колдовство» [Маковский 1996: 135]. Интересно, что для славянской мифологии не характерно представление о дереве как о живом существе, причем в большинстве случаев эти представления связаны с запретом срубить деревья.

Таким образом, лес всегда вызывал неосознанный страх, ибо в нем (особенно в дебрях) проживали всевозможные ужасы. Существовало поверье, что лесная нечистая сила проводит по лесам игрища, танцы и нехорошо шутит с людьми. Поэтому, входя в лес, надо перекреститься [Славянские древности 1995, т. 5: 341]. Предполагают, что именно лешие заманивают людей все глубже в лес и вызывают их дезориентацию в этом пространстве.

Леса не только боялись, но и поклонялись, это было культовое место еще в языческие времена. Предметом культа деревьев становились как отдельные породы (чаще всего дуб — самое заметное по размерам и по возрасту дерево лесостепной зоны), так и целые рощи. Поэтому в лесах чаще всего располагались культовые сооружения славян-язычников, проводились отдельные обрядово-ритуальные действия.

Лес в народной демонологической традиции украинцев и русских связан с областью представлений о смерти. Одним из мест, где в древности оставляли старых немощных людей умирать, был лес. Согласно данным Д. Зеленина, украинцы, а также русские и белорусы в лесу хоронили не только исключительно самоубийц-удавленников, но и другие категории покойников: пьяниц, утопленников, убитых, некрещеных [Зеленин 1991: 352–354].

Так, Н. Велецкая, исследуя это культурно-историческое явление, пришла к выводу, что «в процессе трансформации языческой погребальной обрядности формы ритуала, характерного для убийства в старости, были перенесены на покойников, умерших насильственной смертью, вызванной теми или иными внезапными причинами, то есть умерших неестественной смертью» [Велецкая 1978: 88]. Исследовательница считает, что «перенос форм и способов ритуала отправления на “тот мир” на умерших неестественной (то есть преждевременной) смертью — закономерный процесс, который находится в соответствии с общим ходом переосмысления явлений культуры в народной традиции на протяжении ее истории» [Велецкая 1978: 88].

Таким образом, в народных демонологических представлениях *лес* фигурирует не случайно. По мнению В. Квашнина, именно *лес* является пограничем между двумя мирами — миром живых и миром мертвых [Квашнин 2018: 316–325].

В настоящей работе репрезентация концепта «лес» рассматривается на материале русских и украинских паремий. Базой исследования послужили данные русских и украинских сборников пословиц.

Слово **lesъ* считается словом этимологически неясным. Существует несколько гипотез происхождения этого слова. Так, М. Фасмер указывает на его связь со словами *пастбище*, *выгон* (др.-англ. *laeswe*, диал. *leasow*), а также лит. *laiskas* «лист дерева», др.-чеш. *les* «листья, побеги» [Фасмер 1986: 485]. О. Н. Трубачев считает, что **lesъ* во многих славянских диалектах обозначает 'лиственный лес, ветки, листья, побеги'. Также О. Н. Трубачев отмечает, что большинство этимологов сходятся в том, что значение *лес* вообще является вторичным. Обращает на себя внимание то, что словом **lesъ* называют *лиственный лес*, *кустарник*, *орешник*, *ветки*, *побеги*. При подсечном земледелии на месте бывшей вырубki вырастает только лиственный лес, густая чаща березы, осины, ольхи и орешника. Представляется, что первоначально слово **lesъ* не входило в географическую терминологию, а было термином подсечного земледелия. Отход от подсечного земледелия привел к исчезновению древних значений [Этимологический словарь славянских языков 1987, вып. 14: 249–252]. Как считает В. В. Колесов, этимология слова позволяет восстановить исходный образ, лежавший в основе именованного леса: это представление о постоянно растущих побегах, листьях, коре, ветвях [Колесов, Колесова, Харитоновна 2014: 405]. В Словаре русской ментальности «лес» определяется как поросшая деревьями земля как символ непознаваемого, в своей дикости враждебного человеку, сказочно-потустороннего мира [Колесов, Колесова, Харитоновна 2014: 404].

Концепт понимается как ментальный конструкт, в содержании которого выделяют три основных компонента: понятийный, образный и оценочный [Карасик 1996: 3–16]. В реализации концепта участвуют также историческая (этимологическая) семантика слова, метафорические обозначения связанного с концептом понятия. Этнокультурный компонент значения понимается как информация, закодированная в семантике слова, которая отражает материальные и духовные ценности народа, его быт, характер и менталитет,

а также ассоциативно-образные представления носителей языка. Эффективным средством прослеживания национальной специфики являются паремии, являющиеся частью культуры, отражением мышления народа.

Данный концепт имеет древнейшую мифологическую основу, лес в славянской мифологии и фольклоре — это локус, наделенный признаками удаленности, непроходимости, необъятности, сближаемый с «тем светом»; понимаемый как место обитания хозяина леса и других мифологических существ, а также как пространство небытия (наряду с морем и горами). Лес противопоставлен дому/двору/саду в рамках оппозиции «чужой — свой» [Славянские древности 2004: 97].

В. Я. Пропп пришел к выводу, что темный, дремучий лес ассоциировался у древних с царством мертвых, он окружал вход в иной мир либо же представлял собой границу между миром «своим» и «чужим». В фольклоре многих народов закрепился образ леса, который, «с одной стороны, отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд, с другой стороны — как о входе в царство мертвых. Оба представления тесно связаны друг с другом» [Пропп 1986: 58].

Важная роль растений в мифопоэтических представлениях разных народов объясняется наличием «особого растительного (“вегетативного”) кода», позволяющего задействовать растения во многих классификационных системах. Для славянской мифологии актуальна календарная детерминированность основных этапов вегетативного цикла, в терминах которой осмысляется и жизнь леса. Первый этап — появление листвы в лесу (чаще всего это событие приурочивается к Юрьеву дню). Второй этап жизненного цикла леса связан с окончанием вегетативного цикла и отменой запретов на рубку деревьев. У восточных и южных славян он приходится на троицко-петровские праздники. С этого времени отменялся запрет на рубку деревьев и др. и начинался массовый сбор трав и цветов, косьба, заготовка веников (особенно первого веника или метлы). С окончанием вегетативного периода связаны запреты ходить в лес из опасения встреч со змеями, покидающими землю на зиму. В лесу совершались некоторые календарные обряды, преимущественно весенне-летние [Славянские древности 2004: 99].

О происхождении леса как пространства достаточно мало легенд, причем источником их являются в большинстве случаев те или другие апокрифы. Так, например в своей работе «Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях»

Георгий Булашев указывает только одну легенду о происхождении леса: народ в Подольской губернии связывает с проклятием Богом змея, после грехопадения прародителей; до тех же пор лесу совсем не было, а росла всюду (за исключением, конечно, «рая») только одна трава. Когда Господь проклял змея, он тотчас же пошел под землю, и куда он пошел, там везде заросла земля лесом. Так как и впоследствии для произрастания леса со стороны человека не требовалось никаких особенных трудов, то в народе укоренился взгляд на лес как на *bonum nullius*, вследствие чего кража леса, особенно помещичьего — и притом на дрова, не считается даже более или менее предосудительною или зазорною; мать-земля родит его на общую потребу всех и каждого. Такой взгляд на лес существует и у весьма многих народов [Булашев 1909: 393].

Понятийный компонент концепта «лес» включает следующее определение лексемы лес: а) дикорастущие деревья, занимающие большую площадь; б) большая площадь, пространство, поросшее деревьями; в) срубленные деревья как строительный, поделочный и т. п. материал. Понятийный концепт является релевантным для носителей как русского, так и украинского языка [БАС 2007: 141–142; СУМ 1974: 522–523].

Понятийная составляющая концепта «лес» в сопоставляемых языках может быть расширена следующими общими признаками:

1) лес как цель, направление движения (рус. *Ехать в лес; Ходить в лес*; укр. *Поїдемо в ліс, нарубасмо беріз*);

2) лес как среда обитания диких животных (рус. *Волков бояться — в лес не ходить; В лесу и медведь архимандрит*; укр. *Боятися вовка — в ліс не ходити; Як вовка боятися, так і в ліс не йти; Боявшися вовка, в лісі не бувати*);

3) лес как источник питания и природно-сырьевых ресурсов для ведения хозяйственной деятельности (рус. *Возле лесу жить — голоду не знать; Лес поит, кормит, одевает, укрывает, согревает; Лесная сторона не одного волка и мужика досыта кормит; Вырос лес, так выросло и топорщице*; укр. *Що в лісі родиться, то в дворі згодиться*);

4) лес как опасное место (рус. *Ходить в лесу — видеть смерть на носу; Лес слышит, а поле видит*; укр. *За відважним добре в ліс йти*);

5) лес, как место, где обитают потусторонние мифические существа и нечистая сила (рус. *Лес без лешего не стоит; У леса как у беса: всего много*; укр. *Пішов до ліса, надибав біса; Один дивиться до ліса, а другий до біса*);

6) лес как собственность (рус. *На лес и поп вор; укр. Пан спить, а ліс росте; Ліс божий та людський, а не панський, бо пани його не садили*);

7) лес как непригодное место для возделывания сельскохозяйственных культур (рус. *В лесу много дров, да хлеба нет; укр. Ліса — хоч бий ся, води — хоч мий ся, а хліба — хоть плач*);

8) лес как участок, который расчищают под сельскохозяйственные угодья (рус. *Пихать лес; укр. Пішло поле в ліс*).

Самыми частотными являются украинские паремии, у которых прослеживается взаимосвязь лес — волк:

рус. *Как волка ни корми, он все в лес смотрит, Волков бояться — в лес не ходить*; укр. *Боятися вовка — в ліс не ходити, Не визивай вовка з лісу, Вовка натура до лісу тягне, Вовка не треба кликати з ліса, він і сам прийде, Вовка щось усе до ліса тягне, Вовка як годуй, а він усе в ліс дивиться, Певне вовк у лісі здох, То вже велика біда в лісі, як вовк вовка геть їсть, Уже се і вовки в лісі виють, Бійся вовка та не йди до ліса, Не право теля, що в ліс пішло — не прав и вовк, що й теля з'їв, У лісі вовки виють, а на печі страшно, Нема ліса без вовка, а села без лихого чоловіка, Шкуру пропив — а вовк у лісі, Вовк із лісу вівиці бере, Страшний вовк, та в ліс дивиться*.

Специфическим значением понятийного концепта «лес» для украинской этнокультуры является:

1) лес как место, где пасется скот (укр. *Лишив я коні в лісі на божу волю; вертаю, а божя воля коньби зз'їла*);

2) лес как место, где можно заблудиться (укр. *Блуджу по місті, як по лісі*);

3) лес как источник прибыли (укр. *Як є ліс, то є гріш*).

Общая образная составляющая концепта «лес» объективирована в сопоставляемых языках метафорическим значением:

1) лес как сообщество (рус. *Много лесу темного, да нет дерева годного; укр. Ліс великий, а путнього дерева в ньому не знайдеш; рус. Как в лесу кликнешь, так и откликнется; укр. Як у лісі гукнеш, так і одгукнется*);

2) лес как место жизни и действия неграмотных, неумелых, необразованных людей (рус. *В лесу родились, пням молились; Жить в лесу, богу молиться колесу; укр. У лісі родився, нічого не знає; Він такий, гий би у лісі виріс*);

3) лес как сущность (рус. *Как волка ни корми, а он в лес смотрит; укр. Вовча натура все в ліс тягне, Хоч як вовка годуй, а він усе в ліс дивиться*);

4) лес как рискованное дело (рус. *Волка бояться, так и в лес не ходить*; укр. *Вовка боятися — в ліс не ходити*);

5) лес как что-то непонятное (рус. *Чужая душа — темный лес*; *Чужая душа, что темный лес*; укр. *Чужі люди — темний ліс*, *Чужа душа — темний ліс*).

Этноспецифическим образным значениям концепта «лес» в украинских паремиях являются:

1) лес как беда (укр. *Чорт біса витягне із ліса*);

2) лес как место свободы (укр. *Ліпше пташині голодом у лісі, як при цукрі і багатій стрісі*).

Ценностная составляющая концепта «лес» в сопоставляемых языках актуализирована признаками *лес* — как чужое, неизвестное, далекое, противопоставленное своему — дому, людям, лес как свое. С точки зрения ценностной составляющей, в зависимости от акцентируемых признаков, *лес* воспринимается в сопоставляемых языках как положительно (рус. *богатый, большой, зеленый, прекрасный*, укр. *великий, зелений*), так и отрицательно (рус. *темный, дремучий, сумрачный, непролазный, опасный*, укр. *темний, дрімучий, густий*).

Таким образом, концепт «лес» является релевантным для носителей как русского, так и украинского языка, поскольку он широко объективирован в паремийных единицах обоих языков.

Литература

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 9. Л — Медь. М., СПб.: Наука, 2007. 659 с.

Булашев Г. Український народъ въ своихъ легендахъ и релігійныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ. Выпуск первый: Космогоническія українскія народныя воззрѣнія и вѣрованія. Киев, 1909. 515 с.

Велецкая Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 107 с.

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста // Мир философии: Книга для чтения. В 2 ч. Ч. 1. Исходные философ. проблемы, понятия и принципы. М.: Политиздат, 1991. С. 503—512.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивиной; примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова; послесл. К. В. Чистова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 511 с.: ил. (этнографическая библиотека).

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград — Архангельск, 1996. С. 3—16.

Квашин В. А. Геродот, «скифский обычай» и славянский архаический ритуал «отправления на тот свет», PENTHONTAETIA: исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею И. Е. Сурикова. М.; СПб.: Издательство РХГА, 2018. 324 с.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 312 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонова А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А — О. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории: сочинения / в 8 т. М., 1956. Т. 1. 427 с.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1996. 416 с. с ил.

Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 370 с.

Славянские древности в 5 т. Т. 3 / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. 704 с.

СУМ — Словник української мови в 11 томах 1970—1980. Т. 4. I — М. Київ: Наукова думка, 1974. 839 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е — Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

ETHNOCULTURAL FEATURES OF THE CONCEPT OF “FOREST” (BASED ON THE MATERIAL OF EAST SLAVIC PAREMIAS)

Viktoria V. Mushinskaya

Abstract. The article examines the ethnocultural features of the concept of “Forest” based on the material of East Slavic paremias. As a result of the analysis, the general and ethnospecific features of the concept of “Forest” in the paremias of the East Slavic languages were established. Their conceptual, figurative and value components were determined.

Keywords: concept, paremia, East Slavic languages

ИИ — ЛОЖНЫЙ ДРУГ ФРАЗЕОЛОГА? О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБРАБОТКИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ ИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ, АНГЛИЙСКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКАМИ)

Н. В. Сивенкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

n.sivenkova@spbu.ru

Аннотация. В статье описываются результаты ряда экспериментов по определению ИИ фразеологических сочетаний, их интерпретации и автоматического перевода. Языки: русский, болгарский, английский, французский. Исследование выявило ряд проблем в этой области: калькирование при переводе, галлюцинации при интерпретации, квазифразеология (сгенерированные псевдофразеологические сочетания и т. п.). Сделаны выводы о возможных источниках данных проблем.

Ключевые слова: фразеология, искусственный интеллект, славистика, перевод, компаративистика

Все нейросетевые модели могут иногда выдавать странные или неожиданные результаты, особенно когда сталкиваются с нестандартными запросами или контекстами. Это связано с тем, что они обучаются на огромных объемах данных, но их понимание мира ограничено этими данными и алгоритмами обработки информации. Однако некоторые модели могут чаще других генерировать контент, который кажется пользователям «диким» или неожиданным...

Эти языковые модели иногда выдают странный или нелогичный ответ, особенно при работе с длинными цепочками текста или сложными вопросами. Например, они могут перепутать факты, выдать бессмысленные предложения или внезапно сменить тему разговора... В целом ни одна нейросетка не застрахована от ошибок, поэтому важно понимать, что искусственный интеллект все еще находится на стадии развития и требует тщательной проверки результатов.

(мнение нейросети GPT о «глюках» нейросетей)

Интерес к комплексам алгоритмов и моделей, именуемых «искусственный интеллект» (ИИ), неизменно растет, ему делегируют все большее количество задач, в частности генеративным моделям поручают написание текстов различной тематики, реферирование, перевод. Несмотря на значительные успехи, есть области, в которых ИИ может подвести доверчивого пользователя. В частности, полисемия, оксюмороны и метафоры, даже при наличии контекста, могут приводить к таким результатам, которые пользователь может воспринять со смехом, понимая их некогерентность, или с негодованием. Фразеология метафорична по своей сути, по своему естеству, как следствие этого автоматический перевод устойчивых сочетаний и паремий бывает весьма проблемным.

Работавшие над созданием ИИ в 50-е гг. XX в. исследователи полагали, «что все когнитивные функции человека (мышление, восприятие, память, научные открытия, художественное творчество) могут быть запрограммированы компьютером для их воспроизведения» [Мусаева, Сложеникина 2024]. Генеративные модели, доступные в России в 2025 г., умеют работать с фразеологией, но в силу недообученности интерпретируют ее иначе, чем ученые.

Оставив специалистам по теории текста решение о допустимости терминов «конкретные» и «абстрактные» тексты, приведем мнение исследователей, занимающихся машинным переводом, относительно ограничений ИИ в этой сфере: «В первую категорию отнесем “конкретные” тексты. То есть тексты, которые подразумевают точную связь слов с их смыслом. Например, в предложении “яблоко висит на дереве” в результате машинного перевода на другой язык сложно получить иной смысл. Это связано с тем, что каждый объект в приведенном предложении имеет однозначное понятие. Во вторую категорию отнесем “абстрактные” тексты. Сюда относятся сказки, поэзия, религиозные тексты, различные метафоры. Машинный перевод таких текстов может совершенно исказить их подлинный смысл. Так, столкнувшись с метафорой, искусственный интеллект пока не может прибегнуть к косвенному переводу или к варьированию текста. Эта проблема тесно связана с культурными особенностями и системой ценностей различных народов. В результате чего прямой перевод с помощью искусственного интеллекта зачастую коренным образом меняет смысл текста» [Сморodin, Комашинская 2023]. Подчеркнем слова «метафора» и «культурные особенности».

Проведенный нами в январе 2025 г. эксперимент показал, что нейросеть может составить глоссарий по теме «Фразеология» и даже предоставить подборку «фразеологизмов» с толкованиями, но, к сожалению, при этом не указывает ни источников, ни частотности фразеологической единицы (ФЕ) или паремии. Часть полученной выборки выглядела очень похоже на кальку с иноязычных ФЕ, в ряде сгенерированных ФЕ есть неточности и так называемые галлюцинации. Определить способы и алгоритмы обучения сети ФЕ и паремиям непросто, так как когнитивный механизм, приводящий к метафоризации сочетания в естественном языке, несводим к подсчету весов токенов, даже с учетом их контекста.

В ходе эксперимента одной модели общедоступного ИИ был дан запрос (от лица обычного пользователя, например, студента) на генерацию ФЕ и пословиц с фитонимами. Списки полученных от нейросети «фразеологизмов» включали около 200 позиций (ограничение числа запросов было сделано осознанно). Результат выдачи оказался грамматически почти безошибочным. Словосочетания внешне претендовали на статус ФЕ. Список был передан другой общедоступной модели на проверку. Опечатки и грамматические ошибки вторая модель устранила, но обоснования этих исправлений порой были неверны.

Здесь имеет смысл сделать отступление и обосновать выбор именно фитонимов и именно болгарского языка для эксперимента над нейросетью. Статьи, посвященные изучению фразеологизмов и паремий, в состав которых входят фитонимы, нельзя назвать малочисленными, но на материале болгарского языка они изучены еще недостаточно, еще меньше исследований, в которых этот пласт лексики рассмотрен в сопоставительном аспекте. Фитонимы во фразеологии тесно связаны с национальным колоритом и концептами, формирующими ментальное пространство носителя языка, и часто могут вызвать трудности при переводе [см. Кошелев, Леонидова 1974: 16]. Для компаративистики и исследований в области имагологии, концептосфер и ментального пространства фразеология и паремиология вообще и национально окрашенная в частности (с компонентами-фитонимами, реалиями и т. п.) — бесценный источник. Исследователи отмечают: «Фразеологизмы являются не только интегративными элементами языковой картины мира, но и выступают незаменимым инструментом вербализации национальной концептосферы. Информация о национальной культуре

и концептосфере с необходимостью может быть выделена на всех уровнях фразеологических сочетаний, в частности, на уровне фитонимического компонента» [Седых, Бондарева 2018: 155]. Обращается внимание и на включенность растений в традиции культуры, в силу чего фитонимы «обладают чрезвычайно широким ассоциативным потенциалом для формирования различных представлений о жизни человека, интерпретируют и воплощают результаты когнитивной деятельности в языковых единицах, в частности, в фразеологизмах» [Мишина 2021: 127]. Такое сочетание: привязка компонента-фитонима к ментальному пространству носителя того или иного языка, одновременно с функционированием в рамках национально обусловленной картины мира и в то же время широкий ассоциативный потенциал (то есть возможность метафорических переносов традиционным и нетрадиционным способом) — для ИИ пока еще проблема. Так, на семинарах по авторскому праву в области ИИ зарубежные ученые утверждают, что основная задача генеративных моделей все же быстрый поиск и обобщение достоверной информации. Но возможности генеративных моделей по сопоставлению контекстов приводят к ситуации, когда и достоверность, и авторство сгенерированного материала не поддаются однозначной трактовке, а пользователи находят этим моделям совершенно иное применение. Если экстраполировать данную проблему на интерпретацию ИИ ФЕ с фитонимами, мы должны зафиксировать, что ИИ не проверяет привязку к региональным контекстам, а также нормативность ФЕ. При том что в ФЕ и паремиях часто «законсервированы» лингвистические особенности более ранних языковых явлений, вариативность их весьма высока, более того, трансформация фразеологизма является широко используемым стилистическим приемом, особенно в СМИ и блогосфере. ИИ, как выявлено в ходе эксперимента, генерирует псевдофразеологию из всех доступных контекстов: «канонических» репрезентаций ФЕ, вариативных, трансформированных. И сам активно включается в эту игру. Пользователю же бывает непросто определить, правильный вариант ему предложила БЯМ (большая языковая модель, LLM) или лингвистическую шутку.

Например, проверяя сгенерированный другой сетью список ФЕ с фитонимами, ИИ нашел такую «ошибку»: «*“Меден орех”*. — *Поправилно би било “меден плод” или “меден клон”, тѣй катo “орех” не е фитоним*». Автор статьи просила нейросеть проверить список на

болгарском языке (это сделано в том числе для поиска уязвимых и проблемных мест в работе языковой модели). ИИ ответил, что «медовый грецкий орех» это якобы неправильный фразеологизм, а правильно говорить «медовый плод» или «медовая веточка», так как, по его мнению, «грецкий орех» (болг. «орех») фитонимом не является. Ни *медового ореха*, ни *плода*, ни *ветки* в болгарских фразеологических словарях нет. Мы видим, что, при недостаточной информации на входе в сеть слоев для обработки, данный ИИ не отказался выдать ответ (хотя некоторые генеративные модели поступают именно так), а предложил «галлюцинацию».

При проведении эксперимента были и пограничные случаи, когда не было очевидно, взял ИИ реально существующую ФЕ, еще не зафиксированную в словаре, или придумал с нуля: «*Черешови цветове. — Раннопролетно настроение*». Сеть выдала грамматическую ошибку: *цветове* вместо *цветя* (то есть букв.: *черешневые цветы*). Ошибку совершил российский ИИ, полисемия русского слова *цвет*, вероятно, и привела к ней, в английском *flowers* вряд ли было бы заменено на *colors*). Но семантическое поле (букв.: *ранневесеннее настроение*) выглядит правдоподобным. Можно предположить здесь калькирование устойчивых метафор восточной культуры, подхваченных из интернет-контекстов (Япония?), но в болгарском языке такое выражение отсутствует.

В ряде примеров прослеживается попытка трансформации или контаминации реально существующих фразеологизмов и паремий, причем из разных языков.

Любопытный пример: «*Граматиково трънче. — Малко неудобство*». Нейросеть придумала псевдо-ФЕ и дала к нему толкование. Любопытно, что *трън* (рус. *терновник, колючка*) в значении «неудобство» есть в болгарской фразеологии, но компонента «граматиково» нет. В болгарско-русском фразеологическом словаре мы находим варианты «*на трън задоем — у кого желчь во рту, тому все горько*; *у злой Натальи все люди каналы*», «*като на тръни (седе)* — как на иголках (*сидеть*)», «*вършея тръне на главата — выматывать душу кому-л., изводить*», «*като трън в петата ми е* — как бельмо на глазу, как заноза в сердце», «*трън съм в очите на някого-стоять поперек горла*», «*с трън да влачиш, нищо не можеш да закачиш — хоть шаром покати; ни ложки, ни плошки*», «*от трън та на глог (че е по-висок) — из огня да в польмя*; *от волка ушел, а на медведа набрел*», «*давам трънка — от ворот поворот*», «*не се знае от коя трънка ще изскочи заекът — не знаешь, где*

найдешь, где потеряешь», «трънлив венец терновый венок» и «трънлив път — тернистый путь, тернистая стезя». Интересно, что уменьшительной формы «трънче» там нет. Нейросеть, не смущаясь, может выдать «перевод» этих оригинальных, реально существующих ФЕ. Примеры ниже осуществлены через Googletrans (фигурные скобки из пунктуации языка программирования, на котором писался запрос): {‘на трън задоен’, ‘value_eng’: ‘thorn’}, {‘key’: ‘като на тръни (сedia)’, ‘value_eng’: ‘like on thorns (sitting)’}, {‘key’: ‘вършея тръне на главата’, ‘value_eng’: ‘thorn’}, {‘key’: ‘като трън в петата ми е <, <value_eng’: ‘like a thorn in my heel is’}, {‘key’: ‘трън съм в очите на някого’, ‘value_eng’: ‘I am in the eyes of someone’}, {‘key’: ‘с трън да влачиш, нищо не можеш да закачиш’, ‘value_eng’: ‘with a thorn to drag, you can’t hang anything’}, {‘key’: ‘от трън та на глог (че е по-висок)’, ‘value_eng’: ‘from the thorn of hawthorn (that is higher)’}, {‘key’: ‘давам трънка’, ‘value’: ‘’, ‘value_eng’: ‘thrash’}, {‘key’: ‘не се знае от коя трънка ще изскочи заекът’, ‘value_eng’: ‘It is not known which thorn the rabbit will pop up from’}, {‘key’: ‘трънлив венец’, <value_eng’: ‘thorny wreath’}, {‘key’: ‘трънлив път’, ‘value_eng’: ‘thorny road’}. Легко заметить, что при переводе предложены не эквиваленты или объяснения, а в подавляющем большинстве калька. По другим ФЕ с фитонимами картина сходная. Например, перевод на французский язык болгарского (реального) ФЕ «продавам краставици някому (не ми продавай краставици, кому ги продаваш тия краставици)» (просьба не врать, ср. рус. *Не заливай! Кому ты это рассказываешь, так я и поверил!*) выглядит как «Je vends des concombres à quelqu’un (ne me vend pas de concombres, qui les vendent ces concombres)», хотя надо было бы перевести «*raconter des salades* — рассказывать салат». В болгарском языке есть выражение «криви дърва» — недостатки. «КРИВИ ДЪРВА, имам (нямam). Недостатъци, лоши черти (имам, нямam)». Перевод онлайн привел к таким результатам: «имам криви дърва»: «J’ai du bois tordu». Отметим, что фр. *tordu* нагружено значениями пьянства, сумасбродства, чокнутости, англ. «I have crooked wood». Болгарский реальный фразеологизм «оправям кривите дърва» (выправлять положение, расхлебывать чужую кашу): переведен фр. *tacle* (не словосочетанием вообще!) и англ. «I fix the crooked wood». ФЕ «стоваря кривите дърва върху някого» (рус. переключать свои проблемы на чужие плечи) — фр. «Errant le bois incurvé sur quelqu’un», англ. «I drop the crooked wood on someone». Эксперимент показал, что «кривые деревья» есть у всех нейросетей, не только у переводчика Google. Калькирование при

онлайн-переводе фразеологии не учитывает колорит и лингвокультурологические нюансы. Метафора, сокрытая в ФЕ, не функционирует. Например: болг. «*в гора е расъл, трева е пасъл*» — о невеже, дикаре, далеко от цивилизации и культуры (вероятно, поговорка сформировалась еще во времена Османской империи) переведено ИИ как фр. «*Dans la forêt, l'herbe est un pâturage*» — букв. «в лесу трава является выпасом, пастбищем» и англ. «*He grew up in the forest, grazing grass*». Английский вариант ближе к исходному. Болг. ФЕ «*ще ядеш дърво!*» (угроза избить того, к кому обращено высказывание) калькируется на французский — «*Vous mangerez un arbre!*» — и на английский «*You will eat wood!*» В переводе на французский тому, к кому обращена угроза (обращение на Вы!), придется есть растущее дерево, а в английском варианте дрова.

Еще сложнее ситуация в исторически окрашенных контекстах: например, болг. «*хвана гората*» (фр. калька «*attrapé la forêt*», на английский калькировано «*I caught the forest*», с изменением временной формы глагола). При переводе нейросеть выбрала кальку для глагола *схватить* — *хвана* — *attrapé* — *caught*. Но контексты, «скормленные» сети, вероятнее всего, не учитывали литературу времен национального Возрождения Болгарии и посвященную этому периоду. Фразеологизм «*хвана гора*» относится к гайдукам, повстанцам, партизанам, которые уходили в лес, чтобы сражаться с османскими властями (позже с фашистами). Калька не дает возможности даже предположить этот контекст.

Любопытный пример межязыковой контаминации фразеологизмов касался фитонима «дуб»: «*Под крилото на дъба*. — *Под закрилата на силен човек*». Буквально: «Под крылом дуба — Под защитой сильного человека». ИИ родил безусловно яркую метафору — «крылатый дуб». Мы можем предположить, что контаминация контекстов произошла приблизительно по такой схеме: «*под крылом кого-н.*» + «*сильный, как дуб*», возможно, они взяты из русских или французских источников, так как представления, связанные с понятием «дерево» вообще и с наименованием отдельных видов (*дуб, бук, осина* и др.), в рассматриваемых языках существенно отличаются. Например, совпадает устойчивая ассоциация с крепостью дубовой древесины, что фиксируется во ФЕ: фр. *fort comme un chêne* и рус. *крепкий как дуб* вполне эквивалентны. В то же время англ. *heart of oak* — удалец, болг. *стоя като дъб* — ср. рус. *молчать как рыба* и ряд др. имеют национальный колорит. В ряде ФЕ фиксируется

вторичное использование фитонима в переносном значении: англ. *sport one's oak* (для запрета входить): изначально фитоним, «дуб» при метонимическом переносе в данном случае означает *дверь*, любую, не только дубовую. Е. Недкова обращает внимание на то, что в болгарском языке дендронимы «бук» и «дуб» имеют преимущественно негативную коннотацию из-за идентификации с деревом вообще: «дървото изобщо (ср. букова = дървена глава), което в българското езиково съзнание има в повечето случаи отрицателен знак (криво дърво 'опак човек'; стоя като дърво; мълча като дърво = стоя като дъб; мълча като дъб; под. мълча като пън (дървник) и т. н.). От друга страна, такова идентифициране може да се дължи на по-късното влияние на християнската религия, според която Дървото на познанието се превръща в източник на злото (респективно на глупостта)» [Недкова 2008: 72]. То есть псевдо-ФЕ «под крилото на дъба» однозначно не болгарского происхождения, и коннотация изменилась на противоположную относительно традиционной для болгарского менталитета. Зная о пристрастиях студентов к генерации текстов, мы можем в обозримом будущем существенно пополнить коллекцию квазинеологизмов и псевдо-ФЕ, рожденных нейросетью.

На одном из шагов эксперимента мы попросили нейросеть объяснить значение ФЕ (реальных и из сгенерированных списков). Приводим пример толкования на французском языке реального болгарского фразеологизма «*мълча като дъб*» (пунктуация нейросети, знак ** возникает при копировании ответа):

1. **Dans une réunion sérieuse**:

— **"Lors de la réunion, tout le monde discutait bruyamment des problèmes, mais moi, je suis resté assis, je suis silencieux comme un chêne."*

— **Situation**:

Cela peut décrire une personne qui choisit de ne pas intervenir dans une discussion animée, préférant écouter plutôt que de parler.

2. **En méditation**:

— **"Pendant ma séance de méditation, j'ai essayé de vider mon esprit et je me suis senti silencieux comme un chêne."*

— **Situation**:

Ici, l'expression souligne un état de calme intérieur et de paix, où la personne se sent immobile et silencieuse, semblable à un arbre majestueux.

3. **Dans un contexte d'observation**:

— ******“En regardant le coucher du soleil, j’étais silencieux comme un chêne, absorbé par la beauté du moment.”*****

— ****Situation****: Dans ce cas, l’expression reflète une contemplation silencieuse et profonde, où la personne est tellement captivée par la scène qu’elle ne ressent pas le besoin de parler.

4. ****Face à une situation difficile****:

— ******“Quand j’ai appris la nouvelle, j’étais silencieux comme un chêne, prenant le temps de digérer l’information.”*****

— ****Situation****: Cela peut décrire une réaction à une nouvelle choquante ou triste où l’on reste figé dans le silence pour mieux comprendre ses émotions.

Несмотря на то, что для перевода на французский язык сеть предпочла опустить реально существующее во французском языке сравнение с дубом как символом мощи, крепости, ситуации для использования данного ФЕ она предлагает весьма бодро. Обратим внимание на то, что ИИ (в данном случае Perplexity) предложил четыре сценария, где можно применить это словосочетание: тяжелая ситуация, медитация, созерцание заката и ступор, когда непонятно, как реагировать. Возможно, четвертый вариант частично подходит к русскому ФЕ «*молчать как дуб*», но ни один из них не близок болгарскому «*мълча като дъб*» (ср. русск. «*молчать как пень*» о человеке, из которого слова не вытянешь). И совершенно точно, что варианты с медитацией и созерцанием заката — ошибочные «толкования». Если мы переведем на русский язык третий пункт этого «объяснения» («*Созерцаая закат солнца, я был молчалив как дуб, упиваясь красотой момента*»), скорее всего, мы будем смеяться и даже поаплодируем шутнику. Но если вы французский студент, не знающий болгарского, «галлюцинации» ИИ могут стать вашими, искажая ваше ментальное пространство.

Выше мы упомянули перевод нейросетью реальных ИИ, но в ходе эксперимента предприняли попытки перевода и сгенерированных. При этом проблема (калькирование и опущение компонентов) усугубляется. Неопознанное «*граматиково трънче*» вырастает при автоматическом переводе в «*Грамматика Торн*», сохраняя свое значение. Появляется «*Мягкий орех. — У нас сложная проблема*», «*Топола родила чудеса. — Невозможная вещь*». В трех приведенных примерах часть ошибок явно возникла при захвате английского словарного соответствия, неверно интерпретированного при последующем переводе. Перевод нередко осуществляется в больших

языковых моделях через посредника — английский язык (с целью экономии токенов). Эту тайну ИИ выдал, предложив вариант «Сухое дерево. — *Life и слабый*».

Как в анекдоте про студента, у которого ответ на любой вопрос замыкается на рассказ о блохе (единственный билет, который он выучил), нейросеть может хитрить, сводя все к климатической повестке. Мы попросили объяснить болг. ФЕ «*гори тилилейски*» — *дремучие леса* (см. также «*в гори тилилейски*» — *за тридевять земель и т. п.*). ИИ сделал кальку на фр. — «Forêts de Tililean», и мы попросили на русском языке объяснить, что это значит. Цитируем ИИ (знаки ### и ** возникают при копировании из ответа сети в файл документа, остальная пунктуация за авторством ИИ):

«Словосочетание «Forêts de Tililean» не имеет четкого значения в известных источниках, и, вероятно, оно связано с определенной культурной или литературной концепцией. Однако, если рассматривать его в контексте лесов и их значимости, можно выделить несколько ключевых аспектов.

Значение слов

1. **Forêts**:

— **Перевод**:

— **Контекст**:

2. **Tililean**:

— **Перевод**:

Объяснение ситуации

Если рассматривать «Forêts de Tililean» как метафору или концепцию, можно предположить, что это может быть связано с идеей о важности лесов для жизни на планете. Леса обеспечивают множество экосистемных услуг, таких как:

- **Сохранение биоразнообразия**:

- ****Регулирование климата****: Деревья поглощают углекислый газ и выделяют кислород, что помогает в борьбе с изменением климата.
- ****Обеспечение ресурсов****: Леса предоставляют древесину, пищу, лекарства и другие ресурсы.

В контексте обсуждения лесов важно учитывать также влияние человеческой деятельности на эти экосистемы. Например, вырубка лесов для сельского хозяйства или промышленности может привести к утрате биоразнообразия и ухудшению качества жизни местных сообществ.

Таким образом, «Forêts de Tililean» может быть использовано для обозначения идеи о том, как леса важны не только для природы, но и для людей, которые зависят от них для своего существования и благополучия.

Citations:

[1] https://www.wrm.org.uy/fr/files/2011/11/Definition_du_Forets.pdf

Цитата заканчивается ссылкой, которую нейросеть предложила в качестве обоснования своей позиции. На самом деле ФЕ «гори тилилейски» восходит к названию сборника сказок известного болгарского писателя начала XX в. Елина Пелина, и информацию об этом довольно легко найти даже путем обычного гугл-поиска.

Современные нейросети часто обучаются на основе данных, сгенерированных нейросетями же. Таким образом, можно ожидать, что «мягкие орехи» и «Forêts de Tililean» скоро пополнят многие диссертации и фразеологические словари.

Нейросеть частично знает и паремиологический минимум (мы брали отдельные примеры из [Тетради паремиографа 2023: 10], но начинает список одними и теми же пословицами, обрывая их обычно после 20. Эксперимент в этом направлении был начат, но пока не привел к результатам, достойным описания.

Подводя промежуточные итоги эксперимента по обработке фразеологии ИИ в условиях недостаточного количества входных данных с учетом особенностей объекта исследования (метафоры, культурная специфика и пр.), отметим:

1. Исследование болгарской фразеологии с фитонимами на фоне других языков (даже без применения ИИ) перспективно по ряду причин, поскольку оно:

а) позволяет четче очертить концептуальные отличия при метафоризации понятий в разных языках и их зависимость от культурных, исторических, географических особенностей региона (то есть влияние неязыковых факторов);

б) расширяет представления о многообразии метафорических переносов, в том числе вторичных;

с) обращает внимание на трудности перевода фразеологии;

д) вносит терминологические уточнения относительно статуса фитонима, если он перестал вследствие метафорического переноса обозначать растение или его часть.

2. Метафорическая основа, экспрессивность, образность и афористичность ФЕ и паремий (см. [Русская языковая картина мира 2022: 90–99]) делают эти элементы лексического фонда языка интересным материалом для обучения нейросетей, так как имитировать ментальное пространство того или иного народа ИИ пока (к счастью) не умеет.

3. Представляется перспективным продолжить сопоставительные эксперименты по составлению баз ФЕ и паремий в нескольких направлениях:

а) пополнение знаний нейросетей реально существующими единицами;

б) составление коллекций из сгенерированных ИИ квазифразеологизмов;

с) использование анализа больших данных для составления корпусов ФЕ и паремий с указанием их источников (по типу конкордансов к произведениям писателей).

Литература

Кошелев А. К., Леонидова М. А. Болгарско-русский фразеологический словарь. Москва; София, 1974.

Мишина Н. В. Этнокультурная специфика фразеологизмов с фитонимами // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. 2021. № 1. С. 129.

Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В. и др. Термины и понятия искусственного интеллекта в лингвистическом освещении: Монография / А. С. Мусаева, Ю. В. Сложеникина, Л. М. Гареева, Т. В. Манджиева, Е. В. Тишина, Б. Ф. Цховребова, С. П. Черкашина, А. Д. Экономова. М., 2024. 193 с.

Недкова Е. За познавателния потенциал на българските фразеологизми с лексикални компоненти фитоними // Научни трудове на Русенския Университет. 2008. Т. 47, серия 5.3. URL: <https://conf.uni-ruse.bg/bg/docs/cp/5.3/5.3-12.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).

Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков): коллективная монография / под ред. М. Ю. Котовой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. С. 90–99.

Седых А. П., Бондарева М. М. Фитонимическая фразеология и национальный дискурс. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5 (83). Ч. 1. С. 155–159. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.33> (дата обращения: 11.01.2025).

Сморodin Е. В., Комашинская Т. С. Компьютерная лингвистика и искусственный интеллект // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности. Материалы II Международной научно-практической конференции молодых ученых. Комсомольск-на-Амуре, 2023. С. 77–79.

Тетради паремииографа. Выпуск 8: М. Ю. Котова, Н. Е. Боева, О. В. Гусева, В. В. Мушинская, О. В. Раина, О. С. Сергиенко. Паремииологический минимум русских пословиц 2022 года: Учебно-методическое пособие для студентов / под редакцией М. Ю. Котовой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. 560 с.

AI: A FALSE FRIEND TO PHRASEOLOGY? EXPLORING CHALLENGES IN AI-BASED PROCESSING OF COLLOCATIONS (A COMPARATIVE STUDY OF BULGARIAN, RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH)

Natalia V. Sivenkova

Abstract. The article details the results of experiments involving generative AI models across various types. These experiments were conducted to identify weaknesses in the interpretation of idiomatic expressions. Some problems have been found that should be supervised by AI developers. Specifically, this includes problems with translating and interpreting material from Slavic languages (partly due

to translation through English), instances of the models generating non-existent idiomatic expressions (“hallucinations”), and inaccurate interpretation of existing idioms. The widespread use of generative models without considering the limitations arising from the metaphorical nature of idioms could lead to the creation of unreliable quasi-scientific knowledge. The author argues that this matter requires careful consideration.

Keywords: phraseology, artificial intelligence, slavistics, translation, comparative linguistics

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПАМЯТИ ИРИНЫ МАКАРОВНЫ ПОРОЧКИНОЙ: К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

«В ХРАМЕ ДОБРА И БРАТСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ». К 70-ЛЕТИЮ ВЫХОДА КНИГИ «ПОЭЗИЯ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН»

Т. Н. Иванова-Шелингер

*Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

tatiana-szelinger@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена юбилею книги, которая стала одной из важных вех в знакомстве российского читателя с творчеством западных и южных славян. Антологии такого объема до выхода данной книги не было, и ее публикация позволила объединить усилия начинающих и маститых поэтов-переводчиков и показать разнообразие стилей и тем поэтов из Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Сербии, Хорватии и Словении. Автор статьи прослеживает детали, касающиеся самой книги, дает частичный анализ опубликованных произведений и описывает литературную и личную судьбу И. М. Порочкиной, переводчика, ученого, преподавателя университета, а также ее супруга — поэта, писателя и переводчика И. В. Иванова (псевдоним Игорь Инов), которым принадлежал замысел издания и значительный вклад в его осуществление.

Ключевые слова: поэзия, славяне, переводы, романтизм, Э. Ожешко, Вс. Рождественский, И. В. Иванов (Игорь Инов), И. М. Порочкина

Книга, которой посвящена статья, «Поэзия западных и южных славян» [Поэзия западных и южных славян 1955] стала весьма заметной вехой в истории знакомства российского и советского читателя с творчеством славянских поэтов Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Сербии, Хорватии и Словении. Шел 1954 г. Интерес к славянской теме, который существовал всегда, после Второй мировой войны еще усилился. Еще в 1944 г. в четырех университетах Советского Союза — Ленинградском, Московском, Киевском и Львовском — были созданы специализированные славянские отделения.

Ирина Макаровна Порочкина была одной из первых выпускниц славянского отделения Ленинградского университета, окончила его в 1950 г. Дипломная работа ее была посвящена поэзии Яна Неруды, и какое-то время после окончания университета она работала в Словарном кабинете у Б. А. Ларина, который привил ей особое умение работать с источниками и выписками¹. Несколько позже, в связи с тем, что активно готовились кадры для кафедры славянской филологии и богемистов было совсем мало, она как лучшая выпускница была направлена в Прагу, где целый год училась в Карловом университете под руководством Яна Мукаржовского, специалиста по поэтике, члена Пражского лингвистического кружка. В результате еще больше укрепился интерес Ирины к

изучению поэзии, и, возможно, именно в тот период появились первые идеи по созданию сборника. Научным руководителем Ирины Макаровны в России был Сергей Сергеевич Советов, доцент кафедры славянской филологии.

Вернувшись из Праги, Ирина Макаровна, начинающий преподаватель, получила выпускной курс славистов и там встретила своего будущего мужа — Игоря Иванова (впоследствии писал под псевдонимом Игорь Инов), уже известного на факультете своими стихами и переводами, которые он представлял собравшимся на заседаниях СНО (Студенческого научного общества). Надо сказать, что Игорь Владимирович родился в Симферополе, так как его отец, военный моряк, был направлен из Ленинграда на Черноморский флот. Игорь провел детство и юность в Крыму, потом семья переместилась в Грузию, и уже оттуда юноша приехал поступать. Его ранние стихи отражают и сложности привыкания к новому климату, некоторую неуверенность в своих знаниях, учебу в университете и при этом поражают какой-то свежестью восприятия, яркой образностью.

*...Восемнадцать! Разлад. Простота. Худоба.
В коридорах филфака петляет судьба...
Дождь по серой булыге
Кропал черновик до утра,
Я едва не заплакал, едва не удрал.
Нет! Привыкну, привыкну к негромким*

тонам,

¹ Л. Я Бударagina отмечает, насколько важна была для Ирины Макаровны работа с первоисточниками и проверка сведений [Ежегодник Общества братьев Чапек 2015: 3].

*буду медленно-медленно просыпаться,
подбираться к несметным бессмертным
томам
со своим неказистым бродяжьем запасцем.
Полюблю эти улицы пепельно-серые
И застряну навек между югом и севером*
[Инов 1980].

Весной 1954 г. Игорю 23, он оканчивает университет и женится на Ирине. Так возникает молодая семья и творческий союз, который длился почти пятьдесят лет, до самой кончины Игоря Владимировича. Это была любовь, преданность и совместное служение общему делу, настоящее слияние душ. Молодые супруги составляют раздел чешской и словацкой поэзии и одновременно заинтересовывают идеей переводов из славянской поэзии целый ряд людей, прежде всего С. С. Советова, который становится научным редактором книги и автором ряда переводов, Г. И. Сафронова, который вместе с Г. Зайцевым составляет раздел сербско-хорватско-словенской поэзии, В. Б. Оболевича (польская поэзия) и А. В. Хватова (болгарская поэзия), а также замечательного ленинградского-петербургского поэта Всеволода Рождественского, который согласился стать литературным редактором переводов. Надо сказать, что Всеволод Александрович, известный литератор, истинный ленинградец и петербуржец, родился в 1895 г. в Царском Селе (ныне г. Пушкин) и учился в Царскосельской гимназии. В 1920 г. принадлежал к младшим акмеистам, был зачислен в Третий «Цех поэтов», которым руководил Н. Гумилев, и продолжал его экзотические темы в поэзии в тот период. Затем он стал журналистом, был военным корреспондентом, участвовал в освобождении Ленинграда. И не случайно именно его пригласили выступать в 1948 г. на открытии Екатерининского парка. Ирина Макаровна и Игорь Владимирович читали и любили его поэзию и переводы и, конечно, не случайно обратились именно к нему как к автору многих поэтических строк о Пушкине и о Царском Селе.

*О святылище муз! По аллеям к пруду,
Погруженному в сумрак столетий,
Вновь я пушкинским парком, как в детстве, иду,
Над водой с отраженьем Мечети.
И гостят, как бывало, в Лицейском саду
Светлогрудые птички и дети*

[Рождественский].

Игорь Владимирович вспоминал о первом визите к Всеволоду Александровичу:

«Волнуясь и подбадривая себя мыслью о сотнях уже переведенных мною строк, поднялся я вместе с женой Ириной, составлявшей чешский и словацкий разделы антологии, на пятый этаж. Дверь открыл Всеволод Александрович. Высокий. Сухощавый. Корректный. <...> “Кстати, очень рекомендовал бы <...> включить в сборник уже опубликованные переводы известных поэтов и привлечь к работе некоторых ленинградских профессионалов”. При этом он назвал два-три имени. Своей рекомендацией Всеволод Александрович, по-видимому, надеялся уравновесить несовершенства наших переводческих дебютов, — о них он деликатно умолчал, но мы его деликатность и правоту оценили в тот раз не вполне. Учесть кое-что из опубликованного мы не отказывались, но против участия в антологии “профессионалов”, не знающих славянских языков, запальчиво возражали. Переводы с подстрочников представлялись нам, “специалистам”, чем-то прямо святотатственным» [Инов 1986].

В конечном варианте антология оказалось многоголосой. В ней есть классические переводы прошлого, выполненные А. С. Пушкиным, Е. Полонской, Н. Гербелем, Г. Кржижановским, представлены голоса уже известных и маститых переводчиков: Вс. Рождественского, Л. Мартынова, С. Советова, Б. Тимофеева, М. Зенкевича, А. Суркова. Но и голоса молодых прозвучали разнообразно, ярко и мощно: И. В. Иванов (литературный псевдоним Инов появился позже), О. Н. Шестинский, С. П. Свяцкий, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев, Л. С. Друскин, О. М. Малевич, В. А. Каменская, многие из них, как и Игорь Владимирович, недавние выпускники университета, публиковались впервые.

Автор предисловия К. Н. Державин был профессором кафедры зарубежных литератур, хорошо известным в научных кругах [Филологический факультет 2002].

Книга была сдана в печать в декабре 1954 г., то есть в юбилейный пушкинский год. Исполнилось 155 лет со дня рождения поэта, и многие издания были посвящены его памяти. Пушкин и его поэзия всегда вызывали самые теплые чувства у разных славянских народов. В архиве Ирины Макаровны и Игоря Владимировича хранятся выписки из материалов, посвященные созданию книги. Сохранились заметки Игоря Владимировича Инова о том, как представители культуры разных славянских стран поздравляли культурную

общественность России в связи с другим юбилеем Пушкина в конце XIX ст.

В их записках: *«в славянские благотворительные общества, располагавшиеся в Санкт-Петербурге, Киеве и Одессе и принимавшие активное участие в организации торжественных мероприятий, приходили поздравительные телеграммы от всех неравнодушных из Белграда, Праги, Варшавы, Кракова, Парижа, Лондона и прочих европейских столиц. Среди отправителей были как простые граждане, так и известные личности. Содержания их имели схожий смысл: “Великая Школа Королевства Сербского, присоединяясь к празднику братского народа русского, преклоняется перед гением того, кто дал России поэзию как искусство, как художество, кто чувства добрые пробуждал, и восславил в свой жестокий век свободу, и милость к падшим призывал! Ректор Стаменкович”. “Из Вены. Одних с вами происхождения и Веры, мы счастливы, что можем поздравить вас с вашим торжеством в честь великого Славянского героя. Дай Боже славянскому миру еще много таких героев, которых труды да послужат ко благу всех нас. Чешская Православная община”»².*

Элиза Ожешко, знаменитая писательница, которую считают польской в Польше и белорусской в Беларуси, телеграфировала в Петербург устроителям юбилея А. С. Пушкина: «...чтоб мы все могли бы, идя по стопам наших великих поэтов и мыслителей и осуществляя их мечты, воздвигнуть им алтарь в храме добра и братства между людьми» (из архива И. В. Инова и И. М. Порочкиной). Этот тезис лежал в основе всего издания и всей дальнейшей деятельности семейного дуэта.

В книге пять разделов, и каждому поэту предпослана соответствующая справка. К сожалению, составитель справок не указан, но думаю, что эти справки были инициативой Ирины Макаровны Порочкиной, которая всегда отстаивала необходимость рассказа и пояснения, просветительской информации, и, возможно, именно она их писала, так как уже читала тогда курс литературы.

Целый ряд поэтов, переводы из которых были включены в сборник, принадлежали к направлению романтизма. Они как будто вели переключку с Пушкиным, писали о свободе, о несправедливости тиранов, о прекрасной деревенской природе, дружбе и любви. Помимо романтиков в книгу включены были так называемые рабочие

² К сожалению, в архиве эти материалы присутствуют без какой-либо атрибуции, но показалось интересным их представить.

поэты конца XIX — начала XX ст. Это было важно еще и как воспитательная характеристика издания. Шутка ли: книга для молодежи (на обороте титула значится для среднего и старшего возраста) выходит тиражом 10 000 экземпляров! Для поэтического издания это очень солидная цифра.

Еще один интересный факт — сборник раскрывал близость славянских народов и их культур, и поэтому в нем стихи многих авторов, побывавших в России и писавших о России. Например, в разделе польской поэзии — это Людвиг Кондратович и Адам Мицкевич, которого высоко ценил А. С. Пушкин, ставивший польского поэта выше себя и считавший его гением. Подборка стихов Мицкевича открывается стихотворением «Русским друзьям» в переводе И. В. Иванова и Л. С. Друскина.

*Если на Север, друзья, из далекого края
Грустные песни мои до сердец дорогих долетят
Над ледяными просторами крылья свои расправляя, —
Пусть, как весну журавли, вам свободу они возвестят!*

[Поэзия западных и южных славян 1955: 64]

Чешский раздел, составителем которого была Ирина Макаровна, не менее интересен, чем польский, в него включено стихотворение Йозефа Каэтана Тыла «Где край родной?», ставшее гимном Чешской Республики. Его переводили И. В. Иванов и О. М. Малевич. Перевод «Тирольских Элегий» Карела Гавличека-Боровского, одного из первых «будителей» в чешской истории, также побывавшего в России и переводившего Гоголя, был выполнен Игорем Владимировичем, как и перевод эпиграмм Боровского. Следует отметить, что «Тирольские элегии» переведены мастерски, легко, сочно, с полным соблюдением ритма оригинала. В этом разделе большое количество переводов И. В. Иванова (Игоря Инова), как и в разделе словацкой поэзии, который Ирина Макаровна и Игорь Владимирович составляли вместе: «Россия» Святоплука Чеха (отрывок из незаконченной поэмы), переводы Яна Неруды, Карела Гинека Махи, Карела Яромира Эрбена, «О светлый мир!» П. О. Гвездослава. Замечательные имена и замечательные переводы!³

³ В данной статье более подробно разбираются разделы, которые имели отношение к Ирине Макаровне Порочкиной и Игорю Инову. Анализ других разделов, безусловно, не менее ценных, может стать материалом отдельной работы.

Весь период подготовки книги семья ждала первенца. Книга была подписана в печать в апреле 1955 г., а незадолго до этого, 19 марта 1955 г., в молодой семье родился сын Саша⁴.

Думаю, можно догадаться, что Ирине Макаровне подготовка книги параллельно с первой беременностью в 30 лет, а потом и родами, давалась совсем нелегко, но эта ситуация полностью раскрывает ее характер, упорство в достижении цели, любовь к своему делу и веру в то, что это дело просто необходимо сделать.

Получены авторские экземпляры были в июле, и гордый начинающий переводчик Игорь Владимирович вкладывает в один из экземпляров следующее посвящение Ирине Макаровне, наполненное добротой и нежностью:

*«Моему чудному дорогому соавтору по книге и жизни от
искренне неудовлетворенного, хорошо понимающего просчеты
первой большой работы
и тем не менее обрадованного крупными подлинной поэзии
и бесконечно влюбленного
в соавтора и в наше общее дело Игоря Иванова. Пусть, родная,
эта книга станет нашим вторым маленьким!»*

4/VII-1955г.

Ленинград

Книга была встречена очень хорошо, а желание пробудить «чувства добрые» у российской читательской аудитории, познакомить российскую общественность с творчеством славян, прежде всего чехов и словаков, а также представить творчество российских писателей и поэтов чешской и словацкой читающей публике стало путеводной звездой Ирины Макаровны и Игоря Владимировича, превратилось в своеобразное служение в храме добра и братства между людьми и народами, того самого, о котором писала Ожешко. При этом они не просто искали тексты для переводов, они путешествовали и старались увидеть многое своими глазами. Наступила хрущевская оттепель, и стали открываться новые возможности для поездок, контактов, переписки. Они находили новых авторов, привозили из Чехии новые книги для перевода, не только переводили и публиковали сами книги, но не упускали возможность выступить с лекцией, напечатать заметку в Литературных календарях и т. д.

⁴ Этот год юбилейный не только для книги, которой посвящена статья. Ирине Макаровне в 2025 г. исполнилось бы 100 лет, Игорю Владимировичу 95, их сыну Саше, ровеснику книги, было бы 70. Но судьба распорядилась иначе.

В течение ряда лет ездили в Ясную Поляну, не как туристы, а работали там в архивах, находили документы, большая часть результатов этих исканий были использованы позднее в монографии И. М. Порочкиной «Л. Н. Толстой и славянские народы» и последней подготовленной ею книге «Ясная Поляна: Неизвестные страницы», где она была составителем и автором вступительной статьи и впервые перевела на русский язык статью Карела Велеминского о Толстовских торжествах 1928 г. [Велеминский 2013; Порочкина 2013].

Игорь Владимирович продолжал дело поэтического перевода, переводил В. Незвала, Ф. Грубина, В. Заваду, Я. Сейферта, пьесы и прозу, а в его собственных стихах оживали улицы и образы Праги, природа Словакии и Карпат. Свои стихи он писал постоянно, иногда идея так захватывала его, что писал на первых попавшихся листах бумаги, иногда поверх каких-то напечатанных на машинке черновиков, просто на клочках бумаги.

Второй музой после Евтерпы для него несомненно стала Мельпомена. Увлечение Игоря Владимировича историей театра, переписка с чешскими театральными деятелями, созданные им переводы пьес П. Когоута, К. Чапек и других драматургов и, наконец, книга «Ян Верих» об Освобожденном театре и его создателях открывали русскому читателю и театральному зрителю новые и новые страницы творчества чешских авторов. Судьба книги о Верихе удивительна. Она вышла в 1971 г., но тираж почти сразу был уничтожен по политическим соображениям [Иванов 1971]. Потом, уже в новой Чехословакии, а затем Чехии она была переведена, выдержала два издания и неоднократную трансляцию отрывков по радио.

В 1994 г. супруги стали инициаторами создания в Петербурге Общества братьев Чапек. Идея появилась в Праге, когда их знакомые литераторы пригласили их на заседание Пражского общества братьев Чапек. Однако идея Инова и Порочкиной была значительно объемнее, не только изучение наследия и последователей братьев Чапек, а самый широкий круг тем, посвященных чешской культуре. Их мечтой было создать центр славянской культуры, а когда оказалось, что такой центр уже есть в Москве, и второй посчитали неоправданным, идея трансформировалась в создание общества и была осуществлена в 1995 г. вместе с О. М. Малевичем и В. А. Каменской при поддержке консульства Чехии. Общество занималось и занимается чешско-русскими и словацко-русскими культурными

связями. В 2003 г. супруги стали первыми в истории россиянами, которые были награждены Почетной наградой «Gratias Agit» за вклад в распространение знаний о чешской культуре. В том же 2003 г. благодаря их стараниям во дворе филологического факультета появился бюст Т. Г. Масарика и вышла монография «Чехи в Петербурге» [Порочкина, Инов 2003].

К сожалению, Игорь Владимирович умер в июле 2003 г. и не смог получить награду, не увидел ни памятника, ни книги. Ирина Макаровна пережила его на 11 лет и продолжала дело, которому они посвятили всю свою жизнь.

Литература

Велеминский К. Толстовские торжества 1928 г. / публикация и перевод И. М. Порочкиной // Ясная Поляна. Неизвестные страницы. СПб., 2013. С. 279–285.

Ежегодник Общества братьев Чапек, вып. 14. СПб.: Изд-во «Глобус», 2015. 95 с.

Иванов И. В. Ян Верих. М.: Искусство, 1971.

Инов И. По кромке августа. Л.: Лениздат, 1980. С. 67.

Инов И. О Всеволоде Рождественском. Воспоминания. Письма. Документы. Л., 1986. С. 289–290.

Порочкина И. М. Забытые откровения Ясной Поляны // Ясная Поляна. Неизвестные страницы. СПб., 2013. С. 5–30.

Порочкина И. М., Инов И. В. Чехи в Петербурге. СПб., 2003.

Поэзия западных и южных славян. Л.: Детгиз, 1955. 502 с.

Рождественский В. С. Если не пил ты в детстве студеной воды // Библиотека русской поэзии. Стихотворения Всеволода Рождественского. URL: <https://libverse.ru/rozhdestvenskii/yesli-ne-pil-tu-v-detstve-stydionnui-vodu.html> (дата обращения: 31.07.2025).

Филологический факультет. СПб., 2002.

**“IN THE TEMPLE OF KINDNESS AND FRATERNITY OF PEOPLE...”
70 YEARS OF THE PUBLICATION OF “THE POETRY OF WESTERN
AND SOUTHERN SLAVIC NATIONS”**

Tatiana N. Ivanova-Szelinger

Abstract. The article is devoted to the jubilee of the book, which became an important step in the introduction of the poetry of Western and Southern Slavs to the Russian readers. The book became the first big and serious anthology of the kind and its publication was a joint effort of both mature and inexperienced poets and translators that helped to reveal a variety of themes and styles of poets from Poland, Czech Republic, Slovakia, Bulgaria, Serbia, Croatia and Slovenia. The author provides the details of the publication, analyses the contents and describes the personality and activities of Irina Porochkina, a scholar, translator and university professor as well as those of her husband and colleague I. V. Ivanov (Igor Inov). Together they introduced the idea of the anthology and contributed a lot of effort in the publication.

Keywords: poetry, Slavic nations, translations, romanticism, Eliza Orzeszkowa, Vsevolod Rozhdestvensky, I. V. Ivanov (Igor Inov), I. M. Porochkina

**ИРИНА МАКАРОВНА ПОРОЧКИНА — УЧЕНЫЙ,
ПЕДАГОГ, ПЕРЕВОДЧИК, ПРОСВЕТИТЕЛЬ.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Т. Н. Иванова-Шелингер

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
tatiana-szelinger@yandex.ru*

Н. В. Шварц

*Российское общество Достоевского
Санкт-Петербург, Россия
nshwartz@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена выдающейся советской и российской богемистке И. М. Порочкиной, университетскому преподавателю, переводчику, исследователю творчества Л. Н. Толстого и Т. Г. Масарика. И. М. Порочкиной в этом году исполнилось бы 100 лет. Ее биография и ее творческая деятельность описываются на фоне истории кафедры славянской филологии СПбГУ и истории межкультурного взаимодействия со славянскими странами, включены отрывки ее воспоминаний из семейного архива Инова — Порочкиной, а также воспоминаний родных, друзей и коллег. Особое внимание уделено личному вкладу ученого в просветительскую деятельность и представление русской культуры в Чехии и других славянских странах и чешской культуры в России.

Ключевые слова: богемистика, кафедра славянской филологии СПбГУ, Пражский лингвистический кружок, Л. Н. Толстой, Т. Г. Масарик, Я. А. Коменский, переводы с чешского и словацкого

Ирина Макаровна Порочкина — истинная петербурженка, которая отдала университету более шестидесяти лет творчества и педагогического таланта, энергии и эрудиции. Только представьте себе, сколько поколений студентов она выпустила за эти годы, сколько

проверила работ и скольких вдохновила на научную или педагогическую деятельность.

Игорь Владимирович Инов, ее муж и соавтор ряда публикаций, выпускник чешского отделения, тоже был ее учеником, хотя разница в возрасте была всего пять лет. Мы уверены, что именно ее такт и педагогический талант стали самой лучшей поддержкой юного начинающего поэта и писателя¹.

Она ушла от нас чуть больше десяти лет тому назад, но многое из того, что было начато ею, написано ею, переведено и рассказано, продолжает служить людям и помогает представить ее живой, как будто ощущать ее с нами. В воспоминаниях о ней, опубликованных в четырнадцатом номере «Ежегодника Общества братьев Чапек», ее вспоминают коллеги, друзья, ученики. Причем иногда это одни и те же люди. Л. Я. Бударагина² пишет, что Ирина Макаровна *«притягивала, и к ней тянулись интересные люди. Сама великая труженица, она, с ее эрудицией, прекрасной памятью, советовала, помогала в поиске сведений, поддерживала разного рода начинания»* [Памяти... 2015: 4].

Авторы данной статьи не просто знали Ирину Макаровну по работе. Для одного из авторов она была свекровью, а для другого близким другом, но в то же время и в том, и в другом случае она была коллегой, ученым и творческим человеком, к идеям которого прислушивались, с которым постоянно взаимодействовали по научным поводам, у которого учились. А у нее всегда были новые темы для исследования, которыми она моментально умела заинтересовать. Например, тема научного наследия Я. А. Коменского, с которой она познакомила целый ряд специалистов и тем самым подтолкнула их к созданию целого научного направления.

В составе Санкт-Петербургского союза ученых уже 10 лет существует комениологическая секция, которая каждый год проводит конференции и публикует интересные сборники статей и коллективные монографии. Вспоминает доктор педагогических наук, руководитель комениологической секции, член Союза ученых и Союза писателей Санкт-Петербурга Светлана Марковна Марчукова:

¹ И. В. Иванов — переводчик, поэт и писатель, литературный псевдоним И. В. Инов (1930–2003).

² Л. Я. Бударагина, ученица Ирины Макаровны, переводчик, экскурсовод, преподаватель чешского языка.

«Наша первая встреча состоялась в 2006 г. На заседании Общества братьев Чанеков проходила презентация моей книги “Ян Амос Коменский: человек в «лабиринте света»”. Лишь позже я поняла, что эта встреча не только подарила мне внимательного и доброго друга, но во многом определила мой путь к знакомству с культурой Чехии, ее многовековыми традициями, поэзией, философией, искусством. Спустя четыре года мы вместе готовили в БАН международную выставку, посвященную Коменскому, шутили о том, что тема “Масарик и Коменский” <...> послужила причиной нашей дружбы» [Памяти... 2015: 4].

Тогда в БАН я была только слушателем³, но в том же 2010 г. Ирина Макаровна предложила мне выступить на конференции в гимназии «Петершуле» и написать статью о Я. А. Коменском. Мне эта идея показалась очень интересной и почетной, потому что о Я. А. Коменском я, конечно же, знала, но в основном — в ракурсе теории наглядности, о которой писал еще мой отец, преподаватель немецкого языка, автор учебников Н. А. Шелингер в середине 70-х. Но я была не уверена, потому что моя основная специальность — английский язык и культура. Ирина Макаровна быстро рассеяла мои сомнения, объяснив, что это очень важно и нужно. Она не владела английским языком, но прекрасно знала о том, как Коменского пригласила специальная комиссия английского парламента, чтобы продвигать реформу школ, и ей хотелось узнать больше подробностей, поисками которых она предложила мне заняться. Так началось мое погружение в мир Коменского, а темой я занимаюсь до сих пор [Иванова 2010].

Ирина Макаровна родилась в 1925 г., ее отец, Макарий Ильич Порочкин, инженер, воевал в Первую мировую, но про него нам известно довольно мало, так как родители развелись, когда Ирине было примерно 10 лет. Мама Варвара Самуиловна Иванова родилась в Петербурге, в Соляном городке, в 1902 г. в многодетной семье. Она получила профессию архитектора, любила в свободное время петь (дома был рояль), на ней держалось многое, она умела шить, сама проектировала и делала простую мебель. В отдельную квартиру из коммуналки семья переехала благодаря тому, что ее выделили Варваре Самуиловне.

Ирине Макаровне была отпущена долгая жизнь (1925–2014). Трудная юность, война, блокада, эвакуация закалили характер и, как и у многих представителей того поколения, обострили умение радоваться жизни. Она действительно умела радоваться каждому

³ Вспоминает Т. Н. Иванова-Шелингер.

дню и делать каждый день насыщенным. Совершенно не понимала людей праздных, потому что все ее время было расписано, начиная с зарядки по утрам, которая делалась неукоснительно, практически до последних дней, и заканчивая записями в ежедневнике поздно вечером. Обязательным атрибутом дачной жизни были пишущие машинки, потом их заменил компьютер. Ирина писала и печатала, но не забывала ни про сад, ни про парники, ни про посадки. И всегда говорила, что берет пример с чешских друзей, у которых обязательно есть работа в саду, даже если это университетская профессура. Она ловко и очень аккуратно шила и на машинке, и руками, совершенно виртуозно растапливала печку на даче! Ей было далеко за 70, когда она освоила компьютер и Интернет. И если бы не слабое зрение, она бы лихо водила машину!

Ежедневники всегда были лучшим подарком на Новый год, она исписывала их своим мелким изящным почерком, фиксируя научные идеи и какие-то события, мысли, отмечала радости и печали. Ирина Макаровна редко на что-то жаловалась, разве что на то, что какие-то дела, намеченные на конкретный период времени, вдруг откладываются, не успеваются, переползают на следующую неделю, месяц. Она принимала решение, и от него уже не отступала.

В трудовой книжке одно место работы — Ленинградский, ныне Санкт-Петербургский госуниверситет, филологический факультет. Ирина Макаровна, как это принято говорить, «стояла у истоков», начинала еще в Славянском кабинете под руководством Б. А. Ларина. Дипломная работа была посвящена переводам стихов Яна Неруды, кандидатская диссертация — творчеству Марии Пуймановой.

Славянство, и прежде всего богемистика, а также темы самых разнообразных русско-славянских связей были основными в ее научном поиске, в преподавании и в переводах. О них она хотела поведать как можно большему количеству людей, поэтому выступала с лекциями в рамках Общества «Знание» и на заседаниях «Общества чешско-советской дружбы», а примерно 30 лет тому назад вместе с И. В. Ивановым, О. М. Малевичем и В. А. Каменской создала санкт-петербургское «Общество братьев Чапек», работа которого посвящена культурным связям Чехии и России, писателям, поэтам и художникам-чехам, а также переводам.

Из воспоминаний Ирины Макаровны:

«Мы с И. В. Иновым <...> были приглашены в 1994 году на Международный семинар богемистов, регулярно организуемый Сообществом

чешских писателей в начале сентября. Всех участников поселили в ренессансном замке Либлице, где проходили занятия. Возглавляла тогда Сообщество известный прозаик Эва Кантуркова, с которой мы переговаривали о желании иметь в Ленинграде Чешский культурный центр наподобие того, что есть в Москве. Ведь в нашем городе живет и трудится немало специалистов, знающих чешский язык, чешскую литературу, интересующихся современным положением дел в республике и крайне нуждающихся в подобном очаге чешской культуры. Э. Кантуркова согласилась с приведенными аргументами и предложила Игорю Владимировичу выступить на заключительном торжественном заседании — там ожидался большой съезд столичных гостей (благо замок Либлице находится неподалеку от Праги), известных деятелей чешской культуры».

По приезде из Праги супруги поделились своими идеями с О. М. Малевичем и В. А. Каменской, и все четверо стали выстраивать логику деятельности общества. Помню разговоры о том, кто будет руководителем. Игорь Владимирович был хорошо известен своими поэтическими переводами и стихами, он долгое время был руководителем отдела поэзии в журнале «Нева», но иногда он был резок и не любил административной работы. Ирине Макаровне была предложена роль руководителя, и, думаю, она бы прекрасно справилась, но она хотела посвящать больше времени науке, статьям и преподаванию. и руководителем стал известный российский богемист Олег Михайлович Малевич. Потом, когда Общество оформилось окончательно, начали издавать Ежегодник Общества, и Ирина Макаровна с 2001 г. была его бессменным редактором вместе с О. В. Акбулатовой [Ежегодник Общества братьев Чапек 2001–2015].

Переводы И. М. Порочкиной могли бы стать темой отдельной статьи. Она переводила Карела Чапека, Карела Полачека, Милана Кундера, Й. Шкворецкого и многих других чешских писателей⁴ [например, Шкворецкий 2008]. Ей хорошо удавались и более легкие детективные жанры, она сохраняла вкус к языку. Не опошляя и не снижая планки в сторону просторечия или сленга, она в то же время не упускала возможности узнать новые словечки, спрашивала об их значении, любила разбираться, что откуда пошло.

Из лекций по языкознанию практически все студенты-филологи знают о Пражском лингвистическом кружке, объединявшем в 30–е гг. и позднее интереснейших лингвистов разных направлений.

⁴ Согласно данным Российской национальной библиотеки.

Знали и мы, но, как часто бывает, это казалось «явлением из книжки», и вдруг в разговоре выясняется, что Ирина Макаровна была не просто знакома с представителями кружка, а была направлена в аспирантуру в Карлов университет и училась у академика Яна Мукаржовского, который занимался поэтикой и сразу определил, что она «очень способная девушка». Эти слова нам передали знакомые чехи, которые тоже еще застали лекции Мукаржовского, но произнес он их значительно позже, когда сама Ирина Макаровна была уже хорошо известна в научных кругах. Насколько мне известно, сама она стихов никогда не писала, но очень тонко чувствовала поэзию слова и в прозе, и в стихах, что очень пригодилось и в редакторской работе, и в отборе произведений для перевода. Одной из первых книг, где Ирина Макаровна была инициатором и выступила как составитель двух разделов из пяти, была книга «Поэзия западных и южных славян», изданная под редакцией Всеволода Рождественского в 1955 г. Делали они ее совместно с мужем И. В. Ивановым (Иновым), поэтом и переводчиком⁵ [Поэзия западных и южных славян 1955].

Просветительская деятельность была не просто выполнением каких-то дел, это было служение, миссия. С чешскими друзьями и знакомцами (так называл их Игорь Владимирович) переписка шла постоянно. Обсуждались литературные новинки, театр, кино и, конечно, новости. Например, в течение нескольких лет они переписывались с Эмилем Бурианом (режиссером театра Д34), с которым Игорь Владимирович познакомился во время гастролей театра в Ленинграде в 1958 г.⁶ Известный писатель и сценарист Карел Йозеф Бенеш⁷ тоже переписывался с Игорем Владимировичем и Ириной Макаровой. Особенно сильное эмоциональное впечатление производит его открытка — поздравление русским коллегам с первым полетом человека в космос, триумфом советской науки, причем на штемпеле 13 апреля, лишь сутки спустя после полета Юрия Гагарина!

Сама Ирина Макаровна становилась героем переписки по самым разным вопросам, которые иллюстрируют интенсивное культурное взаимодействие между петербургскими и чешскими коллегами.

⁵ В этом сборнике подробное описание антологии в статье «В храме добра и братства между людьми».

⁶ Бүриан Эміль Фрáнтишек (Emil František Burian) (11.6.1904, Пльзень — 9.8.1959, Прага), режиссер, композитор, писатель, драматург, народный артист Чехословакии (1954).

⁷ Карел Йозеф Бенеш (Karel Josef Beneš) — писатель и сценарист (1896—1969).

Милуша Бубеникова, профессор Карлова университета, специалист по наследию А. Л. Бема и Ф. М. Достоевского, не раз приезжала на конференции в наш город и установила прочные контакты с Музеем Достоевского, который, конечно, был заинтересован темой Бема и Достоевского. Именно Бем, выпускник Петербургского университета, ученик С. Венгерова и В. Срезневского, основал в Праге «Общество Достоевского». Вот некоторые выдержки из переписки Натальи Владимировны Шварц, в ту пору старшего научного сотрудника музея, адресованные М. Бубениковой:

«2003 год. Ирина Макаровна перевела 8 страниц из “Воспоминаний” Франтишека Каутмана, потому что Борис Николаевич⁸ хочет составить вопросы к нему — так что здесь работа полным ходом.

31 октября 2003 г. А во дворе филфака установлен памятник Масарику. Ирина Макаровна принимала во всех мероприятиях самое активное участие — и это заслуженно, ведь идея памятника была их с Игорем Владимировичем идеей! Все коллеги в музее очень рады за них, и мы знаем, что и вы в Праге с нами согласны.

Ноябрь 2003 г. Ирина Макаровна закончила перевод “Воспоминаний” Франтишека Каутмана и вчера отдала Борису Николаевичу. А сегодня утром он мне позвонил и сказал, что настолько интересный и важный получился материал, что часть его, которая не требует комментариев, будет опубликована в 19 номере Альманаха.

Ноябрь 2003 г. Сейчас в Петербурге идет чешская театральная осень, которая включает в себя и выставку в музее Достоевского “Гоголь на чешской сцене”.

Январь 2004 г. У Ирины Макаровны большая радость — наконец-то вышла из печати ее и Игоря Владимировича книга “Чехи в Петербурге” — была презентация в Чешском консульстве на заседании Общества Братьев Чапек. Были приглашены сотрудники музея Достоевского⁹.

Март 2004. Вот какая идея возникла в музее Достоевского. Она еще раньше нашла большое одобрение Ирины Макаровны, Игоря Владимировича. Мы постоянно общались с ними, а теперь с Ириной Макаровой. 23 января 1930 года состоялось учредительное собрание Общества

⁸ Заместитель директора по научной работе Борис Николаевич Тихомиров, редактор альманаха «Достоевский и мировая культура».

⁹ И. М. Порочкина и И. В. Инов работали над книгой несколько лет, кропотливо и тщательно собирали материал, практически вручную. В книге около 700 персоналий!

Достоевского на философском факультете Карлова университета — ты это знаешь. Легко посчитать, что в 2005 году будет 75 лет этому событию. Хочется, чтобы эта дата прозвучала, ведь по сути Бемовское Общество — преемница IDS — нынешнему Международному обществу Достоевского¹⁰.

2005. Но, к сожалению, Альманах еще не будет готов. Скорее всего вы получите его в мае, я смогу прислать с Ириной Макаровой, которая летит в Прагу в середине мая».

Этот альманах содержал лишь краткое описание. Видимо, материала оказалось так много, что перевод из Каутмана был опубликован в двух выпусках альманаха позднее [Каутман 2008; 2009].

Ирина Макаровна и Игорь Владимирович всегда посещали мероприятия Музея Достоевского, связанные с чешской культурой и наукой, и именно там в ноябре 1998 г. была организована выставка, посвященная эмигрантскому периоду жизни и творчества А. Л. Бема. Еще один проект, поддержанный музеем, состоялся в 2002 г. Это была выставка художницы из Праги Ларисы Дашковой. На открытии присутствовали сотрудники консульства, Б. Н. Тихомиров, заместитель директора музея Достоевского по науке, В. А. Туниманов, доктор филологических наук, сотрудник Пушкинского Дома и представители турфирмы, организовавшей приезд Ларисы Дашковой в Петербург.

В отрывках, приведенных выше, говорится об установке бюста Т. Г. Масарика во двореке филологического факультета. Добиться осуществления этого замысла было непросто. Помогало четкое видение цели и способность, как говорила сама Ирина Макаровна, «все отринуть» во имя ее достижения. Сначала речь шла о мемориальной доске на одном из домов по Большой Морской, где некоторое время жил Масарик. Несколько лет хождения по инстанциям, составление бумаг, обоснований и справок для различных ответственных лиц долго не давали результата, но Ирина Макаровна и Игорь Владимирович не сдавались. В результате помог родной университет, Л. А. Вербицкая и С. И. Богданов. В октябре 2003 г. бюст был открыт и до сих пор остается единственным в Российской Федерации.

Но не только в официальных ситуациях проявлялась тяга героев нашего повествования к выполнению культурной и просветительской миссии.

¹⁰ В этом году «Общество Достоевского», организованное Бемом, отмечает 95-летие.

Наталья Владимировна Шварц вспоминает такой эпизод: в Петербург вместе с Милушей Бубениковой приехала ее подруга, Мирослава Кожушкова, учитель русского языка, окончившая университет в Воронеже. С Мирославой приехал и ее сын-подросток Гонза. Конечно, все они были незамедлительно приглашены в гости к Ирине Макаровне и Игорю Владимировичу.

Подросток немного стеснялся, оказавшись в русской семье. Игорь Владимирович предложил спеть чешскую народную песню. Стеснение было преодолено — совместно было спето много песен, и Гонза был совершенно потрясен тем, что в далекой России, в Петербурге так хорошо поют песни его родины. Это осталось одним из самых ярких воспоминаний для теперь уже взрослого человека. Игорь Владимирович был вообще очень музыкален и хорошо пел. Ирина Макаровна несколько стеснялась петь одна, в ее воспоминаниях отмечен тот факт, что она начала заниматься музыкой не очень рано, как пишет: «поздновато для первого прикосновения к инструменту», но она любила чешские и словацкие песни, с удовольствием подпевала. Ее ученик О. М. Забелин вспоминает, что «в конце первого курса Ирина Макаровна вместе с нами разучивала популярную тогда песню в исполнении В. Матушки “Тереза” из кинофильма “Если бы тысячи кларнетов”, который тогда как раз в это время шел в наших кинотеатрах» [Памяти... 2015: 5].

Еще один штрих к портрету нашей героини дает история Ю. Р. Канского, который искал свои корни и обнаружил связь с Чехией. Они познакомились на конференции по Т. Г. Масарику, Ирина Макаровна своими советами помогла подготовиться к поездке в Прагу. Вот что писал Юрий Ростиславович:

«Дорогая Ирина Макаровна! Как нам будет Вас не хватать. Удивительный человек по своей широте знаний, щедрости, стремлениям помочь людям. <...> Ирина Макаровна приняла активное участие в моих поисках. Она приезжала из любимой Праги и всегда привозила бесценные для меня материалы, радовалась, когда мне удалось издать книгу о моих чешских предках. Требовала писать статьи» [Памяти... 2015: 5].

Т. Н. Иванова вспоминает свою первую совместную с мужем, Александром Ивановым, поездку в Прагу в 1992 г.: «Мы были женаты еще только около двух лет, и в связи с несовпадением отпусков, это был первый совместный выезд. Перед поездкой мы получили несколько уроков чешского, по очереди родители исписали целый

блокнот фамилиями, телефонами интереснейших людей, с которыми они встречались, дружили, у кого брали интервью, осуществляли совместные проекты. И много разговорных фраз, на словацком и на чешском, конечно, открытки, письма, поручения и подарочки, поэтому мы сразу оказались в кругу друзей, и Прага, в которой я никогда не бывала раньше, сразу стала знакомой и родной для меня. В 2013 году удалось поехать в Прагу втроем, всем вместе. Очень радостно, что, несмотря на все сложности, поездка состоялась, и мне до сих пор кажется, что, показывая нам с мужем свои любимые места Праги и знакомя нас со своими друзьями, Ирина Макаровна как будто передавала нам в наследство свою любовь ко всему, что привлекало ее в чешской культуре, и любовь к Праге»¹¹.

Ирина Макаровна опубликовала в русской, польской, чешской, словацкой и сербской печати свыше ста работ. Ее монография — «Л. Н. Толстой и славянские народы: Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX — начала XX века» до сих пор не утратила актуальности [Порочкина 1983] и значительно позднее нашла продолжение в сборнике «Ясная Поляна. Неизвестные страницы» [Ясная Поляна 2013]. Монография «Чехи в Санкт-Петербурге» (в соавторстве с И. В. Иновым) остается просто уникальной. Более 700 персоналий музыкантов, художников, врачей и ученых, которые жили и работали в граде Петровом или приезжали сюда на короткое время [Порочкина, Инов 2003]. Последние годы Ирина Макаровна была не только главным редактором «Ежегодника Общества Братьев Чапек», она писала статьи в Ежегодник, выступала с докладами в России и за рубежом, много писала о Т. Г. Масарике и готовила монографию, которая, к сожалению, осталась незаконченной [Ежегодник Общества братьев Чапек 2001–2015].

Ее творческая энергия проявлялась во всем. Она была душой семьи, организатором и летописцем, который поддерживал контакты и с близкими, и с дальними родственниками. Она всегда с радостью собирала у себя друзей и родных и полночи готовила на всю честную компанию. Все друзья ее и их семьи знали о традиции этого дома отмечать чешское рождество 24–25 декабря. Еще в середине ноября Ирина Макаровна начинала писать открытки и письма чешским друзьям и коллегам (необходимо, чтобы все было доставлено вовремя!). Иногда чешские рождественские открытки

¹¹ Это был январь 2013 г., а в декабре 2014 г. Ирины Макаровны не стало.

опережали посланные из Ленинграда, а затем Петербурга, в этом случае тут же писался ответ и в календаре отмечалась его дата. К рождеству готовились загодя, закупали по возможности продукты, у знакомых чехов собирали рецепты, готовили традиционные чешские блюда, карпа, который запечатлен в одном из стихотворений И. В. Инова как «улада к Рождеству моих богемцев», кнедлики, выпечку. Среди серьезных и профессионально интересных писем профессора Ф. Черны мы нашли рецепт рождественского пирога, вложенный его женой, Майкой.

А..П. Дьяченко, известный петербургский искусствовед, член Союза ученых и Общества братьев Чапек, вспоминает: *«Мне повезло бывать у нее в гостях. Я не знал более гостеприимного человека, чем Ирина Макаровна. Она в совершенстве владела правилами приема гостей, старалась, чтобы всем было интересно и весело, чтобы каждый был охвачен вниманием»* [Памяти... 2015: 7].

От себя добавим, что последний «хозяйский тост» всегда растягивался надолго, потому что изящно и интересно в нем были отмечены все собравшиеся поименно. В последний раз это было на 89-летний день рождения...

И до последних дней Ирина Макаровна сохраняла хозяйственность и женственность, а также прекрасные аналитические способности, потрясающую эрудицию и внутренний нравственный стержень, который помогал видеть фальшь и отстаивать свою позицию.

Литература

Ежегодник Общества братьев Чапек, вып. 1–14. СПб.: Глобус, 2001–2015.

Иванова Т. Н. Английское путешествие Я. А. Коменского и современная лингвистическая парадигма // Я. А. Коменский и современный мир / под ред. С. М. Марчуковой. СПб., 2010.

Каутман Ф. Моя жизнь с Достоевским (1957–1997) / пер. с чеш. И. М. Порочкиной // Достоевский и мировая культура: альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, 2008. № 24. С. 223–250.

Кауфман Ф. В гостях у Михаила Бахтина / пер. с чеш. И. М. Порочкиной // Достоевский и мировая культура: альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. СПб., 2009. № 26. С. 175–178.

Памяти Ирины Макаровны Порочкиной. 01.02.1925 — 20.12.2014 // Ежегодник Общества братьев Чапек. СПб., 2015. № 14. С. 3—8: портр. Содерж.: Слово членам Общества братьев Чапек / Л. Буда-рагина, С. Марчукова, О. Забелин, Ю. Канский, Н. Жакова, А. Дьяченко, Е. Фролова, О. Акбулатова.

Порочкина И. М. Л. Н. Толстой и славянские народы. Л., 1983.

Порочкина И. М., Инов И. В. Чехи в Петербурге. СПб.: Глобус, 2003.

Поэзия западных и южных славян. Л., 1955.

Шкворецкий Й. Эссе «Red Music» / пер. с чешского И. В. Инов, И. М. Порочкина // Й. Шкворецкий. Сезон что надо. СПб., 2008.

Ясная Поляна. Неизвестные страницы. СПб., 2013.

IRINA MAKAROVNA POROCHKINA AS A SCHOLAR, A UNIVERSITY TEACHER, A TRANSLATOR AND AN EDUCATOR. HER BIRTHDAY'S CENTENARY

*Tatiana N. Ivanova-Szelinger,
Natalya V. Shwartz*

Abstract. The article describes the biography and works of Irina Porochkina, a prominent Soviet and Russian bohemist, university professor, translator and researcher of Leo Tolstoy and Tomáš Garrigue Masaryk. This year we celebrate 100 years from her birth and her life and works are described in the article taking into account the history of the Slavic Studies Department of Saint Petersburg State University as well as intercultural cooperation with the Slavic nations, both her personal and departmental. The authors have used glimpses of her memoirs from Porochkina-Ivanov (Inov)'s family archives and the memories about her by family, friends and colleagues. A special focus is made upon Irina Porochkina's personal contribution into the educational mission and her efforts for the introduction of Russian culture to the public abroad.

Keywords: bohemistika, the Department of Slavic Studies of Saint Petersburg State University, Prague linguistic circle, Leo Tolstoy, T. G. Masaryk, J. A. Komensky, translations from Czech and Slovak languages into Russian

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ XX–XXI ВВ.

М. Ю. Котова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

m.kotova@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена научной деятельности Ирины Макаровны Порочкиной (1925–2014), доцента кафедры славянской филологии СПбГУ, в последнем десятилетии ее жизни. Рассматриваются основные направления ее научных интересов, анализируется ее вклад в развитие темы о славянах в контексте мировой культуры.

Ключевые слова: Масарик, Порочкина, российско-чехословацкие межкультурные контакты, славяне в контексте мировой культуры

Цель исследования заключается в анализе последнего десятилетия научной деятельности Ирины Макаровны Порочкиной, связанного с возобновлением в 2004 г. ее преподавательской и научной работы на кафедре славянской филологии СПбГУ.

Материалом для доклада послужили в основном опубликованные научные труды И. М. Порочкиной, а также ее планы и отчеты о научной деятельности за 2012–2014 гг., отклики на ее научные труды в российской и чешской периодике, воспоминания ее коллег и учеников, опубликованные в 2016 г. в сборнике материалов круглого стола памяти Ирины Макаровны Порочкиной, прошедшего в память ее 90-летия в 2015 г., и др.

«В 2015 г. в рамках Седьмых Андреевских чтений прошел Круглый стол памяти Ирины Макаровны Порочкиной (1925–2014), богемиста, переводчика, старейшего преподавателя кафедры славянской филологии СПбГУ. Ирина Макаровна ушла из жизни, всего несколько месяцев не дожив до своего 90-летнего юбилея. На Круглом столе коллеги и ученики Ирины Макаровны поделились

воспоминаниями о друге и учителе» [Гусева 2018: 235]. Материалы этого круглого стола 2015 г. были опубликованы в 2016 г. вместе с автобиографией Ирины Макаровны [Аникина 2016; Мокиенко 2016].

Будучи в 2012–2014 гг. старшим научным сотрудником кафедры славянской филологии СПбГУ (0,25 ставки), Ирина Макаровна вела очень насыщенную научную жизнь: писала статьи по чешской и словацкой литературе и межкультурным российско-чехословацким связям, редактировала сборники докладов конференций, которые организовывала сама или принимала участие, поддерживала активные научные контакты с чешскими коллегами, работала в библиотеках Санкт-Петербурга и Праги и др., не считая преподавательской деятельности на чешском и словацком бакалавриатах кафедры славянской филологии СПбГУ.

Приведем здесь план научной работы на 2014 г., составленный Ириной Макаровой в ноябре 2013 г.:

план на 2014 год доцента, старшего научного сотрудника Порочкиной. И. М.

Ирина Порочкина

12 ноября 2013, 23:56

Кому: вам

1. Напечатать статью «Томаш Гарриг Масарик и Софья Владимировна Панина» (из цикла Зарубежная Россия) — 1 а. л. в Трудах Института польской филологии и прикладной лингвистики Университета города Седльце (Польша).

2. Завершить работу над монографией «Томаш Гарриг Масарик в России». (Название может уточниться.)

Пока всё.

Ahoj

В своем отчете за указанный период (2012–2014 гг.) она писала:

1. Учебная работа. Подготовлен и прочитан курс лекций по дисциплине «Словацкое страноведение». Разработана и прочитана лекция с демонстрацией диапозитивов «Пражский (Карлов) университет в прошлом и настоящем» в программе Научно-практического семинара для студентов факультета социологии СПбГУ.

2. Организационно-методическая работа. Участие в организации научных конференций, руководство секциями «Российская культурная эмиграция в славянских странах»; «Томаш Гарриг Масарик и Россия»; научно-практического симпозиума «Славянский мир: единство и многообразие» (2011, 2012, 2013).

3. Научно-исследовательская работа. За отчетный период опубликовано 10 научных статей, одна из них в совместном русско-польском сборнике, посвященном Масарику (Университет города Седльцы). Осуществлено составление и редактирование сборников с материалами проведенных научных конференций, составление и научное редактирование «Ежегодника Общества братьев Чapeков», составление сборника «Ясная Поляна: Неизвестные страницы» (издательство «Росток»).

Остановимся более подробно на неопубликованной монографии И. М. Порочкиной «Томаш Гарриг Масарик в России», которую она не успела завершить, как планировала, в 2014 г.

В библиотеке кафедры славянской филологии хранятся копии научных статей Ирины Макаровны Порочкиной и Игоря Владимировича Инова, которые были опубликованы в России и Чехии в период с 1996 по 2006 г. и являлись основой будущей монографии.

Это две сброшюрованные рукописи (сборник копий текстов статей) — первый том на русском языке (132 страницы) и второй том на чешском языке (49 страниц). На титульных листах написано:

Инов И. В., Порочкина И. М.

Томаш Гарриг Масарик и Россия.

Сборник статей, в которых рождалась будущая книга.

В статьях можно встретить много повторов. Это связано с тем, что предназначались они для разных изданий и, следовательно, для разного читателя.

Т. I / Т. II.

Санкт-Петербург, 2007.

В первый том вошли следующие статьи И. М. Порочкиной на русском языке:

Порочкина И. М. Славянская проблематика в интерпретации Т. Г. Масарика — философа и политика // В сб.: Т. Г. Масарик. К 150-й годовщине со дня рождения. Материалы научной конференции филологического факультета СПбГУ. СПб., 2000. С. 5–14.

Порочкина И. М. Т. Г. Масарик и Россия. Первые соприкосновения // Славянская филология. Вып. 8. Сб. памяти проф. Ю. С. Маслова / под ред. Г. И. Сафронова, Г. А. Лилич. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1999. С. 165–176.

Порочкина И. М. Т. Г. Масарик и его петербургские коллеги // В сб.: Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства.

К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М.: Русский путь, 2005. С. 88–98.

Порочкина И. М. «Россия и Европа» Т. Г. Масарика: долгий путь к русскому читателю // Ежегодник Общества братьев Чапек. С. 65–67.

Инов И. В., Порочкина И. М. Петроградский этап в борьбе Томаша Гаррига Масарика за создание самостоятельной Чехословацкой республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, 2004, вып. 3–4. С. 99–114. (Статья поступила в редакцию 20 сентября 2004 г.)

Порочкина И. М., Инов И. В. «Русская акция» Т. Г. Масарика // В сб.: Российская эмиграция в Чехословакии (1918–1945) / под редакцией В. И. Старцева. СПб.: Третья Россия, 1996. С. 57–64.

Порочкина И. М. Российская эмиграция первой волны о Т. Г. Масарике // В сб.: Русское зарубежье: 1917–1945. СПб., 2000. С. 77–81.

Порочкина И. М. В. В. Водовозов и Т. Г. Масарик // В сб.: Зарубежная Россия. 1917–1939. Сборник статей. Кн. 2. СПб.: Издательство «Лики России», 2003. С. 34–40.

Порочкина И. М. «Вы очень нужный человек в этом мире». А. В. Амфитеатров и Т. Г. Масарик // В сб.: Зарубежная Россия: 1917–1945. Книга 3. СПб., 2004. С. 56–64.

Порочкина И. М. Т. Г. Масарик и русские писатели: Максим Горький // В сб.: Славянские литературы и литературные взаимосвязи. Материалы XXXV Международной научной конференции на филологическом факультете СПбГУ. СПб., 2006. С. 50–51.

Во второй том вошли следующие статьи И. М. Порочкиной и И. В. Инова на чешском языке:

Poročkinová Irina, Inov Igor. Masaryk a Tolstoj. In: Listy, roč. XXVIII. Praha, 1998, č. 6. S. 77–80.

Poročkinová Irina. Masaryk a Gorkij. In: Čas, č. 73, Listopad 2006. S. 7–8.

Inov I., Poročkinová I. Ne revoluce, ale evoluce.

Poročkinová I., Ivanov I. Masarykův fenomén v Rusku (konec XIX. — začátek XX. století) // Masarykův sborník, X. 1996–1998. Masarykův ústav AV ČR. Praha, 2000. S. 214–231.

Poročkinová I., Inov (Ivanov) I. Vzkříšení jména a díla T. G. M. In: Čas, č. 40. Praha, 2000. S. 17–18.

Кроме указанных статей о Т. Г. Масарике, собранных в единый сборник в 2007 г., следует остановиться на других публикациях

Ирины Макаровны, которые появились в период ее доцентства в СПбГУ с 2004 по 2014 г.

Ириной Макаровной Порочкиной были подготовлены к изданию и отредактированы следующие сборники статей и коллективные монографии:

Словаки в Петербурге / редакторы О. В. Акбулатова, И. М. Порочкина. СПб.: Издательство «Глобус», 2006. 104 с.

IX Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы межвузовской научной конференции. 12–13 сентября 2007 года / редактор к. ф. н. И. М. Порочкина. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 85 с. На сборник была опубликована рецензия А. Г. Шешкен, в которой была дана высокая оценка состоявшейся конференции и содержанию докладов [Шешкен 2009].

Т. Г. Масарик: К 160-й годовщине со дня рождения / отв. редактор И. М. Порочкина. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010. 44 с.

Ясная Поляна. Неизвестные страницы / составители О. М. Малевич, И. М. Порочкина. СПб.: Росток, 2013.

Europa Masaryka — Европа Масарика — Europa Masarykova. Tom monograficzny pod redakcją Iriny Poroczkińy i Romana Mnicha // Colloquia Litteraria Sedlcensia. Studia Minora. Volume VII. SPb — Siedlce: Санкт-Петербургский государственный университет — Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2014.

И. М. Порочкина вдохновила нас на создание секции МФК в 2009 г. «Славяне в неславянских странах», по итогам двух лет заседаний этой секции были выпущены два сборника докладов, в подготовке которых в качестве научного консультанта активно участвовала Ирина Макаровна.

Спустя три года, в 2012 г., секция была переименована в «Славно-германскую компаративистику», а в настоящее время она действует как «Славяне в контексте мировой культуры: компаративистика, имагология, переводоведение».

Доклады, сделанные на заседаниях этой секции на мартовской конференции в 2012 г., получили воплощение в коллективной научной монографии «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей», опубликованной Издательством Санкт-Петербургского университета в 2014 г., рецензию на которую подготовила Ирина Макаровна Порочкина. В своей рецензии она

одобрила использованный в монографии метод компаративистских исследований славянских языков и литератур для изучения идентичностей народов славянских стран, языки и литературы которых преподаются на кафедре с середины XX в. и являются специальными выпускников кафедры.

Авторы монографии (Е. Е. Бразговская, О. В. Раина, М. Ю. Котова и др.), используя различные филологические методики анализа, избрали для научного осмысления художественное творчество билингвальных писателей со славянскими корнями (Д. Конрада, И. Цанкара, Ч. Милоша, Л. Мнячко и др.).

В монографию вошла и глава о феномене творчества чеха Йозефа Шкворецкого (1924—2012), получившего признание и в Чехии, и за океаном, построенная на лингвостилистическом анализе самоидентификации писателя, проявившейся в его художественных и публицистических произведениях.

Творчество Й. Шкворецкого раскрылось перед авторами монографии в первую очередь благодаря научным консультациям Ирины Макаровны.

В последующие годы интерес к творчеству Йозефа Шкворецкого не ослабевал, ему было посвящено на кафедре славянской филологии немало студенческих исследований. Приведем некоторые из них:

ВКР аспирантки А. В. Русан «Смешение и переключение кодов в речи эмигрантов (на материале прозы Й. Шкворецкого)» (научный руководитель — проф. М. Ю. Котова, 2017): наблюдения и выводы о специфике гибридной идентичности персонажей в чешскоязычном транснациональном романе чешского писателя-эмигранта Йозефа Шкворецкого, работавшего в 80-х гг. XX в. в университете города Торонто в Канаде;

Давыдова А. В. Стилистика романа Йозефа Шкворецкого «*Příběh inženýra lidských duší*» («История инженера человеческих душ»). ВКР магистра (научный руководитель — М. Ю. Котова). СПб.: СПбГУ, 2024.

Колмогорова А. С. Фигура англоязычного писателя Джозефа Конрада в романах чешского писателя Й. Шкворецкого «Инженер человеческих душ» и словацкого писателя П. Виликовского «Последний конь Помпеи». ВКР магистра (научный руководитель — М. Ю. Котова). СПб.: СПбГУ, 2016. <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3076/1/st042686.pdf>

Лакомова Д. С. Стилистическая роль пословицы в транснациональной прозе чешских писателей М. Кундеры и Й. Шкворецкого. ВКР магистра (научный руководитель — М. Ю. Котова). СПб.: СПбГУ, 2021. https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/30083/1/VKR___Lakomova.pdf

Федорова Д. С. Иноязычные вкрапления в сборнике рассказов Й. Шкворецкого «Prima sezóna» и их отражение в переводе на русский язык. ВКР бакалавра (научный руководитель — О. С. Сергиенко). СПб.: СПбГУ, 2024 (на материале перевода О. В. Акбулатовой «Сезон что надо»).

В этот период сама Ирина Макаровна работала над темами российско-чехословацких межкультурных контактов, эмигрантологии, ею были опубликованы следующие авторские статьи:

Порочкина И. М. Деятельность Общества братьев Чапек и некоторые факты культурной, экономической и политической жизни Санкт-Петербурга в 2005 году, связанные с Чехией // Ежегодник общества братьев Чапек 2005 / ред. О. В. Акбулатова. СПб.: Издательство «Глобус», 2006. С. 3–29.

Порочкина И. М. Вместо предисловия // Словаки в Петербурге / редакторы О. В. Акбулатова, И. М. Порочкина. СПб.: Издательство «Глобус», 2006. С. 4–12.

Порочкина И. М. Славянские берега российской эмиграции // IX Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы межвузовской научной конференции. 12–13 сентября 2007 года / редактор к. ф. н. И. М. Порочкина. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 53–59.

Порочкина И. М. Т. Г. Масарик в свете гендерного мышления // Т. Г. Масарик: К 160-й годовщине со дня рождения / отв. редактор И. М. Порочкина. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010. С. 24–28.

Порочкина И. М. Роль Т. Г. Масарика в трансфере русской культуры на Запад // Славянский мир: единство и многообразие. Международный научно-практический симпозиум, посвященный Дню славянской письменности. Санкт-Петербург, 25–26 мая 2012 г.: Доклады / отв. ред. М. Ю. Котова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 158–161.

Порочкина И. М. Томаш Г. Масарик: «Панина воплощает в себе тот тип русских людей, благодаря которым я люблю Россию» //

Europa Masaryka — Европа Масарика — Europa Masarykova. Tom monograficzny pod redakcją Iriny Poroczkińskiej i Romana Mnicha // Colloquia Litteraria Sedlensis. Studia Minora. Volume VII. SPb — Siedlce: Санкт-Петербургский государственный университет — Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2014 (Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2014. C. 23–33).

Irina Poročkina. «Vášnivá duše tesní»: Vladimír Holan překládá Lermontova. Hodnoty a hranice: svět v české literatuře, česká literatura ve světě: sborník příspěvků z III. kongresu světové literárněvědné bohemistiky. Vladimír Holan a jeho souputníci. — Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2006.

Poročkina Irina Makarovna. Jak se odrazil rok 1968 v literárních vztazích mezi Rusy a Čechy. In: Pražské jaro 1968. Literatura — film — média. Materiály z mezinárodní konference pořádané Literární akademií za spolupráce s Městskou knihovnou. Praha 20. — 22. května 2008. Praha: Literární akademie, 2009. C. 155–162.

Ирина Макаровна Порочкина внесла огромный вклад в развитие научных и межкультурных контактов с Чехией, который был высоко оценен чешской стороной в виде международной премии Gratias Agit 2003 г., присужденной Министерством иностранных дел Чешской Республики.

Некролог, опубликованный чешским ученым Мартином Штоллом в 2015 г., назван «Петербургский посол чешской литературы Ирина Порочкина» [Štoll 2015]. М. Штолл в нем пишет: «Порочкина приезжала в Чехословакию и Чешскую Республику сравнительно регулярно, последний раз — в прошлом году, незадолго до своего 90-летия, до которого ей не удалось дожить. Широкий круг ее контактов, ее особенное внимание к проблемам общества и природная проникательность сделали из нее человека, который нас понимал. При любой возможности она говорила о чешской культуре, например во время своего визита в Самаркандский университет Узбекистана в 1972 г. Она поддерживала деятельность Общества братьев Чапек, которое основала вместе с коллегами; а в книге “Чехи в Санкт-Петербурге 1703–2003” (2003), составленной ею в соавторстве с ее супругом по энциклопедическому принципу, представила визиты чехов в ее родной город» (перевод с чешского наш).

Ученик Ирины Макаровны Порочкиной профессор Валерий Михайлович Мокиенко написал в 2015 г.:

«Доминантой всей жизни Ирины Макаровны была именно любовь к Чехии, воплотившаяся и в ее книгах, и в ее переводах

с чешского, и в ее лекциях, и в ее общественных деяниях. Их символом является памятник президенту Чехословакии Т. Г. Масарику, поставленный во дворе нашего филологического факультета во многом благодаря ее инициативе и целеустремленным усилиям. Эту любовь Ирина Макаровна пронесла через всю жизнь. За несколько недель перед кончиной она рассказывала мне, как недавно побывала в Чехии, как тепло ее там принимали и как высоко оценили ее вклад в мировую богемистику. Оказалось, увы, что эта поездка была для И. М. Порочкиной прощанием с ее любимой страной, ставшей для нее второй родиной» [Мокиенко 2016: 71].

В заключение приведем отрывок из воспоминаний доцента кафедры славянской филологии СПбГУ, ученицы Ирины Макаровны, Татьяны Евгеньевны Аникиной:

«Поразительно, как Ирина Макаровна живо относилась к новым веяниям и возможностям. Будучи уже немолодым человеком, она освоила компьютер и вела активную переписку со многими странами. До самого последнего момента Ирина Макаровна ездила в Чехию, была полна творческих замыслов. Организованные Ириной Макаровной научные заседания, посвященные русской эмиграции в Чехословакии, чехам, жившим и работавшим в России, деятельности Т. Г. Масарика, собирали большую аудиторию. Благодаря ее усилиям во дворе филологического факультета появился памятник Масарику. Ирина Макаровна умела объединять вокруг себя различных людей: студентов, выпускников кафедры прошлых лет, людей, так или иначе связанных с Чехией или просто интересующихся культурой этой славянской страны. Недаром вместе с Игорем Владимировичем Иновым, Олегом Михайловичем Малевичем и Викторией Александровной Каменской она организовала при чешском консульстве и с его поддержкой “Общество братьев Чапек”, деятельности которого отдавала много сил и времени. Ирина Макаровна Порочкина была талантливым педагогом, ученым и переводчиком. Но главным для нее, как представляется, было служение чешской культуре и установление добрых связей между нашими странами» [Аникина 2016: 75].

Литература

Аникина Т. Е. Ирина Макаровна Порочкина // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные

взаимосвязи: Материалы секции XLIV и XLV Международных филологических конференций, 10–15 марта 2015 г., 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: BVM, 2016. С. 73–75.

Гусева О. В. «Андреевские чтения» в Санкт-Петербургском государственном университете // *Stephanos*. 05.2018. № 3 (29). С. 233–236. <http://stephanos.ru>

Мокиенко В. М. Об Ирине Макаровне Порочкиной // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные взаимосвязи: Материалы секции XLIV и XLV Международных филологических конференций, 10–15 марта 2015 г., 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: BVM, 2016. С. 71.

Шешкен А. Г. IX Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 12–13 сентября 2007 г. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 83 с. // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2009. № 4. С. 209–212.

Štoll M. Ohlednutí — petrohradská velvyslankyně české literatury — Za Irinou Poročkinou // *Host* N. 2/2015. S. 5. https://www.researchgate.net/publication/341726877_Irina_Porockina_-_petrohradska_velvyslankyne_ceske_literatury_Irina_Porockina_-_St_Petersburg_Ambassador_of_Czech_Literature

ON SOME ASPECTS OF THE STUDY OF RUSSIAN-CZECHOSLOVAK INTERCULTURAL CONTACTS IN XX–XXI CENTURIES

Marina Yu. Kotova

Abstract. The article is devoted to the scientific activity of Irina Makarovna Porochkina (1925–2014), associate professor of the Department of Slavic Philology at Saint Petersburg State University, in the last decade of her life. The study reveals the main directions of her scientific interests, analyzes her contribution to the development of the Slavistics in the context of world culture.

Keywords: Masaryk, Porochkina, Russian-Czechoslovak intercultural contacts, Slavs in the context of world culture

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ЧЕШСКОГО И СЛОВАЦКОГО СТРАНОВЕДЕНИЯ В СПбГУ

О. В. Раина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

o.raina@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается значение основных авторских учебных программ И. М. Порочкиной для бакалавриата кафедры славянской филологии СПбГУ в XXI в.: «Страноведение Чехии», «Страноведение Словакии», «Томаш Гарриг Масарик и русская культура». Подчеркивается тесная связь концепции этих учебных программ с научной исследовательской деятельностью И. М. Порочкиной и ее последователей.

Ключевые слова: кафедра славянской филологии СПбГУ, Масарик, Порочкина, страноведение Словакии, страноведение Чехии

Цель данного исследования состоит в анализе вклада доцента Ирины Макаровны Порочкиной в развитие образовательных программ кафедры славянской филологии СПбГУ в XXI в.

Материалом для доклада послужили опубликованные рабочие программы к авторским курсам И. М. Порочкиной для профилей бакалавриата «Чешский язык», «Словацкий язык, английский язык» и «Чешский язык, немецкий язык» [Порочкина 2010; 2012а; 2012б]. Это всего четыре рабочие программы, созданные Ириной Макаровной в период с 2004 по 2014 г., то есть в последнее десятилетие ее жизни, совпавшее с возвращением на кафедру после ухода на пенсию в 1987 г. Три из них — авторские, к двум обязательным дисциплинам — «Страноведение Чехии» [Порочкина 2012а], «Страноведение Словакии» [Порочкина 2010] и к одному элективному спецкурсу «Томаш Гарриг Масарик и русская культура (спецкурс)» [Порочкина 2012б]. Четвертая программа — по чешскому языку — написана в соавторстве с коллегами-богемистами для чешского профиля бакалавриата и издана в 2011 г.

Остановимся на авторских рабочих программах Ирины Макаровны:

«Страноведение Чехии» (2012), программа к обязательному учебному курсу обучающихся на бакалавриате профилей «Чешский язык», «Чешский язык, английский язык», «Чешский язык, немецкий язык». Эпиграфом к этой программе могла бы стать цитата из воспоминаний профессора Валерия Михайловича Мокиенко о Ирине Макаровне: «Ирина Макаровна вошла в нашу студенческую жизнь на I курсе, когда начала читать нам лекции по чешской литературе. Ее умиротворяющий голос, плавно-эпическое повествование и, главное, — глубокая и величавая любовь к чешской литературе и культуре нам, богемистам, помнятся и сейчас. Доминантой всей жизни Ирины Макаровны была именно любовь к Чехии, воплотившаяся и в ее книгах, и в ее переводах с чешского, и в ее лекциях, и в ее общественных деяниях» [Мокиенко 2016: 71].

Фрагменты программы «Страноведение Чехии» [Порочкина 2012а: 48–50]:

Структура и содержание учебной дисциплины.

1. Введение. Общая характеристика курса страноведения Чехии. Определение предмета страноведения — социокультурные и лингвистические направления. Основные понятия и категории. Этнос и теории этногенеза. Национальная культура и психология народа — основные теоретические понятия. Исторические факторы, повлиявшие на формирование национального самосознания чехов в течение веков. Гимн, флаг, основные государственные, религиозные и семейные праздники Чехии.

2. Основные разделы.

2.1. История возникновения Чешской Республики.

Чешская Республика (ЧР) возникла 1 января 1993 г. на основе всенародного референдума, в результате которого произошло мирное разделение Чехословакии на два государства — Чехию и Словакию. Местонахождение Чешской Республики в Европе. Пограничные государства.

2.2. Основные сведения о Чешской Республике.

2.3. Государственные символы Чешской Республики. Гербы регионов: Чешский лев. Моравская орлица. Силезская орлица. Большой и Малый государственные гербы. Государственный флаг. Государственный гимн.

2.4. Политическое устройство Чешской Республики. Членство в международных организациях: ООН, НАТО, ЕС, ВТО, МВФ и др.

2.5. Административное деление. 3 крупных региона: Чехия, Моравия и Силезия и 14 входящих в регионы административных единиц: 13 областей и столица, имеющая особый статус. Характеристика каждой из областей. Их историческое и современное значение в культуре и экономике ЧР. Областные города. Число жителей и достопримечательности. Международные курорты Чехии.

2.6. География Чешской Республики. Центральное положение в Европе на пересечении 15-го меридиана и параллели. Основные горные массивы. Крупнейшие реки. Полезные ископаемые.

2.7. Историография чешских земель в плане исторической психологии. Первое территориально-государственное образование у западных славян, сплотившихся под предводительством Само. Устные исторические предания о Праотце Чехе, о Кроке и его дочерях, о Либуше, о Пршемысле, о Либушиных пророчествах, о Девичьей войне и др. (см. список в конце) в обработке писателя А. Йирасека. Великая Моравия. Общеславянское значение деятельности Кирилла и Мефодия. Период Священной Римской империи германской нации в истории Чехии. Деятельность Вацлава I, Пршемысла II, Карла IV. Основание Пражского университета. Прага XIV в. — столица Империи. Великий реформатор Ян Гус. Гуситские войны. Ян Жижка. Идеи непротivления Петра Хельчицкого. Начало чешского книгопечатания. Правление Рудольфа II. Прага вновь столица Империи. Развитие науки, архитектуры, искусства, музыки. Восстание 1618 г. Начало Тридцатилетней войны. Деятельность великого педагога Яна Амоса Коменского и сохраняющаяся актуальность его идей для современной педагогики.

2.8. Период порабощения и застоя в Чехии XVII—XVIII вв. Развитие музыкального композиторского и исполнительского искусства. «Чехия — консерватория Европы». Архитектурные стили.

2.9. Реформы Марии Терезии и Иосифа II. Чешское национальное возрождение. Становление чешской литературы нового времени. «Бабушка» Божены Немцовой. Славянофильство и русофильство как движущие силы в национальной борьбе. Немного об истории христианской церкви в Центральной Европе и осмысление ее роли в судьбах чешского населения. Взаимодействие с ближайшим могущественным соседом — германским народом. Издержки и плюсы такого соседства.

2.10. Томаш Гарриг Масарик — выдающийся чешский ученый и политический деятель конца XIX — первой трети XX в. Обретение чешским и словацким народами государственной самостоятельности. Первая мировая война и создание на территории России из чешских и словацких военнопленных воинских формирований — чехословацких Легионов. Образование Чехословакии в 1918 г.

2.11. Выдающиеся писатели Чехии. Ярослав Гашек. Карел Чапек. Витезслав Незвал.

2.12. Оккупация страны нацистской Германией и антифашистское сопротивление в период Второй мировой войны. Юлиус Фучик.

2.13. Послевоенное развитие Чехословакии. Коммунистический блок «Страны Варшавского договора», вступление армий блока на территорию Чехословакии в августе 1968 г. Период тоталитаризма.

2.14. «Бархатная революция» осени 1989 г., ставшая возможной после объявления в СССР новой внутренней и внешней политики. Связи между нашими государствами сегодня. Воздвижение памятника Т. Г. Масарику в Парке скульптур СПбГУ.

2.15. Менталитет современного чеха.

«Страноведение Словакии» (2010):

Фрагменты программы [Порочкина 2010: 29–30]:

Структура и содержание учебной дисциплины.

Разделы курса

1. Страноведение как наука.
2. Доисторическая и историческая память народа.
3. Факторы природно-географической и религиозно-культурной среды.
4. Выдающиеся события, изобретения, условия развития культуры.
5. Особенности словацкого национального характера. Понятие национального менталитета.
6. Чешская национальная идея на разных исторических этапах. Краткое содержание тем
 1. Страноведение как совокупность географических, исторических сведений о стране, ее экономике и культуре.
 2. Исторические названия народа, страны. Современное административное деление Словацкой Республики.
 3. Религиозная ориентация и зависимость от нее средневековой письменности. Церковные конфессии в Словацкой Республике.

4. Реформация. Понятие религиозной реформации. Ян Гус. Петр Хельчицкий. Национальный и мировой резонанс их учений.

5. Выдающиеся словацкие культурные и политические деятели. Доктор Есениус, Ян Коллар, Йозеф Шафарик, М. Р. Штефаник и др.

6. Словацкое музыкальное искусство. Живучесть его народных основ.

7. Столица Словацкой Республики — Братислава. Старинные предания о Братиславе. Современные параметры. Приток русских бизнесменов с начала 90-х гг. XX в.

8. Литературное и историческое краеведение. Выдающиеся словацкие литераторы, драматурги.

9. Влияние русской культуры на осознание словацким народом своей идентичности. А. Н. Пыпин.

10. Словаки в Санкт-Петербурге за 300 лет его существования.

«Томаш Гарриг Масарик и русская культура (спецкурс)» (2012)

Фрагменты программы [Порочкина 2012б: 173—176]:

Структура и содержание учебной дисциплины.

1. Т. Г. Масарик (1850—1937) — чешский философ, политик и первый президент Чехословакии (ЧСР), памятник которому установлен в атриуме (парадном дворе) филологического факультета СПбГУ в 2003 г., всю жизнь проявлял интерес к русской культуре. Он неоднократно посещал Россию, переписывался с учеными коллегами, с великим русским писателем Л. Н. Толстым, создал трехтомную монографию о России. Когда после Октябрьского переворота 1917 г. из России начался великий исход, Масарик раскрыл перед беженцами двери маленькой, только что возникшей страны и положил начало знаменитой «Русской акции» министерства иностранных дел ЧСР. Что же всему этому предшествовало?

2. Детство и юность будущего философа. Жадный интерес к знаниям, который помог преодолеть все трудности, преследовавшие детей из бедных семей. Учеба в школе, гимназии, Венском университете. Немецкий язык (его мать, родившаяся в онемеченных областях Южной Моравии, говорила дома на немецком языке) и немецкая культура в жизни и деятельности Масарика. Интерес к русскому языку, связанный со свойственным Чехии XIX в. русофильством. Близость к профессору А. В. Шембере — патриарху венской славистики, члену-корреспонденту Петербургской академии наук, популярному у венских славян. Стажировка в Лейпциге. Женитьба на пианистке американского происхождения Шарлотте Гарриг.

Тайна трех букв: ТГМ. Импульсы из России. Приезд в Вену императора Александра III. Венская выставка картин русского художника Верещагина. Защита магистерской диссертации и издание книги «Самоубийство как массовое явление современной цивилизации» (1881), которая потрясла Л. Н. Толстого. Знакомство, переросшее в многолетнюю дружбу, с русским философом Л. Э. Радловым. Увлечение русской литературой, особенно творчеством Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

3. Переезд из Вены в Прагу, чтобы занять должность профессора философии в только что созданном Пражском чешском университете. Начало борьбы Масарика за прогресс в чешской науке и обществе. Издание журнала «Атенеум», в котором он отстаивал свои убеждения. В частности, поддерживал чешских лингвистов, доказывавших, что «Рукописи Краледворская и Зеленогорская» были подделками эпохи раннего чешского романтизма. Значение журнала «Атенеум» для ознакомления чешского общества с новинками русской научной, художественной и философской литературы.

4. Первые поездки Масарика в Россию, его русские маршруты. Посещение кафедры славянской филологии Петербургского университета. Знакомство с профессорами и сотрудниками историко-филологического факультета. В. И. Ламанский. А. А. Пыпин. Поездка в Москву, посещение Л. Толстого в Москве и Ясной Поляне. Восприятие Толстым пражского гостя, выраженное им в дневниках и письмах. Несогласие Масарика с толстовской идеей непротавления злу насилием. Тема чешского философа-«непротавленца» XV в. Петра Хельчицкого. Монография об истоках русского славянофильства, написанная Масариком по возвращении из России («Петр Киреевский»).

5. Масарик — педагог. Продолжение традиции Я. А. Коменского. Популярность Масарика у студенческой молодежи. Выступления Масарика против антисемитизма и притеснения австро-венгерских славян. Его работы о крупнейших деятелях чешской культуры, в наследии которых Масарик видел ориентиры движения чешского общества вперед. Выход Масарика на политическую арену. Избрание в Венский парламент. Переписка с русским историком и педагогом, профессором Петербургского университета Н. И. Кареевым. Переписка с В. В. Водовозовым. Поездка в Чикагский университет для чтения лекций о русской литературе. Поездки в Прагу и встречи там с русскими учеными и журналистами (П. А. Гайдебуров).

Приглашение в Юрьевский (Тартуский) университет. Создание на кафедре славянской филологии под руководством доцента Н. В. Ястребова промасариковской политической партии («Партия свободомыслящих»). Отклик Масарика.

6. Приезд Масарика в Россию в 1910 г. Общение с историком и политическим деятелем, одним из лидеров кадетов П. Н. Милюковым. Выступления по «женскому вопросу». Критическое отношение Масарика к внутренней политике царского правительства (притеснение поляков, разгон молодежных студенческих митингов). Последняя встреча с Толстым. Статьи Масарика о нем осенью того же года. Продолжение работы над книгой о России. Переписка по этому поводу с Л. Э. Радловым, хранящаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома и Архиве Т. Г. Масарика в Праге. Выход книги Масарика «Россия и Европа» (1913 г.) на немецком языке в Йене (Германия). Анализ очерков о русских писателях. Запрет, наложенный на книгу Масарика русской цензурой. Масарик — персона нон грата в России. Перевод труда Масарика «Россия и Европа» на русский язык и его издание в начале XXI в.

7. Первая мировая война. Отъезд Масарика в эмиграцию. Создание Чешско-Словацкого национального совета (ЧСНС). Актуализация шифра ТГМ. Избрание Масарика почетным профессором Петроградского университета. Приезд в Россию после Февральской революции 1917 г. Деятельность Масарика как главы ЧНС до его отъезда из России весной 1918 г. Организация армии будущего независимого государства из военнопленных чехов и словаков. Работа над брошюрой «Славяне после войны». Воспоминания Масарика о революционной России 1917—1918 гг., поведенные им Карелу Чапеку.

8. Поездка Масарика в США на переговоры с президентом Вудро Вилсоном о послевоенном переустройстве Европы. Создание Чехословакии и избрание Масарика президентом новой страны. Место в новой республике, отведенное президентом немецкому населению. Вклад Масарика в модернизацию послевоенной Европы. Б. Шоу о Масарике как единственно возможном президенте объединенной Европы. Избрание Масарика членом Британской академии.

9. Меморандумы президента Чехословакии по поводу российской эмиграции. Предложение разместить у себя ученых и учащуюся молодежь. Бесплатные русские школы, гимназии и университеты.

Инициирование беспрецедентной «Русской акции». Общение с русской творческой диаспорой. Масарик как знаток и ценитель русского драматического и музыкального театра, русского изобразительного искусства. Закупка картин у эмигрантов для чехословацких музеев. Ежемесячные стипендии творческой интеллигенции. Помощь М. Цветаевой, И. Бунину, А. Амфитеатрову, В. Водовозову, дочери Ф. М. Достоевского и многим другим. Поддержка русских периодических изданий («Современные записки», Париж). Расчет Масарика на реформирование политической власти в СССР и возвращение на родину русской интеллектуальной элиты.

10. Петербургские адреса Масарика (М. Морская, Б. Морская, Садовая улицы). Редакция газеты «Чехословак» (1914–1916) — Басейная ул. (теперь ул. Некрасова). Отношение советской власти к Масарику как к врагу СССР. Судьба книг, журналов и брошюр Масарика в библиотеках Ленинграда — Санкт-Петербурга. Разорение книгохранилищ в довоенное и послевоенное время. Сдача запрещенных к выдаче читателям книг из библиотеки кафедры славянской филологии в утиль (50–80-е гг. XX в.) и гибель печатной продукции чехословацкого президента. Восстановление доброго имени Масарика в новой России. История создания и установки первого в России памятника Т. Г. Масарику во дворе филологического факультета СПбГУ (2003). Вклад кафедры славянской филологии в увековечение памяти Т. Г. Масарика.

Кроме создания собственных авторских рабочих программ, Ирина Макаровна выступала научным консультантом при корректировке традиционных программ коллег по кафедре, разрабатываемых кафедрой для новых профилей бакалавриата — чешско-английского, чешско-немецкого и словацко-английского — и для профилей магистратуры «Славянская филология» и «Славяно-германская компаративистика»: элективных курсов для бакалавриата профессора М. Ю. Котовой «Британско-чешские культурные связи» и «Чешско-немецкие культурные контакты второй половины XX — начала XXI века», коллективного курса для магистрантов «Межславянские литературные связи» и «Славяно-германские межкультурные связи» и др.

Вернувшись на кафедру в 2004/2005 учебном году, И. М. Порочкина осуществляла **научное руководство** курсовыми и выпускными квалификационными работами обучающихся на бакалавриате

и в магистратуре, а также не раз **выступала рецензентом выпускных квалификационных работ (ВКР)** выпускников кафедры славянской филологии. В связи с этим приведем отрывки из опубликованных материалов круглого стола памяти Ирины Макаровны Порочкиной на мартовской XLIV Международной филологической конференции 2015 г. (на секции «Седьмые Андреевские чтения»):

— из выступления Л. А. Денисовой (Беденок): «Ирина Макаровна стала лично для меня “научной крестной”, которая дважды оппонировала мне на защите диплома и диссертации. Так что, можно сказать, что она покрестила меня в научный мир» [Денисова 2016: 72];

— из воспоминаний доцента Татьяны Евгеньевны Аникиной: «Выступая рецензентом на защите выпускной работы, она [Ирина Макаровна] увидела знакомый ей обширный текст, практически целый сайт, внесенный в работу без ссылок и кавычек. Она заставила переделать работу, и защита состоялась осенью» [Аникина 2016: 75].

Вся эта насыщенная преподавательская деятельность И. М. Порочкиной была важной частью ее творчества в последнее десятилетие ее жизни, наполненное активной научной и просветительской работой как в России, так и в Чехии.

В своей автобиографии И. М. Порочкина писала: «В настоящее время читаю лекции для студентов и магистрантов по чешскому страноведению, по литературным взаимосвязям, по словацкой литературе, курсы о русской научной и литературной эмиграции первой волны в Чехословакии, о связях Т. Г. Масарика с русскими писателями и учеными» [Порочкина 2016: 70].

Ее обширные и устойчивые долголетние контакты с чешскими богемистами и русистами позволяли Ирине Макаровне быть всегда для коллег по кафедре и студентов источником информации о всех важнейших научных событиях в Чехии — конференциях, симпозиумах, летних школах, конкурсах и стажировках. Это придавало ее лекциям особую актуальность и притягательность.

Результаты научной работы Ирины Макаровны органично входили в ее образовательные программы. Так, сборник статей под ее редакцией «Словаки в Петербурге» (2006) играл существенную роль в композиции курса «Страноведение Словакии». А ее статьи о роли Т. Г. Масарика в трансфере русской культуры на Запад использовались при чтении курсов по страноведению Чехии, межкультурным славянским связям и элективного спецкурса о Т. Г. Масарике.

И. М. Порочкина интенсивно работала над завершением монографии о Т. Г. Масарике и России, щедро делилась собранным материалом и библиографией с коллегами, что позволило им существенно отредактировать ту часть своих рабочих программ, которая касалась биографии Т. Г. Масарика и его контактов с учеными других стран. Это касается в первую очередь рабочих программ по славяно-германским межкультурным контактам.

Будучи специалистом по чешской и словацкой литературе, И. М. Порочкина придавала большое значение межславянским культурным связям, отметив при подготовке программы по этой дисциплине следующее: «“История межславянских культурных и литературных связей” — один из самых ярких и значимых курсов, которые читаются магистрантам славянского отделения. Междисциплинарный характер курса вызывает у слушателей ассоциации, которые дотол не были систематизированы и сведены в общее славянское коло. Чтение этого курса доставляет лектору большое удовольствие, поскольку перед ним — зрелые, заинтересованные слушатели, владеющие багажом полученных на факультете знаний» (приводится из документации кафедры славянской филологии).

Заслуги Ирины Макаровны Порочкиной при ее жизни были отмечены российскими и чешскими государственными наградами [Порочкина 2016: 70; Kotova, Lepilova 2015]: звания «Ветеран труда», «Ветеран войны», награждена медалями «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», «В честь 65-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады». Работа в Университете была отмечена благодарностями и грамотами, бронзовой медалью «Филологический факультет». Лауреат Премии Министерства иностранных дел Чешской Республики *Gratias agit*, которой награждаются «выдающиеся деятели и организации за неоценимый вклад в дело распространения доброго имени Чешской Республики за ее пределами». Член общества «Жители блокадного Ленинграда», член «Общества братьев Чапек», редактор Ежегодника того же общества, член общества «Демократическое движение имени Т. Г. Масарика» (Прага).

А сегодня, в год ее 100-летнего юбилея, приходит осознание того, что ее педагогическое и научное наследие изучено пока недостаточно.

Литература

Аникина Т. Е. Ирина Макаровна Порочкина // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные взаимосвязи: Материалы секции XLIV и XLV Международных филологических конференций, 10–15 марта 2015 г., 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2016. С. 73–75.

Денисова (Беденок) Л. А. Воспоминание об учителе // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные взаимосвязи: Материалы секции XLIV и XLV Международных филологических конференций, 10–15 марта 2015 г., 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2016. С. 71–73.

Мокиенко В. М. Об Ирине Макаровне Порочкиной // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные взаимосвязи: Материалы секции XLIV и XLV Международных филологических конференций, 10–15 марта 2015 г., 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2016. С. 71.

Порочкина И. М. Автобиография // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные взаимосвязи: Материалы секции XLIV и XLV Международных филологических конференций, 10–15 марта 2015 г., 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2016. С. 68–70.

Порочкина И. М. Страноведение Словакии // «Словацкий язык, английский язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: Методические рекомендации для студентов к учебному плану. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 28–31.

Порочкина И. М. Страноведение Чехии // «Чешский язык, немецкий язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: Методические рекомендации для студентов к учебному плану. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012а. С. 47–53.

Порочкина И. М. Томаш Гарриг Масарик и русская культура (спецкурс) // «Чешский язык, немецкий язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: Методические рекомендации для студентов к учебному плану. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012б. С. 171–178.

Kotova M. J.; Lepilová K. K nedožitým devadesátinám bohemistky doc. Iriny Makarovny Poročkinové, CSc. (1.2.1925 Leningrad — 21.12.2014 Sankt-Peterburg) // Opera Slavica. 2015. Vol. 25, iss. 3. P. 51–54.

TOWARDS THE TEACHING OF REGIONAL STUDIES OF THE CZECH REPUBLIC AND SLOVAKIA AT SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Olga V. Raina

Abstract. The article examines the significance of the author's main educational programs of I. M. Porochkina for the bachelor's degree in Slavic Philology at Saint Petersburg State University in the 21st century: "Regional Studies of the Czech Republic", "Regional Studies of Slovakia", "Tomash Garrigue Masaryk and Russian Culture". The close connection of the concept of these educational programs with the scientific research activities of I. M. Porochkina and her followers is emphasized.

Keywords: the Department of Slavic Philology of Saint Petersburg State University, Masaryk, Porochkina, regional studies of Slovakia, regional studies of the Czech Republic

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Мифологическая драма Марина Држича — предтеча будущей социально значимой публицистики М. Н. Дробышева	5
Руссоистские идеи и педагогическая программа П. А. Кулиша А. В. Тоичкина	14
Оскар Кольберг и его концепция издания произведений устного народного творчества О. В. Гусева	21
Поэтическая эмиграция межвоенного двадцатилетия. Борис Евреинов О. В. Розинская	31
Лирическая живопись (словацкий художник Йозеф Штурдик, 1920—1992) И. М. Аникин	38
Ленинградские слависты — переводчики художественной литературы: Святослав Павлович Свяцкий А. В. Бабанов	44
Пословичный концепт «правда/макото» и лингвокультурные коды в русских и японских поговорках А. Л. Колесникова, О. Б. Абакумова	54
Этнокультурные особенности концепта «лес» (на материале восточнославянских поговорок) В. В. Мушинская	63
ИИ — ложный друг фразеолога? О некоторых проблемах обработки устойчивых сочетаний ИИ (на материале болгарского в сопоставлении с русским, английским и французским языками) Н. В. Сивенкова	72

**Круглый стол памяти Ирины Макаровны Порочкиной:
к 100-летию юбилею**

«В храме добра и братства между людьми».

К 70-летию выхода книги «Поэзия западных
и южных славян»

Т. Н. Иванова-Шелингер 86

Ирина Макаровна Порочкина — ученый, педагог,
переводчик, просветитель. К 100-летию со дня рождения

Т. Н. Иванова-Шелингер, Н. В. Шварц 96

О некоторых аспектах изучения российско-чехословацких
межкультурных контактов XX–XXI вв.

М. Ю. Котова 108

К вопросу о преподавании чешского и словацкого
страноведения в СПбГУ

О. В. Раина..... 118

Научное издание

СЛАВИСТИКА

(Андреевские чтения; Славяне в контексте мировой культуры; Славянское языкознание):

сборник статей по материалам

LIII Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой

25—31 марта 2025 г.

Санкт-Петербург

Корректор *А. В. Ставская*

Подготовка оригинал-макета *М. А. Ивановой*

Подписано в печать 31.07.2025. Формат 60×84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,67. Тираж ???. Заказ 159.

Выпущено Издательско-полиграфической ассоциацией
высших учебных заведений
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 28, лит. А,
пом. 3-Н ком. 191. Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru